

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ

Содержание

1. Патриотические стихи;
2. Стихи про врагов России;
3. Стихи о природе России;
4. Любовные стихи;
5. Разные стихи;

1. Патриотические стихи

ЭПАМИНОНД

Когда на лаврах Мантинеи
Герой Эллады умирал
И сонм друзей, держа трофеи,
Страдальца ложе окружал, -
Мгновенный огонь одушевленья
Взор потухавший озарил.
И так, со взором убежденья,
Он окружавшим говорил:
"Друзья, не плачьте надо мною!
Недолговечен наш удел.
Блажен, кто жизни суетою
Еще измерить не успел,
Но кто за честь отчизны милой
Ее вовеки не щадил,
Разил врага - и над могилой
Его незлобливо простил!
Да, я умру, и прах мой тленный
Пустынный вихорь разнесет,
Но счастье родины священной
Красою новой зацветет!"
Умолк... Друзья еще внимали...
И видел месяц золотой,
Как, наклонившись, рыдали
Они над урной роковой.
Но слава имени героя
Его потомству предала,
И этой славы, взятой с боя,
И смерть сама не отняла.

Пронзен ядром в пылу сраженья,
Корнилов мертв в гробу лежит...
Но всей Руси благословенье
И в мир иной за ним летит.
Еще при грозном Наверине
Он украшеньем флота был;
Поборник правды и святыни,
Врагов отечества громил
И Севастополь величавый

Надежней стен оберегал...
Но смерть поспорила со славой,
И верный сын России пал.
За славу, честь родного края,
Как древний грек, он гордо пал,
И, всё земное покидая,
Он имя родины призвал.
Но у бессмертия порога
Он, верой пламенной горя,
Как христианин - вспомнил Бога,
Как верноподданный - царя.
О, пусть же ангел светозарный
Твою могилу осенит
И гимн России благодарной
На ней немолчно зазвучит!

26 октября 1854

[Апухтин А. Н.: Эпаминонд. , S. 371 (vgl. Апухтин: Полное собрание стихотворений, S. 51)]

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: "Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид".

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

Осень 1917

[Ахматова А. А.: Подорожник. , S. 1135 (vgl. Ахматова: Стихотворения. Поэмы. Проза, S. 141)]

Не бывать тебе в живых,
Со снегу не встать.

Двадцать восемь штыковых,
Огнестрельных пять.
Горькую обновушку
Другу шила я.
Любит, любит кровушку
Русская земля.

16 августа 1921

[Ахматова А. А.: Anno Domini. , S. 1188 (vgl. Ахматова: Стихотворения.
Поэмы. Проза, S. 163)]

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы - дети страшных лет России -
Забыть не в силах ничего.

Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы -
Кровавый отсвет в лицах есть.

Есть немота - то гул набата
Заставил заградить уста.
В сердцах, восторженных когда-то,
Есть роковая пустота.

И пусть над нашим смертным ложем
Взовьется с криком воронье, -
Те, кто достойней боже, боже,
Да узрят царствие твое!

8 сентября 1914

[Блок А. А.: Книга третья (1907 - 1916). , S. 5468 (vgl. Блок: Собр.соч. в 8 т.
Т.3, S. 278)]

ОСВОБОЖДЕННАЯ РОССИЯ

Освобожденная Россия, -
Какие дивные слова!
В них пробужденная стихия

Народной гордости - жива!
Как много раз, в былые годы,
Мы различали властный зов:
Зов обновленья и свободы,
Стон-вызов будущих веков!

Они, пред нами; стоя, грозно
Нас вопрошали: "Долго ль ждать?
Пройдут года, и будет поздно!
На сроках есть своя печать.
Пусть вам тяжелый жребий выпал:
Вы ль отречетесь от него?
По всем столетьям Рок рассыпал
Задачи, труд и торжество!"

Кто, кто был глух на эти зовы?
Кто, кто был слеп среди долгой тьмы?
С восторгом первый гул суровый, -
Обвала гул признали мы.
То, десять лет назад, надлома
Ужасный грохот пробежал...
И вот теперь, под голос грома,
Сорвался и летит обвал!

И тем, кто в том работал, - слава!
Не даром жертвы без числа
Россия, в дни борьбы кровавой
И в дни былого, принесла!
Не даром сгибли сотни жизней
На плахе, в тюрьмах и в снегах!
Их смертный стон был гимн отчизне,
Их подвиг оживет в веках!

Как те, и наше поколенья
Свой долг исполнило вполне.
Блажен, въявь видевший мгновенья,
Что прежде грезилась во сне!
Воплощены сны вековые
Всех лучших, всех живых сердец:
Преображенная Россия
Свободной стала. - наконец!

1 марта 1917

[Брюсов В. Я.: Девятая камена (1915-1917). , S. 7281]

ТОЛЬКО РУССКИЙ

Только русский, знавший с детства
Тяжесть вечной духоты,
С жизнью взявший, как наследство,
Дедов страстные мечты;

Тот, кто выпил полной чашей
Нашей прошлой правды муть, -
Без притворства может к нашей
Новой вольности примкнуть!

Мы пугаем. Да, мы - дики,
Тесан грубо наш народ;
Ведь века над ним владыки
Простирали тяжкий гнет, -

Но когда в толпе шумливой
Слышишь брань и буйный крик, -
Вникни думой терпеливой
В новый, пламенный язык.

Ты расслышишь в нем, что прежде
Не звучало нам вовек:
В нем теперь - простор надежде,
В нем - свободный человек!

Чьи-то цепи где-то пали,
Что-то взято навсегда,
Люди новые восстали
Здесь, в республике труда.

Полюби ж в толпе вседневный
Шум ее, и гул, и гам, -
Даже грубый, даже гневный,
Даже с бранью пополам!

1919

[Брюсов В. Я.: В такие дни (1919-1920). , S. 7384]

ПЕТЕРБУРГ

Здесь снов не ваял Сансовино,
Не разводил садов Ле-Нотр.
Все, волей мощной и единой,
Предначертал Великий Петр.

Остановив в болотной топи
Коня неистового скок,
Он повернул лицом к Европе
Русь, что смотрела на Восток;

Сковал седым гранитом реки,
Возвысил золоченый шпиль,
Чтоб в ясной мгле, как призрак некий,
Гласил он будущую быль.

Вдали - поля, поля России,
Усталый труд, глухая лень,
Всё те же нивы вековые
Все тех же скудных деревень;

Вдали, как редкие цветенья,
Шумят несмело города,
В краях тоски и униженья,
Былого рабства и стыда.

Но Петроград огнями залит,
В нем пышный роскоши расцвет,
В нем мысль неутомимо жалит,
В нем тайной опьянен поэт,

В нем властен твой холодный гений,
Наш Кесарь-Август, наш Ликург!
И отзвуком твоих стремлений
Живет доньше Петербург!

1912

[Брюсов В. Я.: Семь цветов радуги (1912-1915). , S. 7256]

Я - междумирок. Равен первым,

Я на собраньи знати - пэр,
И каждым вздохом, каждым нервом
Я вторю высшим духам сфер.

Сумел мечтами подсмотреть я
Те чувства, что взойти должны,
Как пышный сев, спустя столетья, -
Но ныне редким суждены!

Но создан я из темной глины,
На мне ее тяжелый гнет.
Пусть я достиг земной вершины, -
Мой корень из низин растет.

Мне Гете - близкий, друг - Вергилий,
Верхарну я дарю любовь...
Но ввысь всходил не без усилий -
Тот, в жилах чьих мужичья кровь.

Я - твой, Россия, твой по роду!
Мой предок вел соху в полях.
Люблю твой мир, твою природу,
Твоих творящих сил размах!

Поля, где с краю и до краю
Шел "в рабском виде" царь небес,
Любя, дрожа, благословляю:
Здесь я родился, здесь воскрес!

И там, где нивы спелой рожью
Труду поют хвалу свою,
Я в пахаре, с любовной дрожью,
Безвестный, брата узнаю!

18 июля 1911, 1918

[Брюсов В. Я.: Стихотворения, не входившие в сборники. , S. 7546]

4. МИР

С Россией кончено... На последях
Ее мы прогалдели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,

Замызгали на грязных площадях.

Распродали на улицах: не надо ль
Кому земли, республик да свобод,
Гражданских прав? И родину народ
Сам выволок на гноище, как падаль.

О, Господи, разверзни, расточи,
Пошли на нас огонь, язвы и бичи:
Германцев с запада, монгол с востока.

Отдай нас в рабство вновь и навсегда,
Чтоб искупить смиренно и глубоко
Иудин грех до Страшного Суда.

1917

[Волошин М. А.: Из книги "Неопалимая купина". , S. 8951 (vgl. Волошин:
Средоточье всех путей, S. 79)]

ПОМИНКИ

<ЯЗЫКОВ>

Ты, душой не ослабевший
Под болезненным ярмом,
Ты сверкавший, ты гремевший
Огнедышащим стихом.

Складкой русской, краской местной
Ты поэт наш коренной!
Пушкин был отец твой крестный,
А Державин прадед твой.

Грустный узник на чужбине,
Русский дедовских времен,
Ты рвался к родной святыне
Из удушья чуждых стен.

В степь рвался, где Русью веет,
Где шумит сосновый бор,
Где ласкает, душу греет

Кровных братьев разговор.

Там, где виноградник вьется,
Блещет неба синий свод,
Там, где Рейн зеленый льется,
Отражая в лоне вод

Замки древности глубокой,
Гор и стен зубчатых высь,
Вниз по Волге по широкой
Сны и песнь твои неслись.

Хохот твой добросердечный,
Простодушие детских дней,
Ум свободный, нрав беспечный
Были радостью друзей.

Сохранивший до кончины
К песням свежую любовь,
Удаль русской братовщины
И студенческую кровь.

Соблюдавший предков нравы,
Трезвый постник по нужде,
Ты любил пиры, забавы,
Сам же сидя на воде.

И с радушьем старобытным,
Замогильный хлебосол,
Ты друзей к поминкам сытным
Созвал за посмертный стол.

Исполать тебе, дружище,
Не поддался ты судьбе,
И в душах и на кладбище
Память вечная тебе!

[Вяземский П. А.: Поминки. , S. 9686 (vgl. Вяземский: Сочинения, S. 281)]

ЗНАЙТЕ!

Она не погибнет, - знайте!

Она не погибнет, Россия.
Они всколосятся, - верьте!
Поля ее золотые.

И мы не погибнем, - верьте!
Но что нам наше спасенье?
Россия спасется, - знайте!
И близко ее воскресенье.

Декабрь 1918

СПБ

[Гиппиус З. Н.: Стихи. Дневник 1911-1921. , S. 10526 (vgl. Гиппиус: Собр. соч. в 2-х т. Т.2., S. 527)]

МОСКВА

Город чудный, город древний,
Ты вместил в свои концы
И посадки и деревни,
И палаты и дворцы!

Опоясан лентой пашен,
Весь пестреешь ты в садах:
Сколько храмов, сколько башен
На семи твоих холмах!...

Исполинскою рукою
Ты, как хартия, развит,
И над малою рекою
Стал велик и знаменит!

На твоих церквах старинных
Вырастают деревья;
Глаз не схватит улиц длинных...
Это матушка Москва!

Кто, силач, возьмет в охапку
Холм Кремля-богатыря?
Кто собьет златую шапку
У Ивана-звонаря?..

Кто Царь-колокол подымет?

Кто Царь-пушку повернет?
Шляпы кто, гордец, не снимет
У святых в Кремле ворот?!

Ты не гнула крепкой выи
В бедовой своей судьбе:
Разве пасынки России
Не поклонятся тебе!...

Ты, как мученик, горела
Белокаменная!
И река в тебе кипела
Бурнопламенная!

И под пеплом ты лежала
Полоненною,
И из пепла ты восстала
Неизменною!...

Процветай же славой вечной,
Город храмов и палат!
Град срединный, град сердечный,
Коренной России град!

<1840>

[Глинка Ф. Н.: Москва. , S. 10886 (vgl. Глинка: Сочинения, S. 91-92)]

РУССКИЕ ДЕВУШКИ

Зрел ли ты, певец Тиисский!
Как в лугу весной бычка
Пляшут девушки российски
Под свирелью пастушка?
Как, склонясь главами, ходят,
Башмаками в лад стучат,
Тихо руки, взор поводят
И плечами говорят?
Как их лентами златыми
Челы белые блестят,
Под жемчугами драгими
Груды нежные дышат?
Как сквозь жилки голубые

Льется розовая кровь,
На ланитах огневые
Ямки врезала любовь?
Как их брови соболины,
Полный искр соколией взгляд,
Их усмешка - души львины
И орлов сердца разят?
Коль бы видел дев сих красных,
Ты б гречанок позабыл
И на крыльях сладострастных
Твой Эрот прикован был.

1799

[Державин Г. Р.: Русские девушки. , S. 13164 (vgl. Державин: Сочинения., S. 226)]

МОСКВА

28 марта 1847 года,
в день ее семисотлетия

Процветай, царей столица,
Мать русских городов,
Слова русского царица
И уставщица умов!

Есть ли град с тобою равный?
Есть один, и стар и сед:
То наш Киев православный,
Где возник нам веры свет!

Старец, некогда могучий,
На горах своих княжил,
Днепр ладьи его летучи
До чужих морей носил;

Но и он главой державной
Поклонился, уступил
Многохрамной, православной
Собирательнице сил!

Сохранив одну святыню

И сложив венец князей,
Он признал в ней господиню
Над сединою своей!

И любитесь он славой,
Восседающей на холмах,
Величавой, златоглавой,
В многих царственных венцах!

Там, где бор дремучий, дикий
Песнь отшельника внимал,
Белокаменный, великий,
Вырос Кремль и засиял!

И рядилась младая,
Величавая Москва,
Стены, башни убирая
Дивных зодчеств в кружева!

И стекались, рать за ратью,
Многих княжеств знамена,
И своею благодатью
Осенила их она!

Новград, с золотом полсвета,
Ей принес свободу в дань,
И рабыня Магомета
Пала в ноги ей, Казань!

И Урал ей отпер горы,
И Сибирь златое дно;
Русь, забыв семейны споры,
Зажила с ней заодно!

Здесь Россия! - С ней страдала
В годы тяжкие Москва;
С ней она и восставала
К торжеству от торжества!

С ней делила скорбь и горе,
И на брань звала сынов
В дни, когда народов море
Выступало из берегов!

С края царства и до края
Голос славы и молвы:
Русь родная! Русь святая!
Краше нет твоей Москвы!

Вот промчались семь столетий
Над святой ее главой!
Соберитесь, Руси дети,
Поздороваться с Москвой!

Многи веки ей, державной!
Будь богата и славна!
И поклон ей, православной:
Именинница она!

3 февраля 1847 г. Москва
[Дмитриев М. А.: Москва. , S. 13499 (vgl. Дмитриев: Московские элегии, S.
103)]

СОСЛОВНЫЕ РЕЧИ

Вослед за речью речь звучала:
"Народ, законность, власть, права..."
Что ж это? Громкие ль слова?
Или гражданские начала?..
Нет! Гражданин сословных прав
Ярмом на земство не наложит!
И возглашать никто не может -
Народной думы не узнав
И от земли не полномочен, -
Что строй его правдив и прочен!
Тот строй законен и живуч,
Где равноправная свобода,
Как солнце над главой народа,
Льет всем живительный свой луч.
Во имя блага с мыслью зрелой,
И кроме блага - ничего!
Так вековое зиждут дело
Вожди народа своего.
А вас, сословные витии,
Вас дух недобрый подучил
Почетной стражей стать в России

Против подъема русских сил!

Январь 1865

[Жемчужников А. М.: Сословные речи. , S. 14130 (vgl. Жемчужников:
Избранные произведения, S. 95)]

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА

Русский царь созвал дружины
Для великой годовщины
На полях Бородина.
Там земля окрещена:
Кровь на ней была святая;
Там, престол и Русь спасая,
Войско целое легло
И престол и Русь спасло.

Как ярилась, как кипела,
Как пылала, как гремела
Здесь народная война
В страшный день Бородина!
На полки полки бросались,
Холмы в громах загорались,
Бомбы падали дождем,
И земля тряслась кругом.

А теперь пора иная:
Благовонно-золотая
Жатва блещет по холмам;
Где упорней бились, там
Мирных инокинь обитель;¹⁵
И один остался зритель
Сих кипевших бранью мест,
Всех решитель браней - крест.

И на пир поминовенья
Рать другого поколенья
Новым, славным уж царем
Собрана на месте том,
Где предместники их бились,
Где столь многие свершились
Чудной храбрости дела,

Где земля их прах взяла.

Так же рать числом обильна;
Так же мужество в ней сильно;
Те ж орлы, те ж знамена
И полков те ж имена...
А в рядах другие стали;
И серебряной медали,
Прежним данной ей царем,
Не видать уж ни на ком.

И вождей уж прежних мало:
Много в день великий пало
На земле Бородина;
Позже тех взяла война;
Те, свершив в Париже тризну
По Москве и рать в отчизну
Проводивши, от земли
К храбрым братьям отошли.

Где Смоленский, вождь спасенья?
Где герой, пример смиренья,
Введший рать в Париж Барклай?
Где, и свой и чуждый край
Дерзкой бодростью дививший
И под старость сохранивший
Все, что в молодости есть,
Коновницын, ратных честь?

Неподкупный, неизменный,
Хладный вождь в грозе военной,
Жаркий сам подчас боец,
В дни спокойные мудрец,
Где Раевский? Витязь Дона,
Русской рати оборона,
Неприятелю аркан,
Где наш Вихорь-атаман?

Где наездник, вождь летучий,
С кем врагу был страшной тучей
Русских тыл и авангард,
Наш Роланд и наш Баярд,
Милорадович? Где славный
Дохтуров, отвагой равный

И в Смоленске на стене
И в святом Бородине?

И других взяла судьбина:
В бое зрев погибель сына,
Рано Строганов увял;
Нет Сен-При; Ланской наш пал;
Кончил Тормасов; могила
Неверовского сокрыла;
В гробе старец Ланжерон;
В гробе старец Бенингсон.

И боец, сын Аполлонов...
Мнил он гроб Багратионов
Проводить в Бородино...
Той награды не дано:
Вмиг Давыдова не стало!
Сколько славных с ним пропало
Боевых преданий нам!
Как в нем друга жаль друзьям!

И тебя мы пережили,
И тебя мы схоронили,
Ты, который трон и нас
Твердым царским словом спас,
Вождь вождей, царей диктатор,
Наш великий император,
Мира светлая звезда,
И твоя пришла череда!

О година русской славы!
Как теснились к нам державы!
Царь наш с ними к чести шел!
Как спасительно он ввел
Рать Москвы к врагам в столицу!
Как незлобно он десницу
Протянул врагам своим!
Как гордился русский им!

Вдруг... от всех честен далеко,
В бедном крае, одиноко, -
Перед плачущей женой,
Наш владыка, наш герой,
Гаснет царь благословенный;

И за гробом сокрушенно.
В погребальный слившись ход,
Вся империя идет.

И его как не бывало,
Перед кем все трепетало!...
Есть далекая скала;
Вкруг скалы - морская мгла;
С морем степь слилась другая,
Бездна неба голубая;
К той скале путь загражден...
Там зарыт Наполеон.

Много с тех времен, столь чудных,
Дней блистательных и трудных
С новым зрели мы царем;
До Стамбула русский гром
Был доброшен по Балкану;
Миром мстили мы султану;
И вскатил на Арарат
Пушки храбрый наш солдат.

И все царство Митридата
До подошвы Арарата
Взял наш северный Аякс;
Русской гранью стал Араке;
Арзерум сдался нам дикий;
Закипел мятеж великий;
Пред Варшавой стал наш фронт,
И с Варшавой рухнул бунт.

И, нежданная ограда,
Флот наш был у стен Царьграда;
И с турецких берегов,
В память северных орлов,
Русской сторож на Босфоре,
Отразясь в заветном море,
Мавзолей наш говорит:
"Здесь был русский стан разбит".

Всходит дневное светило
Так же ясно, как всходило
В чудный день Бородина;
Рать в колонны собрана,

И сияет перед ратью
Крест небесной благодатью,
И под ним в виду колонн
В гробе спит Багратион.

Здесь он пал, Москву спасая,
И, далеко умирая,
Слышал весть: Москвы уж нет!
И опять он здесь, одет
В гробе дивною броней,
Бородинскою землею;
И великий в гробе сон
Видит вождь Багратион.

В этот час тогда здесь бились!
И враги, ярьась, ломились
На холмы Бородина;
А теперь их тишина,
Небом полная, объемлет,
И как будто бы подъемлет
Из-за гроба голос свой
Рать усопшая к живой.

Несказанное мгновенье!
Лишь изрек, свершив моление,
Предстоявший алтарю:
Память вечная царю!
Вдруг обгрянул залп единый
Бородинские вершины,
И в один великий глас
Вся с ним армия слилась.

Память вечная, наш славный,
Наш смиренный, наш державный,
Наш спасительный герой!
Ты обет изрек святой;
Слово с трона роковое
Повторилось в дивном бое
На полях Бородина:
Им Россия спасена.

Память вечная вам, братья!
Рать младая к вам объятья
Простирает в глубь земли;

Нашу Русь вы нам спасли;
В свой черед мы грудью станем;
В свой черед мы вас помянем,
Если царь велит отдать
Жизнь за общую нам мать.

[Жуковский В. А.: Разные стихотворения. , S. 14832 (vgl. Жуковский: соч. в 3-х томах. Т. 1, S. 324)]

РУССКИЙ УМ

Своенаачальный, жадный ум, -
Как пламень, русский ум опасен:
Так он не удержи́м, так ясен,
Так весел он - и так угрюм.

Подобный стрелке неуклонной,
Он видит полюс в зыбь и муть;
Он в жизнь от грезы отвлеченной
Пугливой воле кажет путь.

Как чрез туманы взор орлиный
Обслеживает прах долины,
Он здраво мыслит о земле,
В мистической купаясь мгле.

[Иванов В. И.: Кормчие звезды. , S. 15018 (vgl. Иванов: Собр. соч. т.1, S. 556)]

Нет в России даже дорогих могил,
Может быть, и были - только я забыл.

Нету Петербурга, Киева, Москвы -
Может быть, и были, да забыл, увы.

Ни границ не знаю, ни морей, ни рек.
Знаю - там остался русский человек.

Русский он по сердцу, русский по уму,
Если я с ним встречусь, я его пойму.

Сразу, с полуслова... И тогда начну
Различать в тумане и его страну.

[Иванов Г. В.: Стихотворения (1943 – 1958). , S. 16842 (vgl. Иванов:
Собрание сочинений в 3 т., S. 382)]

Блаженны мы, когда идем
Отважно, твердою стопою
С неунывающей душою
Тернистым жизненным путем;

Когда лукавые сомненья
Не подрывают веры в нас.
Когда соблазна горький час
И неизбежные паденья

Нам не преграда на пути,
И мы, восстав, прах отряхая,
К вратам неведомого края
Готовы бодро вновь идти;

Когда не только дел и слова,
Но даже мыслей чистоту
Мы возведем на высоту,
Все отрешаясь от земного;

Когда к Создателю, как дым
Кадильный, возносясь душою,
Неутомимую борьбою
Себя самих мы победим.

Иматра
1 августа 1907

[К. Р. (великий князь Константин Константинович): Из цикла "Мечты и
думы". , S. 17169 (vgl. К. Р.: Избранное, S. 75)]

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСЕНКА

Князю Иоанну Константиновичу

Спи в колыбели нарядной,
Весь в кружевах и шелку,
Спи, мой сынок ненаглядный,
В теплом своем уголку!

В тихом безмолвии ночи
С образа, в грусти святой,
Божией Матери очи
Кротко следят за тобой.

Сколько участия во взоре
Этих печальных очей!
Словно им ведомо горе
Будущей жизни твоей.

Быстро крылатое время,
Час неизбежный пробьет;
Примешь ты тяжкое бремя
Горя, труда и забот.

Будь же ты верен преданьям
Доброй, простой старины;
Будь же всегда упованьем
Нашей родной стороны!

С верою твердой, слепую
Честно живи ты свой век!
Сердцем, умом и душою
Русский ты будь человек!

Пусть тебе в годы сомненья,
В пору тревог и невзгод,
Служит примером терпенья
Наш православный народ.

Спи же! Еще не настали
Годы смятений и бурь!
Спи же, не зная печали,
Глазки, малютка, зажмурь!..

Тускло мерцает лампадка
Перед иконой святой...
Спи же безопасно и сладко,

Спи, мой сынок, дорогой!

Мраморный дворец

4 марта 1887

[К. Р. (великий князь Константин Константинович): Из цикла "Мечты и думы". , S. 17153 (vgl. К. Р.: Избранное, S. 65-66)]

Костра степного взвивы,

Мерцанье высоты,

Бурьяны, даль и нивы -

Россия - это ты!

На мне бойца кольчуга,

И, подвигом горя,

В туман ночного луга

Несу светильник я.

Вас, люди, звери, гады,

Коснется ль вещей крик:

Огонь моей лампы -

Бессмертия родник!

Всё глухо. Точит злаки

Степная саранча...

Передо мной во мраке

Колеблется свеча,

Роняет сны-картинки

На скатертчатый стол -

Минувшего поминки,

Грядущего символ.

1910

[Клюев Н. А.: Костра степного взвивы.... , S. 18624 (vgl. Клюев: Стихотворения и поэмы, S. 122)]

МАТРОС

Грохочет Балтийское море,

И, пенясь в расщелинах скал,

Как лев, разъярившийся в ссоре,
Рычит набегающий вал.

Со стоном другой, подоспевший,
О каменный бьется уступ,
И лижет в камнях посиневший,
Холодный, безжизненный труп.

Недвижно лицо молодое,
Недвижен гранитный утес...
Замучен за дело святое
Безжалостно юный матрос.

Не в грозном бою с супостатом,
Не в чуждой, далекой земле -
Убит он своим же собратом,
Казнен на родном корабле.

Погиб он в борьбе за свободу,
За правду святую и честь...
Снесите же, волны, народу,
Отчизне последнюю весть.

Снесите родной деревушке
Посмертный, рыдающий стон
И матери, бедной старушке,
От павшего сына - поклон!

Рыдает холодное море,
Молчит неприветная даль,
Темна, как народное горе,
Как русская злая печаль.

Плывет полумесяц багровый
И кровью в пучине дрожит...
О, где же тот мститель суровый,
Который за кровь отомстит?

<1918>

[Клюев Н. А.: Матрос. , S. 18913 (vgl. Клюев: Стихотворения и поэмы, S. 363)]

ЗЕМНОЕ СЧАСТИЕ

Не тот счастлив, кто кучи злата
Сбирает жадною рукой
И - за корысть - родного брата
Тревожит радостный покой;
Не тот, кто с буйными страстями
В кругу прелестниц век живет,
В пирах с ничтожными глупцами
Беседы глупые ведет
И с ними ценит лишь словами
Святую истину, добро,
А нажитое серебро
Хранит, не дремля, под замками.
Не тот счастлив, не тот, кто давит
Народ мучительным ярмом
И кто свое величье ставит
На полразрушенном другом!
Он пренебрег земли законы,
Он, презирая вопль и стоны,
И бедной, горестной мольбе
Смеется вопрекор судьбе!..
Он бога гнев, он кары неба
Считает за ничтожный страх;
Суму, кусок последний хлеба
Отнял у ближнего - и прав!
Не он! - Но только тот блажен,
Но тот счастлив и тот почтен,
Кого природа одарила
Душой, и чувством, и умом,
Кого фортуна наградила
Любовью - истинным добром.
Всегда пред богом он с слезою
Молитвы чистые творит,
Доволен жизнью земною,
Закон небес боготворит,
Открытой грудью стоит
Пред казнью, злобою людскою,
И за царя, за отчий кров
Собой пожертвовать готов.
Он, и немного имея,
Всегда делиться рад душой;
На помощь бедных, не жалея,
Все щедрой раздает рукой!

Старобельск.

20 августа 1830 г.

[Кольцов А. В.: Стихотворения (1830). , S. 19307 (vgl. Кольцов: Сочинения, S. 60-61)]

ПОСЛЕДНЯЯ БОРЬБА

Надо мною буря выла,
Гром по небу грохотал,
Слабый ум судьба страшила,
Холод в душу проникал.

Но не пал я от страданья,
Гордо выдержал удар,
Сохранил в душе желанья,
В теле - силу, в сердце - жар!

Что погибель! что спасенье!
Будь что будет - все равно!
На святое провиденье
Положился я давно!

В этой вере нет сомненья,
Ею жизнь моя полна!
Бесконечно в ней стремленье!..
В ней покой и тишина...

Не грози ж ты мне бедою,
Не зови, судьба, на бой:
Готов биться я с тобою,
Но не сладишь ты со мной!

У меня в душе есть сила,
У меня есть в сердце кровь,
Под крестом - моя могила;
На кресте - моя любовь!

20 сентября 1838 г.

[Кольцов А. В.: Стихотворения (1838). , S. 19438 (vgl. Кольцов: Сочинения, S. 129)]

БОРОДИНО

- Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!

- Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри - не вы!
Плохая им досталась доля:
Не многие вернулись с поля...
Не будь на то господня воля,
Не отдали б Москвы!

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
"Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?"

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки -
Французы тут как тут.

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат мусью!
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в этакой безделке?
Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
"Пора добратся до картечи!"
И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.

Прилег вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Все шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рожден был хватом
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражен булатом,
Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
"Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!"
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Ну ж был денек! Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,
И всё на наш редут.
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.

Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,

Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась - как наши груди;
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...

Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны -
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри - не вы.
Плохая им досталась доля:
Не многие вернулись с поля,
Когда б на то не божья воля,
Не отдали б Москвы!

[Лермонтов М. Ю.: Бородино. , S. 21457 (vgl. Лермонтов: Соч. т.1, S. 156)]

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;

И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь - и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож:
И горе для тебя! - твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет всё ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом.

[Лермонтов М. Ю.: Стихотворения (1830). , S. 20977 (vgl. Лермонтов: Соч. в 2-х томах. Т.1, S. 0)]

РОДИНА

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Но я люблю - за что, не знаю сам -
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям;
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень.
Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

[Лермонтов М. Ю.: Стихотворения (1841)., S. 21376 (vgl. Лермонтов: Соч. в 2-х томах. Т.1, S. 0)]

Вот так латинские народы,
Во имя братства и любви,
Шли в отдаленные походы.
Кипела доблесть в их крови.
Иуде чуждая и Крезам,
Лишь славолюбием дыша,
Под этой сталью и железом
Жила великая душа.
И ею созданные люди
На нас колоссами глядят,
Которых каменные груди
Ни меч, ни гром не сокрушат.
Тогда в ряды священной рати
Не ополчались мы войной.
Отдельно, далеко от братии,
Вели мы свой крестовый бой.
Уж недра Азии бездонной,
Как разгоравшийся вулкан,
К нам слали чад своих миллионы:
Дул с степи жаркий ураган,
Металась степь, как океан, -
Восток чреват был Чингисханом!
И Русь одна тогда была
Сторожевым Европы станом,
И уж за веру кровь лила...
Недолго рыцарей глубоко
Так трогал клик: "Иерусалим!"
Стон христианского Востока
Всё глуше становился им!
Россия гибла: к христианам
Взывала воплями она;
Но, как Иосиф агарянам,
Была от братьев продана!
Упала с громом Византия;
Семья славянских царств за ней;
Столпы сложились костяные
Из черепов богатырей;
За честь Евангеля Христова
Сыны Людовика Святого

Уж выручать не шли Царьград.
От брата отшатнулся брат...
Мы - крестоносцы от начала!
Орда рвала нас по клочкам,
Нас жгла, - но лучше смерть, чем срам;
Страдальцев кровью возрастала
И крепла Русь; как мститель встала
И, верная себе, идет
В обетованный свой поход.
За что же западные братья,
Забыв свой подвиг прежних лет.
Ей шлют безумные проклятья,
Как скрежет демонов во след?
За что ж с тоскою и заботой
На нас они, косясь, глядят?
За что ж на нас идут их флоты
И нам погибелью грозят?
За что ж?.. За то, что мы созрели,
Что вдруг в учениках своих
Они совместников узрели;
Что то не шутка: между них
Мы смело требуем гражданства!
Мы не пришельцы - зиждем храм,
Еще неведомый векам;
На необъятное пространство
Фундамент вывели; пред ним
Бледнеют древние державы, -
И новых сил, и новой славы
Младое солнце страшно им!
Докончить храм - в нас есть отвага,
В нас вера есть, в нас сила есть,
Все для него земные блага
Готовы в жертву мы принести...
За то, что нам пришлось на долю
Свершить, что Запад начинал;
Что нас отныне бог избрал
Творить его святую волю;
Что мы под знаменем креста
Не лицемерим, не торгуем,
И фарисейским поцелуем
Не лобызаем мы Христа...
И, может быть, враги предвидят,
Что из России ледяной
Еще невиданное выйдет

Гигантов племя к ним грозой,
Гигантов - с ненасытной жаждой
Бессмертья, славы и добра,
Гигантов - как их мир однажды
Зрел в грозном образе Петра.

1853

[Майков А. Н.: Картины. , S. 22421 (vgl. Майков: Сочинения в 2-х томах. Т. 1, S. 302)]

ЗАВЕТ СТАРИНЫ

Снилось мне: по всей России
Светлый праздник - древний храм,
Звон, служенье литургии,
Блеск свечей и фимиам, -

На амвоне ж, в фимиаме,
Точно в облаке, стоит
Старцев сонм и нам, во храме
Преклоненным, говорит:

"Труден в мире, Русь родная,
Был твой путь; но дни пришли -
И, в свой новый век вступая,
Ты у господина моли,

Чтоб в сынах твоих свободных
Коренилось и росло
То, что в годы бед народных,
Осенив тебя, спасло;

Чтобы ты была готова -
Сердце чисто, дух велик -
Стать на судище Христово
Всем народом каждый миг;
Чтоб, в вождях своих сияя
Сил духовных полнотой,
Богоносица святая,
Мир вела ты за собой

В свет - к свободе бесконечной

Из-под рабства суеты,
На исканье правды вечной
И душевной красоты..."

<1878>

[Майков А. Н.: Картины. , S. 22713 (vgl. Майков: Сочинения в 2-х томах. Т. 1, S. 470)]

В белом раю лежит богатырь:
Пахарь войны, пожилой мужик.
В серых глазах мировая ширь:
Великорусский державный лик.

Только святые умеют так
В благоуханном гробу лежать:
Выпростав руки, блаженства в знак,
Славу свою и покой вкушать.

Разве Россия не белый рай
И не веселые наши сны?
Радуйся, ратник, не умирай:
Внуки и правнуки спасены!

Декабрь 1914

[Мандельштам О. Э.: Стихотворения разных лет. , S. 23716 (vgl. Мандельштам: Соч. в 2-х т. Т.1, S. 298-299)]

РОССИЯ

Не все ли равно мне, рабой ли, наемницей
иль просто безумной тебя назовут?
Ты светишь... Взгляну - и мне счастье
вспомнится.
Да, эти лучи не зайдут.

Ты в страсти моей и в страданиях торжественных,
и в женском медлительном взгляде была.
В полях озаренных, холодных и девственных,
цветком голубым ты цвела.

Ты осень водила по рощам заплаканным,
весной целовала ресницы мои.
Ты в душных церквах повторяла за дьяконом
слепые слова ектеньи.

Ты летом за нивой звенела зарницами,
в день зимний я в инее видел твой лик.
Ты ночью склонялась со мной над страницами
властительных, песенных книг.

Была ты и будешь. Таинственно создан я
из блеска и дымки твоих облаков.
Когда надо мною ночь плещется звездная,
я слышу твой реющий зов.

Ты - в сердце, Россия. Ты - цепь и подножие,
ты - в ропоте крови, в смятенье мечты.
И мне ли плутать в этот век бездорожия?
Мне светишь по-прежнему ты.

5 марта 1919

Крым

[Набоков В. В.: Горний путь. , S. 26010 (vgl. Набоков: Стихотворения и поэмы, S. 57)]

РОДИНА

Бессмертное счастье наше
Россией зовется в веках.
Мы края не видели краше,
а были во многих краях.

Но где бы стезя ни бежала,
нам русская снилась земля.
Изгнание, где твое жало,
чужбина, где сила твоя?

Мы знаем молитвы такие,
что сердцу легко по ночам;
и гордые музы России
незримо сопутствуют нам.

Спасибо дремучему шуму
лесов на равнинах родных,
за ими внушенную думу,
за каждую песню о них.

Наш дом на чужбине случайной,
где мирен изгнанника сон,
как ветром, как морем, как тайной,
Россией всегда окружен.

1927

[Набоков В. В.: Стихотворения, не входившие в прижизненные сборники. , S. 26455 (vgl. Набоков: Стихотворения и поэмы, S. 408)]

К РОССИИ

Мою ладонь географ строгий
разрисовал: тут все твои
большие, малые дороги,
а жилы - реки и ручьи.

Слепец, я руки простираю
и все земное осязаю
через тебя, страна моя.
Вот почему так счастлив я.

И если правда, что намедни
мне померещилось во сне,
что час беспечный, час последний
меня найдет в чужой стране,

как на покато́й школьной парте,
совьешься ты подобно карте,
как только отпущу края,
и ляжешь там, где лягу я.

1928

[Набоков В. В.: Стихотворения, не входившие в прижизненные сборники. , S. 26472 (vgl. Набоков: Стихотворения и поэмы, S. 420)]

ПРАЗДНОМУ ЮНОШЕ

Что сидишь ты сложа руки?
Ты окончил курс науки,
Любишь русский край,

Остроумно, интересно
Говоришь ты, мыслишь честно...
Что же? Начинай!

Иль тебе всё мелко, низко?
Или ждешь труда - без риска?
Времена не те!

В наши дни одним шпионам
Безопасно, как воронам
В городской черте.

[Некрасов Н. А.: Стихотворения (1876). , S. 27759 (vgl. Некрасов:
Стихотворения, S. 226)]

ПРИГОВОР

"... Вы в своей земле благословенной
Парии - не знает вас народ,
Светский круг, бездушный и надменный,
Вас презреньем хладный обдает.

И звучит бесцельно ваша лира,
Вы певцами темной стороны -
На любовь, на уваженье мира
Не стяжавшей права - рождены!..."

Камень в сердце русское бросая,
Так о нас весь Запад говорит.
Заступись, страна моя родная!
Дай отпор!... Но родина молчит...

[Некрасов Н. А.: Стихотворения (1877). , S. 27767 (vgl. Некрасов:
Стихотворения, S. 229)]

Вперед! без страха и сомненья
На подвиг доблестный, друзья!
Зарю святого искупленья
Уж в небесах завидел я!

Смелей! Дадим друг другу руки
И вместе двинемся вперед.
И пусть под знаменем науки
Союз наш крепнет и растет.

Жрецов греха и лжи мы будем
Глаголом истины карать,
И спящих мы от сна разбудим,
И поведем на битву рать!

Не сотворим себе кумира
Ни на земле, ни в небесах;
За все дары и блага мира
Мы не падем пред ним во прах!..

Провозглашать любви ученье
Мы будем нищим, богачам
И за него снесем гоненье,
Простив безумным палачам!
Блажен, кто жизнь в борьбе кровавой,
В заботах тяжких истощил;
Как раб ленивый и лукавый,
Талант свой в землю не зарыл!

Пусть нам звездой путеводной
Святая истина горит;
И верьте, голос благородный
Недаром в мире прозвучит!

Внемлите ж, братья, слову брата,
Пока мы полны юных сил:
Вперед, вперед, и без возврата,
Что б рок вдали нам ни сулил!

<1846>

[Плещеев А. Н.: Вперед! без страха и сомненья.... , S. 29309 (vgl. Плещеев:
Стихотворения, S. 56-57)]

ЕЛКА

В школе шумно; раздаётся
Беготня и шум детей...
Знать, они не для учёнья
Собрались сегодня в ней?

Нет! рождественская елка
В ней сегодня зажжена;
Пестротой своей нарядной
Деток радует она.

Детский взор игрушки манят...
Здесь лошадка, там волчок,
Вот железная дорога,
Вот охотничий рожок.

А фонарики... а звезды,
Что алмазами горят...
А орехи золотые,
А прозрачный виноград!

Будьте ж вы благословенны,
Вы, чья добрая рука
Убирала эту елку
Для малюток бедняка.

Редко, редко озаряет
Радость светлая их дни,
И весь год им будут сниться
Елки яркие огни!

<1887>

[Плещеев А. Н.: Елка. , S. 29658 (vgl. Плещеев: Стихотворения, S. 297)]

Жаль мне тех, чья гибнет сила
Под гнетущим игом зла;
Жаль мне тех, кого могила
Преждевременно взяла;
Тех бойцов с душою чистой,

Мысли доблестных вождей,
Что дорогою тернистой
Бодро к цели шли своей
С словом пламенным пророка,
Пробуждающим от сна;
Я скорблю о них глубоко,
Свято чту их имена.

Но и вас мне жаль порою,
Изнемогших на пути:
Не хотели вы с толпою
Ослепленною брести,
Но не в силах были благу
Ближних жертвовать собой;
Дух ваш гордость и отвагу -
Всё утратил пред бедой.
Жаль мне вас: я знаю, совесть
Часто шепчет вам укор;
Вашей молодости повесть

Вам слезой туманит взор.
В вашем сердце боязливом
Не угасли стыд и честь;
Знаю я, благим порывам
И теперь к вам доступ есть.
Но над вами полной власти
Не иметь им никогда,
Потому что сила страсти
Сердцу вашему чужда.
И идете вы, склоняя
Грустно голову свою,
Но в душе благословляя
Честно гибнущих в бою.

Жаль мне вас... Но есть иные -
И бесчисленны они,-
Что на подвиги благие
Тоже шли в былые дни;
Но высокие стремленья
В жертву пошлости людской
Принесли без сожаленья,
Преклонившись пред толпой,
Честной мысли изменили,
Братьев продали своих,

И позором их клеймили,
И швыряли грязью в них.
Эта дышащая злобой
И предательская рать
Будет ненависть до гроба
В честных душах пробуждать!

<1868>

[Плещеев А. Н.: Жаль мне тех, чья гибнет сила.... , S. 29542 (vgl. Плещеев:
Стихотворения, S. 215)]

К ЮНОСТИ

(Посвящается молодому поколению)

О юность, юность, где же ты?
Где эта пылкая отвага
И вдохновенные мечты?
Готовность где во имя блага,
Покинув все - семью и дом, -
Идти на битву с мощным злом?

Их нет давно!.. И нету сил
На подвиг трудный и суровый;
Как раб, что много лет носил
Неволи тяжкие оковы,
Я духом слаб, я изнемог,
Сломил меня железный рок.

Лишь одного житейский гнет
Убить в душе моей не в силах,
Одно в ней только не умрет,
Хотя и будет в этих жилах
Струиться старческая кровь:
К отважной юности любовь!..

Когда, толпясь вокруг меня,
Кипит младое поколение,
Иного, радостного дня
Рассвет я вижу в отдаленье
И говорю с восторгом я:
"Бог помочь, братья и друзья!

Несите твердою рукой
Святое знамя жизни новой,
Не отступая пред толпой,
Бросать камнями готовой
В того, кто сон ее смутит,
Чья речь, как божий меч, разит.

Бог помочь, братья и друзья!
Когда ж желанный день настанет,
Пусть ваша дружная семья
Отживших нас добром помянет,
Нас всех, чья молодость прошла
В борьбе с гнетущей силой зла!"

25 февраля 1862

[Плещеев А. Н.: К юности (Посвящается молодому поколению). , S. 29494
(vgl. Плещеев: Стихотворения, S. 185-186)]

На сердце злоба накопилась
От заученных этих фраз!
Слова, слова! А чуть до дела,
Ни сил, ни воли нет у нас!

Как мы сочувствуем народу,
Как об его скорбим нуждах!
За правду мы в огонь и в воду
Идти готовы... на словах.

Развить логически и здраво
Умеем мы, что гибнет мир;
Что богачей и нищих право
Одно на светлой жизни пир.

И поучаем мы охотно,
Что лень постыдна и вредна;
Что не затем, чтоб кушать плотно
Да празднословить, жизнь дана.

А между тем борьбы упорной
Или сурового труда
Бежим мы с трусостью позорной

И не краснеем от стыда!

И кто, неправдою гонимый,
Себе нашел защиту в нас?
Бесстрастно мы проходим мимо
Людского горя каждый час.

И фразы нам всего дороже!
Нас убаюкали оне...
Когда ж сознаем мы, о боже!
Что нет спасенья в болтовне?

<1862>

[Плещеев А. Н.: На сердце злоба накопилась.... , S. 29456 (vgl. Плещеев:
Стихотворения, S. 160)]

Нет! лучше гибель без возврата,
Чем мир постыдный с тьмой и злом,
Чем самому на гибель брата
Смотреть с злорадным торжеством.

Нет! лучше в темную могилу
Унести безвременно с собой
И сердца пыл, и духа силу,
И грез безумных, страстных рой,

Чем, все тупея и жирея,
Влачить бессмысленно свой век,
С смиреньем ложным фарисея
Твердя: "Бессилен человек",

Чем променять на сон отрадный
И честный труд, и честный бой
И незаметно в тине смрадной,
В грязи увязнуть с головой!

Июнь 1861

[Плещеев А. Н.: Нет! лучше гибель без возврата.... , S. 29444 (vgl. Плещеев:
Стихотворения, S. 152)]

ПОЭТУ

Le poite doit ktre un protestant
sublime
Du droit et de l'humanitй.

A. Barpier7

Кто не страдал святым страданьем.
Кто горьких слез не проливал,
Томимый тщетным ожиданьем
Увидеть вечный идеал;
Кто на покой и наслажденья
Души тревоги променял;
В пророков истины камня
В угодность черни кто бросал;
Кто равнодушно видел муки,
Стон слышал брата своего
И в ком цепей тяжелых звуки
Не пробуждали ничего;
Кто сам, преданья раб послушный,
Готов оковы был носить
И вопли сердца малодушно
В забавах света заглушить,-
Тот не поймет твоих созданий,
Любовью дышащих святой,
И в жизнь иную упований
Не разделить ему с тобой!
И много их в толпе найдется,
Злых, фарисеев и глупцов,
Живущих мыслями отцов,
В ком речь твоя не отзовется;
Но ты иди прямой дорогой,
Привычной, смелою стопой;
Когда в душе сокровищ много,
Не расточай их пред толпой;
Но будь гонимых утешитель,
Врагам озлобленным прости
И верь, что встретишь, как
Спаситель,
Учеников ты на пути.
Но будет время... пронесутся
Дни бедствий, горя и тревог;
Жрецы Ваала ужаснутся,

Когда восстанет правды бог!
Навеки в мире водворится
Священной истины закон,
И гордых власть пред ним
смирится,
И смолкнет ненависть племен.

.....
.....

Да, верь: любви и примиренья
Пора желанная придет,
И мир, прозрев, твое ученье
Тогда великим назовет.

<1846>

[Плещеев А. Н.: Поэту (Кто не страдал святым страданьем...), S. 29301 (vgl. Плещеев: Стихотворения, S. 50)]

Что год, то новая утрата,-
И гибнут силы без конца!
Еще меж нами нет собрата,
За правду честного бойца!

Подумать страшно, скольких мы
Недосчитались в эти годы!
И всех, врагов отважных тьмы,
Сломили ранние невзгоды.

И вот над свежею могилой
Нас дума тяжкая гнетет...
Ужели та же участь ждет
Все возникающие силы?

9 октября 1863

[Плещеев А. Н.: Что год, то новая утрата...., S. 29519 (vgl. Плещеев: Стихотворения, S. 201)]

ЦЕПИ

Зачем игрой воображенья

Картины счастья рисовать?
Зачем душевные мученья
Тоской опасной растравлять?
Гонимый роком своенравным,
Я вяну жертвою страстей
И угнетен ярмом бесславным
В цветущей юности моей?..
Я зрел: надежды луч прощальный
Темнел и гаснул в небесах,
И факел смерти погребальный
С тех пор горит в моих очах!
Любовь к прекрасному, природа,
Младые девы и друзья,
И ты, священная свобода, -
Всё, всё погибло для меня!
Без чувства жизни, без желаний,
Как отвратительная тень,
Влачу я цепь моих страданий
И умираю ночь и день!
Порою огонь души унылой
Воспламеняется во мне,
С снедающей меня могилой
Борюсь как будто бы во сне!
Стремлюсь в жару ожесточенья
Мои оковы раздробить
И жажду сладостного мщенья
Живою кровью утолить!
Уже рукой ожесточенной
Берусь за пагубную сталь,
Уже рассудок мой смущенный
Забыл и горе и печаль!..
Готов!.. Но цепь порабощенья
Гремит на скованных ногах,
И замирает сталь отмщенья
В холодных, трепетных руках...
Как раб испуганный, бездушный,
Тогда клянусь свой жребий я
И вновь взираю равнодушно
На цепи <нового цар>я.

Между 1826 и 1828

[Полежаев А. И.: Цепи. , S. 29706 (vgl. Полежаев: Стихотворения и поэмы, S. 74)]

К ЧЕДАЕВУ

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман;
Но в нас горит еще желанье,
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

[Пушкин А. С.: Стихотворения (1818). , S. 31642 (vgl. Пушкин: Избр. соч. т.1, S. 0)]

ВИДЕНИЯ НА ХОЛМЕ(1 вариант)

Взбегу на холм
и упаду
в траву.
И древностью повеет вдруг из дола.
И вдруг картины грозного раздора
Я в этот миг увижу наяву.

Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,

Иных времен татары и монголы.
Они несут на флагах чёрный крест,
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов
в окрестностях
России...
Кресты, кресты...

Я больше не могу!
Я резко отниму от глаз ладони
И вдруг увижу: смирно на лугу
Траву жуют стреноженные кони.
Заржут они - и где-то у осин
Подхватит эхо медленное ржанье,
И надо мной —
бессмертных звёзд Руси,
Спокойных звезд безбрежное мерцанье...

[Рубцов Н.: Видения на холме]

ВИДЕНИЯ НА ХОЛМЕ (2 вариант)

Взбегу на холм
и упаду
в траву.
И древностью повеет вдруг из дола.
И вдруг картины грозного раздора
Я в этот миг увижу наяву.
Пустынный свет на звездных берегах
И вереницы птиц твоих, Россия,
Затмит на миг
В крови и жемчугах
Тупой башмак скуластого Батыя!..

Россия, Русь — куда я ни взгляну...
За все твои страдания и битвы —
Люблю твою, Россия, старину,
Твои огни, погосты и молитвы,
Люблю твои избушки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,

И шепот ив у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя...
Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.
Они несут на флагах чёрный крест,
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов
в окрестностях
России...
Кресты, кресты...

Я больше не могу!
Я резко отниму от глаз ладони
И вдруг увижу: смирно на лугу
Траву жуют стреноженные кони.
Заржут они - и где-то у осин
Подхватит эхо медленное ржанье,
И надо мной —
бессмертных звезд Руси,
Высоких звезд покойное мерцанье...

[Рубцов Н.: Видения на холме]

КОЛЫБЕЛЬ КУЛЬТУРЫ НОВОЙ

Вот подождите - Россия воспрянет,
Снова воспрянет и на ноги встанет.
Впредь ее Запад уже не обманет
Цивилизацией дутой своей...

Встанет Россия, да, встанет Россия,
Очи раскроет свои голубые,
Речи начнет говорить огневые, -
Мир преклонится тогда перед ней!

Встанет Россия - все споры рассудит...
Встанет Россия - народности сгрудит...
И уж у Запада больше не будет
Брать от негодной культуры росток.

А вдохновенно и религиозно,
Пламенно веря и мысля серьезно,
В недрах своих непреложностью грозной
 Станет выращивать новый цветок...

Время настанет - Россия воспрянет,
Правда воспрянет, неправда отстанет,
Мир ей восторженно славу возгрянет, -
 Родина Солнца - Восток!

1923

[Северянин И. В.: Классические розы. , S. 33837 (vgl. Северянин:
Стихотворения и поэмы, S. 89)]

ЧТО НУЖНО ЗНАТЬ

Ты потерял свою Россию.
Противоставил ли стихию
Добра стихии мрачной зла?
Нет? Так умолкни: увела
Тебя судьба не без причины
В края неласковой чужбины.
Что толку охать и тужить -
Россию нужно заслужить!

1925

[Северянин И. В.: Классические розы. , S. 33829 (vgl. Северянин:
Стихотворения и поэмы, S. 83)]

ЗАПЕВКА

О России петь - что стремиться в храм
По лесным горам, полевым коврам...

О России петь - что весну встречать,
Что невесту ждать, что утешить мать...

О России петь - что тоску забыть,
Что Любовь любить, что бессмертным быть!

1925

[Северянин И. В.: Классические розы. , S. 33827 (vgl. Северянин: Стихотворения и поэмы, S. 81)]

СТИХИ МОСКВЕ

Мой взор мечтанья оросили:
Вновь - там, за башнями Кремля -
Неподражаемой России
Незаменимая земля.

В ней и убогое богато,
Полны значенья пустячки:
Княгиня старая с Арбата
Читает Фета сквозь очки...

А вот, к уютной церковушке
Подъехав в щегольском "купэ",
Кокотка оделяет кружки,
Своя в тоскующей толпе...

И ты, вечерняя прогулка
На тройке вдоль Москва-реки!
Гранитного ли переулка
Радужные особняки...

И там, в одном из них, где стайка
Мечтаний замедляет лёт,
Московским солнышком хозяйка
Растапливает "невский лед" ...
Мечты! вы - странницы босые,
Идущие через поля, -
Неповергаемой России
Неизменяемая земля!

1925

[Северянин И. В.: Классические розы. , S. 33839 (vgl. Северянин: Стихотворения и поэмы, S. 90)]

ПРЕДГНЕВЬЕ

Москва вчера не понимала,
Но завтра, верь, поймет Москва:
Родиться Русским - слишком мало,
Чтоб русские иметь права...

И, вспомнив душу предков, встанет,
От слова к делу перейдя,
И гнев в народных душах грянет,
Как гром живящего дождя.

И сломит гнет, как гнет ломала
Уже не раз повстанцев рать...
Родиться Русским - слишком мало:
Им надо быть, им надо стать!

1925

[Северянин И. В.: Классические розы. , S. 33834 (vgl. Северянин:
Стихотворения и поэмы, S. 87)]

СТОЛЕТИЕ УЧРЕЖДЕНИЙ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ

(Гимн)

В святых судьбах родной России,
В реке времен, в пучине дней,
Две венценосные Марии
Любили сирот и детей.

И русских женщин воспитали,
Взращали так, чтоб им блистать,
Как Венценосные блистали
В двух образцах - жена и мать!

И если мы надежды пулны
И сил, и веры без границ, -
Так это в нас играют волны
Деяний двух Императриц.

[Случевский К. К.: На разные случаи и смесь. , S. 34503 (vgl. Случевский: Сочинения в стихах, S. 166-167)]

ЖЕСТОКИЕ ДНИ

Ожиданья дни жестоки.
Истомилася любовь.
На враждующем востоке
Льется братьев наших кровь.

И, о мире вздыхая,
Слезно господу моля,
Вся от края и до края
Стонет русская земля.

Слезы матери печальной!
Кто ведет вам поздний счет?
Кто стране многострадальной
Утешенье принесет?

3 декабря 1904

[Сологуб Ф.: Жестокие дни. , S. 36240 (vgl. Сологуб: Стихотворения, S. 305-306)]

Я также сын больного века.
Душою слаб и телом хил,
Но странно - веру в человека
Я простодушно сохранил.

В борьбе упорно-беспощадной
Сгорели юные мечты,
Потоптаны толпой злорадной
Надежд весенние цветы,

И длится ночь, черна, как прежде,
Всю землю мглою полоня, -
А всё же радостной надежде
Есть место в сердце у меня!

6 октября 1892

[Сологуб Ф.: Я также сын больного века.... , S. 35793 (vgl. Сологуб:
Стихотворения, S. 105)]

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная статья -
В Россию можно только верить.

28 ноября 1866

Петербург

[Тютчев Ф. И.: Умом Россию не понять.... , S. 38229 (vgl. Тютчев:
Стихотворения, S. 259)]

Когда казак с высокой вышки
Увидит дальнего врага,
Чей иск - казацкие кубышки,
А сабля - острая дуга, -
Он сбегает, развивая кудрями, с высокой вышки,
На коня он лихого садится
И летит без передышки
В говором поющие станицы.
Так я, задолго до того мига,
Когда признание станет всеобщим,
Говорю: "Над нами иноземцев иго,
Возропщем, русские, возропщем!
Поймите, что угнетенные и мы - те ж!
Учитесь доле внуков на рабах
И, гордости подняв мятеж,
Наденьте брони поверх рубах!"

<1908>

[Хлебников В. В.: Когда казак с высокой вышки.... , S. 39878 (vgl. Хлебников:
Творения, S. 51)]

РОССИИ

Тебя призвал на брань святую,
Тебя господь наш любил,

Тебе дал силу роковую,
Да сокрушишь ты волю злую
Слепых, безумных, буйных сил.

Вставай, страна моя родная,
За братьев! Бог тебя зовет
Через волны гневного Дуная,
Туда, где, землю огибая,
Шумят струи Эгейских вод.

Но помни: быть орудьем бога
Земным созданьям тяжело.
Своих рабов он судит строго,
А на тебя, увы! как много
Грехов ужасных налегло!

В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

О, недостойная избранья,
Ты избрана! Скорей омой
Себя водою покаянья,
Да гром двойного наказанья
Не грянет над твоей главой!

С душой коленопреклоненной,
С главой, лежащею в пыли,
Молись молитвою смиренной
И раны совести растленной
Елеем плача исцели!

И встань потом, верна призванью,
И бросься в пыл кровавых сеч!
Борись за братьев крепкой бранью,
Держи стяг божий крепкой дланью,
Рази мечом - то божий меч!

23 марта 1854

[Хомяков А. С.: России (Тебя призвал на брань святую...). , S. 40958 (vgl. Хомяков: Стихотворения и драмы, S. 137)]

Парус поднят; ветра полный,
Он канаты натянул
И на ропщущие волны
Мачту длинную нагнул.

Парус русский. Через волны
Уж корабль несется сам.
И готов всех братьев челны
Прицепить к крутым бокам.

Поднят флаг: на флаге виден
Правды суд и мир любви.
Мчись, корабль: твой путь завиден...
Господи, благослови!

Конец 1858

[Хомяков А. С.: Парус поднят; ветра полный.... , S. 40976 (vgl. Хомяков:
Стихотворения и драмы, S. 145)]

Не гордись перед Белградом,
Прага, чешских стран глава!
Не гордись пред Вышеградом,
Златоверхая Москва!

Вспомним: мы родные братья,
Дети матери одной,
Братьям братские объятья,
К груди грудь, рука с рукой!

Не гордися силой длани
Тот, кто в битве устоял;
Не скорби, кто в долгой брани
Под грозой судьбины пал.

Испытанья время строго,
Тот, кто пал, восстанет вновь:
Много милости у бога,
Без границ его любовь!

Пронесется мрак ненастный,

И, ожидаемый давно,
Воссияет день прекрасный,
Братья станут заодно:

Все велики, все свободны,
На врагов - победный строй,
Полны мыслью благородной,
Крепки верою одной!

20 июня 1847

Прага

[Хомяков А. С.: Не гордись перед Белградом.... , S. 40933 (vgl. Хомяков:
Стихотворения и драмы, S. 125)]

2. Стихи про врагов России

В суде он слушал приговор -
Его галеры ожидали:
Он был бедняк, и был он вор.
Неделю дети голодали,
И, нищетой удручена,
Глядела в гроб его жена;
Труды, заботы, огорченья,
Знать, не по силам были ей;
И поддался он искушенью:
Украл на хлеб семье своей.

И осуждение бесстрастно
Прочел ему синедрион;
Казалось, нищетой ужасной
Никто из них не поражен;
Пример не нов, да и напрасно
Жалеть - неумолим закон!
Лишь одному людское горе
Доступно было в этот миг,
Любовь в одном светилась взоре:
Глядел - и кроток и велик -
Среди безмолвной тишины
Христос распятый - со стены...

<1863>

[Плещеев А. Н.: В суде он слушал приговор.... , S. 29512 (vgl. Плещеев:
Стихотворения, S. 194)]

БОГАТЫРЬ

По русскому славному царству,
На кляче разбитой верхом,
Один богатырь разъезжает
И взад, и вперед, и кругом.

Покрыт он дырявой рогожей,
Мочалы вокруг сапогов,
На брови надвинута шапка,

За пазухой пеннику штоф.

"Ко мне, горемычные люди,
Ко мне, молодцы, поскорей!
Ко мне, молодницы и девки, -
Отведайте водки моей!"

Он потчует всех без разбору,
Гроша ни с кого не берет,
Встречает его с хлебом-солью,
Честит его русский народ.

Красив ли он, стар или молод -
Никто не заметил того;
Но ссоры, болезни и голод
Плетутся за клячей его.

И кто его водки отведал,
От ней не отстанет никак,
И всадник его провожает
Услужливо в ближний кабак.

Стучат и расходятся чарки,
Трехпробное льется вино,
В кабак, до последней рубахи,
Добро мужика снесено.

Стучат и расходятся чарки,
Питейное дело растет,
Жиды богатеют, жиреют,
Беднеет, худеет народ.

Со службы домой воротился
В деревню усталый солдат;
Его угощают родные,
Вкруг штофа горелки сидят.

Приходу его они рады,
Но вот уж играет вино,
По жилам бежит и струится
И головы кружит оно.

"Да что, - говорят ему братья, -
Уж нешто ты нам и старшой?"

Ведь мы-то трудились, пахали,
Не станем делиться с тобой!"

И ссора меж них закипела,
И подняли бабы содом,
Солдат их ружейным прикладом,
А братья его топором!

Сидел над картиной художник,
Он божию мать писал,
Любил как дитя он картину,
Он ею и жил и дышал;

Вперед подвигалось дело,
Порой на него с полотна
С улыбкой святая глядела,
Его ободряла она.

Сгрустнулося раз живописцу,
Он с горя горелки хватил -
Забыл он свою мастерскую,
Свою богоматьерь забыл.

Весь день он валяется пьяный
И в руки кистей не берет -
Меж тем, под рогожею, всадник
На кляче плетется вперед.

Работают в поле ребята,
И градом с них катится пот,
И им, в умилении, всадник
Орлений свой штоф отдает

Пошла между ними потеха!
Трехпробное льется вино,
По жилам бежит и струится
И головы кружит оно.

Бросают они свои сохи,
Готовят себе кистени,
Идут на большую, дорогу,
Купцов поджидают они.

Был сын у родителей бедных;

Любовью к науке влеком,
Семью он свою оставляет
И в город приходит пешком.

Он трудится денно и ночью,
Покою себе не дает,
Он терпит и голод и холод,
Но движется быстро вперед.

Однажды, в дождливую осень,
В одном переулке глухом,
Ему попадается всадник
На кляче разбитой верхом.

"Здорово, товарищ, дай руку!
Никак, ты, бедняга, продрог?
Что ж, выпьем за Русь и науку!
Я сам им служу, видит бог!"

От стужи иль от голодухи
Прельстился на водку и ты -
И вот потонули в сивухе
Родные, святые мечты!

За пьянство из судной управы
Повытчика выгнали раз;
Теперь он крестьянам на сходке
Читает подложный указ.

Лукаво толкует свободу
И бочками водку сулит:
"Нет боле оброков, ни барщин;
Того-де закон не велит.

Теперь, вишь, другие порядки.
Знай пей, молодец, не тужи!
А лучше чтоб спорилось дело,
На то топоры и ножи!"

А всадник на кляче не дремлет,
Он едет и свищет в кулак;
Где кляча ударит копытом,
Там тотчас стоит и кабак.

За двести миллионов Россия
Жидами на откуп взята -
За тридцать серебряных денег
Они же купили Христа.

И много Понтийских Пилатов,
И много лукавых Иуд
Отчизну свою распинают,
Христа своего продают.

Стучат и расходятся чарки,
Рекою бушует вино,
Уносит деревни и села
И Русь затопляет оно.

Дерутся и режутся братья,
И мать дочерей продает,
Плач, песни, и вой, и проклятья
Питейное дело растет!

И гордо на кляче гарцует
Теперь богатырь удалой;
Уж сбросил с себя он рогожу,
Он шапку сымает долой:

Гарцует оглоданный остов,
Венец на плешивом челе,
Венец из разбитых бутылок
Блестит и сверкает во мгле.

И череп безглазый смеется:
"Призванье мое свершено!
Недаром же им достается
Мое даровое вино!"

1849 <?>

[Толстой А. К.: Богатырь. , S. 37065 (vgl. Толстой А. К.: Сочинения в 2-х т.
Т.1, S. 136)]

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

Не один, но четыре еврейских вопроса!

Для господ шулеров и кокоток пера,
Для зверей, у которых на сердце кора,
Для голодных шпионов с душою барбоса
Вопрос разрешен лезвием топора:

"Избивайте евреев! Они - кровопийцы.
Кто Россию к разгрому привел? Не жиды ль?
Мы сотрем это племя в вонючую пыль.
Паразиты! Собаки! Иуды! Убийцы!"
Вот вам первая темная быль.

Для других вопрос еврейский -
Пятки чешущий вопрос:
Чужд им пафос полицейский,
Люб с горбинкой жирный нос,
Гершка, Сруль, "свиное ухо" -
Столь желанные для слуха!
Пейсы, фалдочки капотов,
Пара сочных анекдотов:
Как в вагоне, у дверей
В лапсердаке стал еврей,
Как комично он молился,
Как на голову свалился
С полки грязный чемодан -
Из свиной, конечно, кожи...

Для всех, кто носит имя человека,
Вопрос решен от века и на век -
Нет иудея, финна, негра, грека,
Есть только человек.
У всех, кто носит имя человека,
И был, и будет жгучий стыд за тех,
Кто в темной чаще заливал просеки
Кровавой грязью, под безумный смех.

Но чту - вопрос еврейский для еврея?
Такой позор, проклятье и разгром,
Что я его коснуться не посмею
Своим отравленным пером...

<1909>

[Черный С.: Стихотворения 1908 - 1914 гг., не вошедшие в книги. , S. 45149
(vgl. Саша Черный: Избранное, S. 355-356)]

МЕРТВЫЕ МИНУТЫ

Набухли снега у веранды.
Темнеет лиловый откос.
Закутав распухшие гланды,
К стеклу прижимаю я нос.

Шперович - банкир из столицы
(И истинно-русский еврей)
С брусничною веткой в петлице
Нырять в сугроб у дверей.

Его трехобхватная Рая
Туда уронила кольцо,
И, жирные пальцы ломая,
К луне подымает лицо,

В душе моей страх и смятение:
Ах, если Шперович найдет! -
Двенадцать ножей огорченья
Мне медленно в сердце войдет...,

Плюется... Встает... Слава Богу!
Да здравствует правда, ура!

[Черный С.: Сатиры и лирика. , S. 44805 (vgl. Саша Черный: Избранное, S. 187-188)]

3. Стихи о природе России

Полдень ранит, полночь лечит...
Полночь - полдень - чет и нечет...
Час добычи, час потери,
Все по прихоти и мере...

Было лаской, станет болью -
Взмахи крыльев - по раздолью...
В небе - солнце, тень - в груди -
Меру тени пережди!

Лист и цвет на ветке голой -
С ношей сладкой вьются пчелы,
Цвет и мед в их доле скудной
Иссякают обоюдно...

Вот уж, странник запоздалый,
В мертвой роще пусто стало -
Цвел и ты, и прах еси -
Прах с молитвою снеси!

[Балтрушайтис Ю. К.: Лилия и серп. , S. 2085 (vgl. Балтрушайтис:
Стихотворения, S. 0)]

ВЕСНА

На звук цевницы голосистой,
Толпой забав окружена,
Летит прекрасная весна;
Благоухает воздух чистый,
Земля воздвиглась ото сна.

Утихли вьюги и метели,
Текут потоками снега;
Опять в горах трубят рога,
Опять зефиры налетели
На обновленные луга.

Над урной мшистою Няда

Проснулась в сумраке ветвей,
Стрясает иней с кудрей,
И, разломав оковы хлада,
Заговорил ее ручей.

Восторги дух мой пробудили!
Звучат и блещут небеса;
Певцов пернатых голоса
Пастушьи песни огласили
Долины, горы и леса.

Лишь ты, увядшая Климена,
Лишь ты в печаль облечена,
Весны не празднуешь одна!
Тобою младости измена
Еще судьбе не прощена!

Унынье в грудь к тебе теснится,
Не видишь ты красы лугов.
О, если б щедростью богов
Могла ко смертным возвратиться
Пора любви с порой цветов!

[Баратынский Е. А.: Весна. , S. 3071 (vgl. Баратынский: Избранное, S. 39)]

В РОДНЫХ ПОЛЯХ

СНЕЖНАЯ РОССИЯ

За полем снежным - поле снежное,
Безмерно-белые луга;
Везде - молчанье неизбежное,
Снега, снега, снега, снега!

Деревни кое-где расставлены,
Как пятна в безднах белизны:
Дома сугробами задавлены,
Плетни под снегом не видны.

Леса вдали чернеют, голые, -
Ветвей запутанная сеть.
Лишь ветер песни невеселые

В них, иней вея, смеет петь.

Змеится путь, в снегах затерянный:
По белизне - две борозды...
Лошадка, рысью неуверенной,
Новит чуть зримые следы.

Но скрылись санки - словно, белая,
Их поглотила пустота;
И вновь равнина опустелая
Нема, беззвучна и чиста.

И лишь вороны, стаяй бдительной,
Порой над пустотой кружат,
Да вечером, в тиши томительной,
Горит оранжевый накат.

Огни лимонно-апельсинные
На небе бледно-голубом
Дрожат... Но быстро тени длинные
Закутывают все кругом.

1917

[Брюсов В. Я.: Девятая камена (1915-1917). , S. 7316]

РЯБИНА

Тобой, красивая рябина,
Тобой, наш русский виноград,
Меня потешила чужбина,
И я землячке милой рад.

Любуюсь встречей случайной;
Ты так свежа и хороша!
И на привет твой думой тайной
Задумалась моя душа.

Меня минувшим освежило,
Его повеяло крыло,
И в душу глубоко и мило
Дней прежних запах нанесло.

Всё пережил я пред тобою,
Всё перечувствовал я вновь -
И радость пополам с тоскою,
И сердца слезы, и любовь.

Одна в своем убранстве алом,
Средь обезлиственных деревьев,
Ты вся обвешана кораллом,
Как шеи черноглазых дев.

Забыв и озера картину,
И снежный пояс темных гор,
В тебя, родную мне рябину,
Впился мой ненасытный взор.

И предо мною - Русь родная;
Знакомый пруд, знакомый дом;
Вот и дорожка столбовая
С своим зажиточным селом.

Красавицы, сцепивши руки,
Кружок веселый заплели,
И хороводной песни звуки
Перекликаются вдали:

"Ты рябинушка, ты кудрявая,
В зеленом саду пред избой цвети,
Ты кудрявая, моложавая,
Белоснежный пух - кудри-цвет твои.

Убери себя алой бусою,
Ярких ягодок загорись красой;
Заплету я их с темно-русою,
С темно-русою заплету косой.

И на улицу, на широкую
Выду радостно на закате дня,
Там мой суженый черноокою,
Черноокою сторожит меня".

Но песней здесь по околотку
Не распевают в честь твою:
Кто словом ласковым сиротку
Порадует в чужом краю?

Нет, здесь ты пропадаешь даром,
И средь спесивых винных лоз
Не впрок тебя за летним жаром
Прихватит молодой мороз.

Потомка новой Элоизы
В сей романтической земле,
Заботясь о хозяйстве мызы,
Или по-здешнему - шале,

Своим Жан-Жаком как ни бредит,
Свой скотный двор и сыр любя, -
Плохая ключница, не цедит
Она наливки из тебя.

В сей стороне неблагодарной,
Где ты растешь особняком,
Рябиновки злато-янтарной
Душистый нектар незнаком.

Никто понятия не имеет
Как благодетельный твой сок
Крепит желудок, сердце греет,
Вдыхая сладостный хмелек.

Средь здешних всех великолепий
Ты, в одиночестве своем,
Как роза средь безлюдной степи,
Как светлый перл на дне морском.

Сюда заброшенный случайно,
Я, горемычный, как и ты,
Делю один с тобою тайно
Души раздумье и мечты.

Так, я один в чужбине дальней
Тебя приветствую тоской,
Улыбкою полупечальной
И полурадостной слезой.

2 ноября 1854.

Ве́ве

[Вяземский П. А.: Рябина. , S. 9709 (vgl. Вяземский: Сочинения, S. 294)]

СТЕПЬ

Бесконечная Россия
Словно вечность на земле!
Едешь, едешь, едешь, едешь,
Дни и версты нипочем!
Тонут время и пространство
В необъятности твоей.

Степь широко на просторе
Поперек и вдоль лежит,
Словно огненное море
Зноем пышет и палит.

Цепенеет воздух сжатый,
Не пахнет на душный день
С неба ветерок крылатый,
Ни прохладной тучки тень.

Небеса, как купол медный,
Раскалились. Степь гола;
Кое-где пред хатой бедной
Сохнет бедная ветла.

С кровли аист долгоногой
Смотрит, верный домосед;
Добрый друг семьи убогой,
Он хранит ее от бед.

Шагом, с важностью спокойной
Тащут тяжести волю;
Пыль метет метелью знойной,
Вьюгой огненной золы.

Как разбитые палатки
На распутии племен -
Вот курганы, вот загадки
Неразгаданных времен.

Пусто всё, однообразно,
Словно замер жизни дух;

Мысль и чувство дремлют праздно,
Голодают взор и слух.

Грустно! Но ты грусти этой
Не порочь и не злословь:
От нее в душе согретой
Свято теплится любовь.

Степи голые, немые,
Всё же вам и песнь, и честь!
Всё вы - матушка-Россия,
Какова она ни есть!

Июнь 1849

[Вяземский П. А.: Степь. , S. 9626 (vgl. Вяземский: Сочинения, S. 250)]

Вкушая бодрю прохладу,
Я наслаждаюсь зимним днем
И по серебряному саду,
Объятому волшебным сном,

Хожу - любуюся картиной
В ее суровой тишине,
С ее обширную равниной,
С ее печалью, милой мне.

1861

[Вяземский П. А.: Вкушая бодрю прохладу.... , S. 9786 (vgl. Вяземский:
Сочинения, S. 334)]

Вон там звезда одна горит
Так ярко и мучительно,
Лучами сердце шевелит,
Дразня его язвительно.

Чего от сердца нужно ей?
Ведь знает без того она,
Что к ней тоскою долгих дней
Вся жизнь моя прикована...

...

[Григорьев А. А.: Борьба. , S. 11289 (vgl. Григорьев: Стихотворения. Поэмы. Драммы, S. 135)]

Мелколесье. Степь и дали.
Свет луны во все концы.
Вот опять вдруг зарыдали
Разливные бубенцы.

Неприглядная дорога,
Да любимая навек,
По которой ездил много
Всякий русский человек.

Эх вы, сани! Что за сани!
Звоны мерзлые осин.
У меня отец - крестьянин,
Ну, а я - крестьянский сын.

Наплевать мне на известность
И на то, что я поэт.
Эту чахленькую местность
Не видал я много лет.

Тот, кто видел хоть однажды
Этот край и эту гладь,
Тот почти березке каждой
Ножку рад поцеловать.

Как же мне не прослезиться,
Если с венкой в стынь и звень
Будет рядом веселиться
Юность русских деревень.

Эх, гармошка, смерть-отрава,
Знать, с того под этот вой
Не одна лихая слава
Пропадала трын-травой.

21/22 октября 1925

[Есенин С. А.: Мелколесье. Степь и дали.... , S. 13831 (vgl. Есенин: Соч. в 3-х т. Т.1, S. 257)]

Поет зима - аукает,
Мохнатый лес баюкает
Стозвоном сосняка.
Кругом с тоской глубокою
Плывут в страну далекую
Седые облака.
А по двору метелица
Ковром шелковым стелется,
Но больно холодна.
Воробышки игривые,
Как детки сиротливые,
Прижались у окна.

Озябли пташки малые.
Голодные, усталые,
И жмутся поплотней.
А вьюга с ревом бешеным
Стучит по ставням свешенным
И злится все сильнее.

И дремлют пташки нежные
Под эти вихри снежные
У мерзлого окна.
И снится им прекрасная,
В улыбках солнца ясная
Красавица весна.

1910

[Есенин С. А.: Поет зима – аукает.... , S. 13575 (vgl. Есенин: Соч. в 3-х т. Т.1, S. 41)]

ВЕСЕННЕЕ ЧУВСТВО

Легкий, легкий ветерок,
Что так сладко, тихо веешь?
Что играешь, что светлеешь,
Очарованный поток?
Чем опять душа полна?
Что опять в ней пробудилось?
Что с тобой к ней возвратилось,

Перелетная весна?
Я смотрю на небеса...
Облака, летя, сияют
И, сияя, улетают
За далекие леса.

[Жуковский В. А.: Романсы и песни. , S. 14411 (vgl. Жуковский: соч. в 3-х томах. Т. 1, S. 99)]

В ДОЖДЬ

Великому Князю
Сергею Александровичу

Дождь по листьям шелестит,
Зноем томящийся сад
Жажду теперь утолит;
Слаще цветов аромат.

Друг, не страшись. Погляди:
Гроз не боятся цветы,
Чуя, как эти дожди
Нужны для их красоты.

С ними и я не боюсь:
Радость мы встретим опять...
Можно ль наш тесный союз
Жизненным грозам порвать?

Счастье не полно без слез;
Небо синей из-за туч, -
Лишь бы блистал среди гроз
Солнышка радостный луч.

Красное Село
4 июля 1888

[К. Р. (великий князь Константин Константинович): Из цикла "Мечты и думы". , S. 17162 (vgl. К. Р.: Избранное, S. 71)]

Зарумянились клен и рябина,

Ярче золота кудри берез,
И безропотно ждет георгина,
Что спалит ее первый мороз.

Только тополь да ива родная
Все сдаваться еще не хотят
И, последние дни доживая,
Сохраняют зеленый наряд.

И, пока не навеяло снега
Ледяное дыханье зимы,
Нас томит непонятная нега,
И печально любимы мы.

Но промчалось лето с весною,
Вот и осени дни сочтены...
Ах, уж скоро мы с этой красою
Распростимся до новой весны!

Павловск

Осенью 1897

[К. Р. (великий князь Константин Константинович): Времена года. , S. 17209
(vgl. К. Р.: Избранное, S. 98)]

Как жаль, что розы отцветают!
Цветов все меньше по садам,
Уж дни заметно убывают,
И звезды ярче по ночам.
Жасмин отцвел, сирень увяла,
Давно нет ландышей нигде,
Один шиповник запоздалый
Еще алеет кое-где.
Уж сено убрано; долины
Лиловым вереском полны;
Уж спеют ягоды рябины,
Уж листья желтые видны...
Мы и заметить не успели,
Как осень скучная пришла,
Как пронеслися те недели
Весны и солнца, и тепла,
Как миновало наше лето,
А с ним и все его цветы,

И все благоуханье это,
Весь этот праздник красоты!

Красное Село

3 августа 1885

[К. Р. (великий князь Константин Константинович): *Времена года.* , S. 17198

(vgl. К. Р.: *Избранное*, S. 91)]

Прошла зима! Не видно снега,
Запели птицы с высоты...
Что за чарующая нега
Кругом разлита! Это ты,
Весны желанная примета!
Теченьем льдины унесло,
И в этот ясный час рассвета
Благоуханно и тепло!
Весна! В душе стихают бури,
Как в небе тают облака.
Весна! Душа полна лазури,
Как эта тихая река.

Мраморный дворец

11 апреля 1888

[К. Р. (великий князь Константин Константинович): *Времена года.* , S. 17176

(vgl. К. Р.: *Избранное*, S. 79-80)]

ОСЕНЬ

Кроет уж лист золотой
Влажную землю в лесу...
Смело топчу я ногой
Вешнюю леса красу.

С холоду щеки горят;
Любо в лесу мне бежать,
Слышать, как сучья трещат.
Листья ногой загребать!

Нет мне здесь прежних утех!
Лес с себя тайну совлек:

Сорван последний орех,
Свянул последний цветок;

Мох не приподнят, не взрыт
Грудой кудрявых груздей;
Около пня не висит
Пурпур брусничных кистей;

Долго на листьях лежит
Ночи мороз, и сквозь лес
Холодно как-то глядит
Ясность прозрачных небес...

Листья шумят под ногой;
Смерть стелет жатву свою...
Только я весел душой
И, как безумный, пою!

Знаю, не даром среди мхов
Ранний подснежник я рвал;
Вплоть до осенних цветов
Каждый цветок я встречал.

Что им сказала душа,
Что ей сказали они -
Вспомню я, счастьем дыша,
В зимние ночи и дни!

Листья шумят под ногой...
Смерть стелет жатву свою!
Только я весел душой -
И, как безумный, пою!

1856

[Майков А. Н.: Лирика. , S. 22128 (vgl. Майков: Сочинения в 2-х томах. Т. 1, S. 155)]

ПУТЬ

Великий выход на чужбину,
как дар божественный, ценя,
веселым взглядом мир окину,

отчизной ставший для меня.

Отраду слов скупых и ясных
прошу я Господа мне дать, -
побольше странствий, встреч опасных,
в лесах подальше заплутать.

За поворотом, ненароком,
пускай найду когда-нибудь
наклонный свет в лесу глубоком,
где корни переходят путь, -

то теневое сочетание
листвы, тропинки и корней,
что носит для души название
России, родины моей.

<1925>

[Набоков В. В.: Стихотворения, не входившие в прижизненные сборники. , S. 26447 (vgl. Набоков: Стихотворения и поэмы, S. 404)]

В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там, во глубине России -
Там вековая тишина.
Лишь ветер не дает покою
Вершинам придорожных ив,
И выгибаются дугою,
Целуясь с матерью-землею,
Колосья бесконечных нив...

[Некрасов Н. А.: Стихотворения (1858). , S. 27488 (vgl. Некрасов:
Стихотворения, S. 85)]

НОЧЬ НА БЕРЕГУ МОРЯ

В зеркало влаги холодной
Месяц спокойно глядит
И над землею безмолвной
Тихо плывет и горит.

Легкою дымкой тумана
Ясный одет небосклон;
Светлая грудь океана
Дышит как будто сквозь сон.

Медленно, ровно качаясь,
В гавани спят корабли;
Берег, в воде отражаясь,
Смутно мелькает вдали.

Смолкла дневная тревога...
Полный торжественных дум,
Видит присутствие бога
В этом молчании ум.

1850

[Никитин И. С.: Ночь на берегу моря. , S. 28314 (vgl. Никитин: Сочинения, S. 28-29)]

ЮГ И СЕВЕР

Есть сторона, где все благоухает;
Где ночь, как день безоблачный, сияет
Над зыбью вод и моря вечный шум
Таинственно оковывает ум;
Где в сумраке садов уединенных,
Сияющей луной осеребренных,
Подъемлется алмазною дугой
Фонтанный дождь над сочною травой;
Где статуи безмолвствуют угрюмо,
Объятые невыразимой думой;
Где говорят так много о былом
Развалины, покрытые плющом;
Где на коврах долины живописной
Ложится тень от рощи кипарисной;
Где все быстрее и зреет и цветет;
Где жизни пир беспечнее идет.

Но мне милей роскошной жизни Юга
Седой зимы полуночная вьюга,
Мороз, и ветер, и грозный шум лесов,

Дремучий бор по скату берегов.
Простор степей и небо над степями
С громадой туч и яркими звездами.
Глядишь кругом - все сердцу говорит:

И деревень однообразный вид,
И городов обширные картины,
И снежные безлюдные равнины,
И удали размашистый разгул,
И русский дух, и русской песни гул,
То глубоко беспечной, то унылой,
Проникнутой невыразимой силой...

Глядишь вокруг - и на душе легко,
И зреет мысль так вольно, широко,
И сладко песнь в честь родины поется,
И кровь кипит, и сердце гордо бьется,
И с радостью внимаешь звуку слов:
"Я Руси сын! здесь край моих отцов!"

1851

[Никитин И. С.: Юг и Север. , S. 28330 (vgl. Никитин: Сочинения, S. 35-36)]

Бледный луч луны пробился
 Сквозь таинственной листвы,
И приносит ветер теплый
 Запах скошенной травы.

Все бы только здесь лежал я,
 Под навесом этих ив,
В даль немую, в купол звездный,
 Взор бесцельно устремив;

Все бы слушал, как вершина
 Ивы дремлющей шумит,
Как на темном дне оврага
 По камням родник журчит.

Это тихое журчанье,
 Шелест листьев, свет луны -
На меня всё навевает
 Примирающие сны...

Ночь! с твоим сияньем кротким,
Для усталого меня,
Ты дороже и милее
Ярко блещущего дня...

Июль 1862

[Плещеев А. Н.: Летние песни. , S. 29507 (vgl. Плещеев: Стихотворения, S. 192)]

ВЕСНА

Und Freud' und Wonne
Aus jeder Brust!
O Erd', o Sonne!
O Glück, o Lust!9

Гете

В старый сад выхожу я, росинки,
Как алмазы, на листьях горят;
И цветы мне головкой кивают,
Разливая кругом аромат.

Все влечет, веселит мои взоры:
Золотая пчела на цветке,
Разноцветные бабочки крылья
И прыжки воробья на песке.

Как ярка эта зелень деревьев!
Купол неба так чист и глубок!
И брожу я, восторгом объятый,
И слеза застигает зрачок.

За оградой садовой чернеет
Полоса взбороненной земли,
И покрытые соснами горы
Поднимаются к небу вдали.

Как любовью и радостью дышит
Вся природа под вешним лучом,
И душа благодарная чует

Здесь присутствие бога во всем!

Снова крепнут дремавшие силы;
Новой жизни приходит пора,
И становится все так возможным,
Что мечтою казалось вчера!

Как прекрасна весна! Миллионы
Ей навстречу звучат голосов,
И в моем воскресающем сердце
Ей привет вдохновенный готов!

1853

[Плещеев А. Н.: Весна (В старый сад выхожу я, росинки...), S. 29336 (vgl. Плещеев: Стихотворения, S. 75-76)]

МОЙ САДИК

Как мой садик свеж и зелен!
Распустилась в нем сирень;
От черемухи душистой
И от лип кудрявых - тень...

Правда, нет в нем бледных лилий,
Горделивых георгин,
И лишь пестрые головки
Возвышает мак один.

Да подсолнечник у входа,
Словно верный часовой,
Сторожит себе дорожку,
Всю поросшую травой...

Но люблю я садик скромный:
Он душе моей милей
Городских садов унылых
С сетью правильных аллей.

И весь день, в траве высокой
Лежа, слушать бы я рад,
Как заботливые пчелы
Вкруг черемухи жужжат.

А когда на садик сыплет
Блеск лучей своих луна,
Я сажусь в раздумье тихом
У открытого окна.

Посребренных и дрожащих
Листьев я внимаю шум,
И, одна другой сменяясь,
Грезы мне волнуют ум.

И несут на крыльях легких
В мир иной меня оне...
Как сияет ярко солнце
В той неведомой стране!

Нет вражды под этим солнцем,
Нашей лжи вседневной нет;
Человека озаряет
Там любви и правды свет!

Все, что истины пророки
Обещают нам вдали,
Люди в братстве неразрывном
Навсегда там обрели...

О, как сладки эти грезы!
Разрастайся ж, расцветай
Ты, мой садик! и почаще
На меня их навевай.

<1858>

[Плещеев А. Н.: Мой садик. , S. 29399 (vgl. Плещеев: Стихотворения, S. 120)]

Скучная картина!
Тучи без конца,
Дождик так и льется,
Лужи у крыльца...
Чахлая рябина
Мокнет под окном;
Смотрит деревушка
Сереньким пятном.

Что ты рано в гости,
Осень, к нам пришла?
Еще просит сердце
Света и тепла!

Все тебе не рады!
Твой унылый вид
Горе да невзгоды
Бедному сулит.
Слышит он заранее
Крик и плач ребят;
Видит, как от стужи
Ночь они не спят;
Нет одежды теплой,
Нету в печке дров...
Ты на чей же, осень,
Поспешила зов?

Вот и худ и бледен
Сгорбился больной...
Как он рад был солнцу,
Как был бодр весной!
А теперь - наводит
Желтых листьев шум
На душу больную
Рой зловещих дум!
Рано, рано, осень,
В гости к нам пришла...
Многим не дождаться
Света и тепла!

<1860>

[Плещеев А. Н.: Скучная картина!... , S. 29426 (vgl. Плещеев: Стихотворения,
S. 139-140)]

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное теченье,
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,

Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампы,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла,
И, не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса.
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздух и мороз,
Бег санок вдоль Невы широкой,
Девичьи лица ярче роз,
И блеск, и шум, и говор балов,
А в час пирушки холостой
Шипенье пенистых бокалов
И пунша пламень голубой.
Люблю воинственную живость
Потешных Марсовых полей,
Пехотных ратей и коней
Однообразную красоту,
В их стройно зыблемом строю
Лоскутья сих знамен победных,
Сиянье шапок этих медных,
Насквозь простреленных в бою.
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дым и гром,
Когда полнощная царица
Дарует сына в царский дом,
Или победу над врагом
Россия снова торжествует,
Или, взломав свой синий лед,
Нева к морям его несет
И, чуя вешни дни, ликует.
Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия,
Да умирится же с тобой
И побежденная стихия;
Вражду и плен старинный свой
Пусть волны финские забудут
И тщетной злобою не будут
Тревожить вечный сон Петра!

[Пушкин А. С.: Медный всадник. , S. 32873 (vgl. Пушкин: Избр. соч. т.1, S. 662-663)]

Проснувшись не рано,
Я вышел на балкон.
Над озером Лугано
Дымился легкий сон.
От горных высей плыли
Туманы к облакам,
Как праздничные были,
Рассказанные снам.
Весь вид здесь был так дивен,
Был так красив весь край,
Что не был мне противен
Грохочущий трамвай.
Хулы, привычно строгой,
В душе заснувшей нет.
Спокоен я дорогой,
Всем странам шлю привет.
Прекрасные, чужие, -
От них в душе туман;
Но ты, моя Россия,
Прекраснее всех стран.

28 сентября 1911

[Сологуб Ф.: Проснувшись не рано.... , S. 36364 (vgl. Сологуб:
Стихотворения, S. 363-364)]

Я люблю весной фиалки
Под смеющейся росой,
В глубине зеленой балки
Я люблю идти босой,

Забывая пыль дороги
И лукавые слова,
Высоко открывши ноги,
Чтоб ласкала их трава.

Опустившись по ложбинкам,
Через речку вброд брести,

Выбираться по тропинкам
На далекие пути,

Где негаданны и новы,
Как заветная земля,
И безмолвные дубровы,
И дремотные поля.

26 мая 1888

[Сологуб Ф.: Я люблю весной фиалки.... , S. 35755 (vgl. Сологуб:
Стихотворения, S. 90)]

Вот уж снег последний в поле тает,
Теплый пар восходит от земли,
И кувшинчик синий расцветает,
И зовут друг друга журавли.

Юный лес, в зеленый дым одетый,
Теплых гроз нетерпеливо ждет;
Все весны дыханием согрето,
Все кругом и любит и поет;

[Толстой А. К.: Вот уж снег последний в поле тает.... , S. 36890 (vgl. Толстой
А. К.: Сочинения в 2-х т. Т.1, S. 58)]

В часы, когда бывает
Так тяжело на груди,
И сердце изнывает,
И тьма лишь впереди;

Без сил и без движенья,
Мы так удручены,
Что даже утешенья
Друзей нам не смешны, -

Вдруг солнца луч приветный
Войдет украдкой к нам
И брызнет огнецветной
Струею по стенам;

И с тверди благосклонной,
С лазуревых высот
Вдруг воздух благовонный
В окно на нас пахнет...

Уроков и советов
Они нам не несут,
И от судьбы наветов
Они нас не спасут.

Но силу их мы чуем,
Их слышим благодать,
И меньше мы тоскуем,
И легче нам дышать...

Так мило-благодатна,
Воздушна и светла,
Душе моей стократно
Любовь твоя была.

1858

[Тютчев Ф. И.: В часы, когда бывает.... , S. 38181 (vgl. Тютчев:
Стихотворения, S. 219)]

Тихая, звездная ночь,
Трепетно светит луна;
Сладки уста красоты
В тихую звездную ночь.

Друг мой! в сиянье ночном
Как мне печаль превозмочь?..
Ты же светла, как любовь,
В тихую, звездную ночь.

Друг мой, я звезды люблю -
И от печали не прочь...
Ты же еще мне милей
В тихую, звездную ночь.

[Фет А. А.: Мелодии. , S. 38446 (vgl. Фет: Стихотворения, S. 84-85)]

Есенин С.А.

Поет зима - аукает,
Мохнатый лес баюкает
Стозвоном сосняка.
Кругом с тоской глубокою
Плывут в страну далекую
Седые облака.
А по двору метелица
Ковром шелковым стелется,
Но больно холодна.
Воробышки игривые,
Как детки сиротливые,
Прижались у окна.

Озябли пташки малые.
Голодные, усталые,
И жмутся поплотней.
А вьюга с ревом бешеным
Стучит по ставням свешенным
И злится все сильнеей.

И дремлют пташки нежные
Под эти вихри снежные
У мерзлого окна.
И снится им прекрасная,
В улыбках солнца ясная
Красавица весна.

1910

Выткался на озере алый свет зари.
На бору со звонами плачут глухари.

Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.
Только мне не плачется - на душе светло.

Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог,
Сядем в копны свежие под соседний стог.

Зацелую допьяна, изомну, как цвет,

Хмельному от радости пересуду нет.

Ты сама под ласками сбросишь шелк фаты,
Унесу я пьяную до утра в кусты.

И пускай со звонами плачут глухари.
Есть тоска веселая в алостях зари.

1910

Туча кружево в роще связала,
Закурился пахучий туман.
Еду грязной дорогой с вокзала
Вдалеке от родимых полян.

Лес застыл без печали и шума,
Виснет темь, как платок, за сосной.
Сердце гложет плакучая дума...
Ой, не весел ты, край мой родной.

Пригорюнились девушки-ели,
И поет мой ямщик на-умяк:
"Я умру на тюремной постели,
Похоронят меня кое-как".

1915

Задымился вечер, дремлет кот на бруссе,
Кто-то помолился: "Господи Иисусе".

Полыхают зори, курятся туманы,
Над резным окошком занавес багряный.

Вьются паутины с золотой повеи.
Где-то мышшь скребется в затворенной клетки...

У лесной поляны - в свяслах копны хлеба,
Ели, словно копья, уперлися в небо.

Закадили дымом под рососою рощи...
В сердце почивают тишина и мощи.

1912

ОСЕНЬ

Р. В. Иванову

Тихо в чаще можжевеля по обрыву.
Осень - рыжая кобыла - чешет гриву.

Над речным покровом берегов
Слышен синий лязг ее подков.

Схимник-ветер шагом осторожным
Мнет листву по выступам дорожным

И целует на рябиновом кусту
Язвы красные незримому Христу.

1914 <?>

В ХАТЕ

Пахнет рыхлыми драченами;
У порога в дежке квас,
Над печурками точеными
Тараканы лезут в паз.

Вьется сажа над заслонкою,
В печке нитки попелиц,
А на лавке за солонкою -
Шелуха сырых яиц.

Мать с ухватами не сладится,
Нагибается низко,
Старый кот к махотке крадется
На парное молоко.

Квохчут куры беспокойные
Над оглоблями сохи,
На дворе обедню стройную
Запевают петухи.

А в окне на сени скатые,
От пугливой шумоты,
Из углов щенки кудлатые
Заползают в хомуты.

1914

Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты - в ризах образа...
Не видать конца и края -
Только синь сосет глаза.

Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Звонно чахнут тополя.

Пахнет яблоком и медом
По церквам твой кроткий Спас.
И гудит за корогодом
На лугах веселый пляс.

Побегу по мятой стежке
На приволь зеленых лех,
Мне навстречу, как сережки,
Прозвенит девичий смех.

Если крикнет рать святая:
"Кинь ты Русь, живи в раю!"
Я скажу: "Не надо рая,
Дайте родину мою".

1914

Сторона ль моя, сторонка,
Горевая полоса.
Только лес, да посолонка,
Да заречная коса...

Чахнет старая церквушка,
В облака закинув крест.
И забольная кукушка

Не летит с печальных мест.

По тебе ль, моей сторонке,
В половодье каждый год
С подожочка и котомки
Богомольный льется пот.

Лица пыльны, загорелы,
Веки выглодала даль,
И впилась в худое тело
Спаса кроткого печаль.

1914

Край ты мой заброшенный,
Край ты мой, пустырь,
Сенокос некошенный,
Лес да монастырь.

Избы забоченились,
А и всех-то пять.
Крыши их запенились
В заревую гать.

Под соломой-ризою
Выструги стропил,
Ветер плесень сизую
Солнцем окропил.

В окна бьют без промаха
Вороны крылом,
Как метель, черемуха
Машет рукавом.

Уж не сказ ли в прутнике
Жисть твоя и быль,
Что под вечер путнику
Нашептал ковыль?

1914

Черная, потом пропахшая выть!

Как мне тебя не ласкать, не любить?

Выйду на озеро в синюю гать,
К сердцу вечерняя льнет благодать.

Серым веретьем стоят шалаши,
Глухо баюкают хлюпъ камыши.

Красный костер окровил таганы,
В хворосте белые веки луны.

Тихо, на корточках, в пятнах зари
Слушают сказ старика косари.

Где-то вдали, на кукане реки,
Дремную песню поют рыбаки.

Оловом светится лужная голь...
Грустная песня, ты - русская боль.

1914

Топи да болота,
Синий плат небес.
Хвойной позолотой
Взвенивает лес.

Тенькает синица
Меж лесных кудрей,
Темным елям снится
Гомон косарей.

По лугу со скрипом
Тянется обоз -
Суховатой липой
Пахнет от колес.

Слушают ракиты
Посвист ветряной...
Край ты мой забытый,
Край ты мой родной!...

1914

В том краю, где желтая крапива
И сухой плетень,
Приютились к вербам сиротливо
Избы деревень.

Там в полях, за синей гущей лога,
В зелени озер,
Пролегла песчаная дорога
До сибирских гор.

Затерялась Русь в Мордве и Чуди,
Нипочем ей страх.
И идут по той дороге люди,
Люди в кандалах.

Все они убийцы или воры,
Как судил им рок.
Полюбил я грустные их взоры
С впадинами щек.

Много зла от радости в убийцах,
Их сердца просты,
Но кривятся в почернелых лицах
Голубые рты.
Я одну мечту, скрывая, нежу,
Что я сердцем чист.
Но и я кого-нибудь зарежу
Под осенний свист.

И меня по ветряному свею,
По тому ль песку,
Поведут с веревкою на шее
Полюбить тоску.

И когда с улыбкой мимоходом
Распрямлю я грудь,
Языком залижет непогода
Прожитой мой путь.

1915

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

С алым соком ягоды на коже,
Нежная, красивая, была
На закат ты розовый похожа
И, как снег, лучиста и светла.

Зерна глаз твоих осыпались, завяли,
Имя тонкое растаяло, как звук,
Но остался в складках смятой шали
Запах меда от невинных рук.

В тихий час, когда заря на крыше,
Как котенок, моет лапкой рот,
Говор кроткий о тебе я слышу
Водяных поющих с ветром сот.

Пусть порой мне шепчет синий вечер,
Что была ты песня и мечта,
Всё ж, кто выдумал твой гибкий стан и плечи -
К светлой тайне приложил уста.
Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

1916

Запели тесаные дроги,
Бегут равнины и кусты.
Опять часовни на дороге
И поминальные кресты.

Опять я теплой грустью болен
От овсяного ветерка.
И на известку колоколен
Невольно крестится рука.

О Русь - малиновое поле
И синь, упавшая в реку, -

Люблю до радости и боли
Твою озерную тоску.

Холодной скорби не измерить,
Ты на туманном берегу.
Но не любить тебя, не верить -
Я научиться не могу.

И не отдам я эти цепи,
И не расстанусь с долгим сном,
Когда звенят родные степи
Молитвословным ковылем.

<1916>

Не напрасно дули ветры,
Не напрасно шла гроза.
Кто-то тайный тихим светом
Напоил мои глаза.

С чьей-то ласковости вешней
Отгрустил я в синей мгле
О прекрасной, но нездешней,
Неразгаданной земле.

Не гнетет немая млечность,
Не тревожит звездный страх.
Полюбил я мир и вечность,
Как родительский очаг.

Все в них благостно и свято,
Все тревожное светло.
Плещет рдяный мак заката
На озерное стекло.

И невольно в море хлеба
Рвется образ с языка:
Отелившееся небо
Лижет красного телка.

<1917>

Покраснела рябина,
Посинела вода.
Месяц, всадник унылый,
Уронил повода.

Снова выплыл из рощи
Синим лебедем мрак.
Чудотворные мощи
Он принес на крылах.

Край ты, край мой, родимый,
Вечный пахарь и вой,
Словно Вольга под ивой,
Ты поник головой.

Встань, пришло исцеленье,
Навестил тебя Спас.
Лебединое пенье
Нежит радугу глаз.

Дня закатного жертва
Искупила весь грех.
Новой свежестью ветра
Пахнет зреющий снег.
Но незримые дрожжи
Все теплей и теплей...
Помяну тебя в дождик
Я, Есенин Сергей.

1916

О Русь, взмахни крылами,
Поставь иную крепь!
С иными именами
Встает иная степь.

По голубой долине,
Меж телок и коров,
Идет в золотой ряднине
Твой Алексей Кольцов.

В руках - краюха хлеба,
Уста - вишневый сок.

И вызвездило небо
Пастушеский рожок.

За ним, с снегов и ветра,
Из монастырских врат,
Идет, одетый светом,
Его середний брат.

От Вытегры до Шуи
Он избродил весь край
И выбрал кличку - Ключев,
Смиренный Миколай.
Монашья мудр и ласков,
Он весь в резьбе молвы,
И тихо сходит пасха
С бескудрой головы.

А там, за взгорьем смолым,
Иду, тропу тая,
Кудрявый и веселый,
Такой разбойный я.

Долга, крута дорога,
Несчетны склоны гор;
Но даже с тайной бога
Веду я тайно спор.

Сшибаю камнем месяц
И на немую дрожь
Бросаю, в небо свесясь,
Из голенища нож.

За мной незримым роем
Идет кольцо других,
И далеко по селам
Звенит их бойкий стих.
Из трав мы вяжем книги,
Слова трясем с двух пол.
И сродник наш, Чапыгин,
Певуч, как снег и дол.

Сокройся, сгинь ты, племя
Смердящих снов и дум!
На каменное темя

Несем мы звездный шум.

Довольно гнить и ноять,
И славить взлетом гнусь -
Уж смыла, стерла деготь
Воспрянувшая Русь.

Уж повела крылами
Ее немая крепь!
С иными именами
Встает иная степь.

<1917>

Гляну в поле, гляну в небо -
И в полях и в небе рай.
Снова тонет в копнах хлеба
Незапаханный мой край.

Снова в рощах непасеных
Неизбывные стада,
И струится с гор зеленых
Златоструйная вода.

О, я верю - знать, за муки
Над пропащим мужиком -
Кто-то ласковые руки
Проливает молоком.

15 августа 1917

Нивы сжаты, рощи голы,
От воды туман и сырость.
Колесом за сини горы
Солнце тихое скатилось.

Дремлет взрытая дорога.
Ей сегодня примечталось,
Что совсем-совсем немного
Ждать зимы седой осталось.

Ах, и сам я в чаще звонкой

Увидал вчера в тумане:
Рыжий месяц жеребенком
Запрягался в наши сани.

1917

Отвори мне, страж заоблачный,
Голубые двери дня.
Белый ангел этой полночью
Моего увел коня.

Богу лишнего не надобно,
Конь мой - мощь моя и крепь.
Слышу я, как ржет он жалобно,
Закусив золотую цепь.

Вижу, как он бьется, мечется,
Теребя тугой аркан,
И летит с него, как с месяца,
Шерсть буланая в туман.

<1918>

Вот оно, глупое счастье
С белыми окнами в сад!
По пруду лебедем красным
Плавают тихий закат.

Здравствуй, золотое затишье,
С тенью березы в воде!
Галочья стая на крыше
Служит вечерню звезде.

Где-то за садом несмело,
Там, где калина цветет,
Нежная девушка в белом
Нежную песню поет.

Стелется синею рясой
С поля ночной холодок...
Глупое, милое счастье,
Свежая розовость щек!

1918

Устал я жить в родном краю
В тоске по гречневым просторам,
Покину хижину мою,
Уйду бродягою и вором.

Пойду по белым кудрям дня
Искать убогое жилище.
И друг любимый на меня
Наточит нож за голенище.

Весной и солнцем на лугу
Обвита желтая дорога,
И та, чье имя берегу,
Меня прогонит от порога.

И вновь вернусь я в отчий дом,
Чужою радостью утешусь,
В зеленый вечер под окном
На рукаве своем повешусь.

Седые вербы у плетня
Нежнее головы наклонят.
И необмытого меня
Под лай собачий похоронят.
А месяц будет плыть и плыть,
Роняя весла по озерам...
И Русь все так же будет жить,
Плясать и плакать у забора.

<1916>

По-осеннему кычет сова
Над раздольем дорожной рани.
Облетает моя голова,
Куст волос золотистый вянет.

Полевое, степное "ку-гу",
Здравствуй, мать голубая осина!
Скоро месяц, купаясь в снегу,

Сядет в редкие кудри сына.

Скоро мне без листвы холодеть,
Звоном звезд насыпая уши.
Без меня будут юноши петь,
Не меня будут старцы слушать.

Новый с поля придет поэт,
В новом лес огласится свисте.
По-осеннему сыплет ветер,
По-осеннему шепчут листья.

1920

Все живое особой метой
Отмечается с ранних пор.
Если не был бы я поэтом,
То, наверно, был мошенник и вор.

Худощавый и низкорослый,
Средь мальчишек всегда герой,
Часто, часто с разбитым носом
Приходил я к себе домой.

И навстречу испуганной маме
Я, цедил сквозь кровавый рот:
"Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму все заживет".

И теперь вот, когда простыла
Этих дней кипяtkовая вязь,
Беспокойная, дерзкая сила
На поэмы мои пролилась.

Золотая словесная грудa,
И над каждой строкой без конца
Отражается прежняя удаль
Забияки и сорванца.

Только новью мой брызжет шаг...
Если раньше мне били в морду,
То теперь вся в крови душа.

И уже говорю я не маме,
А в чужой и хохочущий сброд:
"Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму все заживет!"

Февраль 1922

Не ругайтесь. Такое дело!
Не торговец я на слова.
Запрокинулась и отяжелела
Золотая моя голова.

Нет любви ни к деревне, ни к городу,
Как же смог я ее донести?
Брошу все. Отпущу себе бороду
И бродягой пойду по Руси.

Позабуду поэмы и книги,
Перекину за плечи суму,
Оттого что в полях забулдыге
Ветер больше поет, чем кому.

Провоняю я редькой и луком
И, тревожа вечернюю гладь,
Буду громко сморкаться в руку
И во всем дурака валять.

И не нужно мне лучшей удачи.
Лишь забыться и слушать пургу,
Оттого что без этих чудачеств
Я прожить на земле не могу.

1922

Я обманывать себя не стану,
Залегла забота в сердце мглистом.
Отчего прослыл я шарлатаном?
Отчего прослыл я скандалистом?

Не злодей я и не грабил лесом,
Не расстреливал несчастных по темницам,
Я всего лишь уличный повеса,

Улыбающийся встречным лицам.

Я московский озорной гуляка.
По всему тверскому околотку
В переулках каждая собака
Знает мою легкую походку.

Каждая задрипанная лошадь
Головой кивает мне навстречу.
Для зверей приятель я хороший,
Каждый стих мой душу зверя лечит.

Я хожу в цилиндре не для женщин
В глупой страсти сердце жить не в силе,
В нем удобней, грусть свою уменьшив,
Золото овса давать кобыле.
Средь людей я дружбы не имею,
Я иному покорился царству.
Каждому здесь кобелю на шею
Я готов отдать мой лучший галстук.

И теперь уж я болеть не стану.
Прояснилась омут в сердце мгlistом.
Оттого прослыл я шарлатаном,
Оттого прослыл я скандалистом.

1922

Да! Теперь решено. Без возврата
Я покинул родные поля.
Уж не будут листвою крылатой
Надо мною звенеть тополя.

Низкий дом без меня ссутулится,
Старый пес мой давно издох.
На московских изогнутых улицах
Умереть, знать, судил мне бог.

Я люблю этот город вязевый,
Пусть обрюзг он и пусть одрях.
Золотая дремотная Азия
Опочила на куполах.

А когда ночью светит месяц,
Когда светит... черт знает как!
Я иду, головою свесясь,
Переулком в знакомый кабак.

Шум и гам в этом логове жутком,
Но всю ночь напролет, до зари,
Я читаю стихи проституткам
И с бандитами жарю спирт.

Сердце бьется все чаще и чаще,
И уж я говорю невпопад:
"Я такой же, как вы, пропащий,
Мне теперь не уйти назад".

Низкий дом без меня ссутулится,
Старый пес мой давно издох.
На московских изогнутых улицах
Умереть, знать, судил мне бог.

1922

Дорогая, сядем рядом,
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную вьюгу.

Это золото осеннее,
Эта прядь волос белесых -
Все явилось, как спасенье
Беспокойного повесы.

Я давно мой край оставил,
Где цветут луга и чащи.
В городской и горькой славе
Я хотел прожить пропащим.

Я хотел, чтоб сердце глуше
Вспоминало сад и лето,
Где под музыку лягушек
Я растил себя поэтом.

Там теперь такая ж осень...

Клен и липы в окна комнат,
Ветки лапами забросив,
Ищут тех, которых помнят

Их давно уж нет на свете.
Месяц на простом погосте
На крестах лучами метит,
Что и мы придем к ним в гости,

Что и мы, отжив тревоги.
Перейдем под эти кущи.
Все волнистые дороги
Только радость льют живущим.

Дорогая, сядь же рядом,
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную вьюгу.

9 октября 1923

Так мало пройдено дорог,
Так много сделано ошибок.

Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать.
Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать.

Милые березовые чащи!
Ты, земля! И вы, равнин пески!
Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть моей тоски.

Слишком я любил на этом свете
Все, что душу облекает в плоть.
Мир осинам, что, раскинув ветви,
Загляделись в розовую воду.

Много дум я в тишине продумал,
Много песен про себя сложил,
И на этой на земле угрюмой

Счастливы тем, что я дышал и жил.

Счастливы тем, что целовал я женщин,
Мял цветы, валялся на траве
И зверье, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.

Знаю я, что не цветут там чащи,
Не звенит лебязьей шеей рожь.
Оттого пред сонмом уходящих
Я всегда испытываю дрожь.

Знаю я, что в той стране не будет
Этих нив, златящихся во мгле.
Оттого и дороги мне люди,
Что живут со мною на земле.

1924

Спит ковыль. Равнина дорогая,
И свинцовой свежести полынь.
Никакая родина другая
Не волеет мне в грудь мою теплынь.

Знать, у всех у нас такая участь,
И, пожалуй, всякого спроси -
Радуюсь, свирепствуя и мучась,
Хорошо ли живется на Руси?

Свет луны, таинственный и длинный,
Плачут вербы, шепчут тополя.
Но никто под окрик журавлиный
Не разлюбит отчие поля.

И теперь, когда вот новым светом
И моей коснулась жизнь судьбы,
Все равно остался я поэтом
Золотой бревенчатой избы.

По ночам, прижавшись к изголовью,
Вижу я, как сильного врага,
Как чужая юность брызжет новью
На мои поляны и луга.

Но и все же, новью той теснимый,
Я могу прочувственно пропеть:
Дайте мне на родине любимой,
Все любя, спокойно умереть!

Июль 1925

Над окошком месяц. Под окошком ветер.
Облетевший тополь серебрист и светел.

Дальний плач тальянки, голос одинокий -
И такой родимый, и такой далекий.

Плачет и смеется песня лиховая.
Где ты, моя липа? Липа вековая?

Я и сам когда-то в праздник спозаранку
Выходил к любимой, развернув тальянку.

А теперь я милой ничего не значу.
Под чужую песню и смеюсь и плачу.

Август 1925

Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, тальянка, смело!
Вспомнить, что ли, юность, ту, что пролетела?
Не шуми, осина, не пыли, дорога.
Пусть несется песня к милой до порога.

Пусть она услышит, пусть она поплачет.
Ей чужая юность ничего не значит.
Ну, а если значит - проживет не мучась.
Где ты, моя радость? Где ты, моя участь?

Лейся, песня, пуще, лейся, песня, звяньше.
Все равно не будет то, что было раньше.
За былую силу, гордость и осанку
Только и осталась песня под тальянку.

8 сентября 1925

Ты сказала, что Саади
Целовал лишь только в грудь.
Подожди ты, бога ради,
Обучусь когда-нибудь!

Ты пропела: "За Евфратом
Розы лучше смертных дев".
Если был бы я богатым,
То другой сложил напев.

Я б порезал розы эти,
Ведь одна отрада мне
Чтобы не было на свете
Лучше милой Шаганэ.

И не мучь меня заветом,
У меня заветов нет.
Коль родился я поэтом,
То целуюсь, как поэт.

19 декабря 1924

Вечером синим, вечером лунным
Был я когда-то красивым и юным.

Неудержимо, неповторимо
Все пролетело... далече... мимо...

Сердце остыло, и выцвели очи...
Синее счастье! Лунные ночи!

4/5 октября 1925

РУСЬ

1

Потонула деревня в ухабинах,
Заслонили избенки леса.
Только видно, на кочках и впадинах,
Как синеют кругом небеса.

Воют в сумерки долгие, зимние,
Волки грозные с тощих полей.
По дворам в погорающем инее
Над застрехами храп лошадей.

Как совиные глазки, за ветками
Смотрят в шали пурги огоньки.
И стоят за дубровными сетками,
Словно нечисть лесная, пеньки.

Запугала нас сила нечистая,
Что ни прорубь - везде колдуны.
В злую заморозь в сумерки мгlistые
На березках висят галуны.

2

Но люблю тебя, родина кроткая!
А за что - разгадать не могу.

Весела твоя радость короткая
С громкой песней весной на лугу.

Я люблю над покосной стоянкою
Слушать вечером гуд комаров.
А как гаркнут ребята тальянкою,
Выйдут девки плясать у костров.

Загорятся, как черна смородина,
Угли-очи в подковах бровей.
Ой ты, Русь моя, милая родина.
Сладкий отдых в шелку купырей.

3

Понакаркали черные вороны:
Грозным бедам широкий простор.
Крутит вихорь леса во все стороны,
Машет саваном пена с озер.

Грянул гром, чашка неба расколота,
Тучи рваные кутают лес.
На подвесках из легкого золота
Закачались лампадки небес.

Повестили под окнами сотские

Ополченцам идти на войну.

Загыгыкали бабы слободские,
Плач прорезал кругом тишину.

Собирались мирные пахари
Без печали, без жалоб и слез,
Клали в сумочки пышки на сахаре
И пихали на кряжистый воз.

По селу до высокой околицы
Провожал их огулом народ...
Вот где, Русь, твои добрые молодцы,
Вся опора в годину невзгод.

4
Затомилась деревня невесточкой -
Как-то милые в дальнем краю?
Отчего не уведомят весточкой,-
Не погибли ли в жарком бою?

В роще чудились запахи ладана,
В ветре бластились стуки костей.
И пришли к ним неожиданно-негаданно
С дальней волости груды вестей.

Сберегли по ним пахари памятку,
С потом вывели всем по письму.

Подхватили тут родные грамотку,
За ветловую сели тесьму.

Собрались над четницей Лушею
Допытаться любимых речей.
И на корточках плакали, слушая,
На успехи родных силачей.

5
Ах, поля мои, борозды милые,
Хороши вы в печали своей!
Я люблю эти хижины хилые
С поджиданьем седых матерей.

Припаду к лапоточкам берестяным,

Мир вам, грабли, коса и соха!
Я гадаю по взорам невестиным
На войне о судьбе жениха.

Помирился я с мыслями слабыми,
Хоть бы стать мне кустом у воды.
Я хочу верить в лучшее с бабами,
Тепля свечку вечерней звезды.

Разгадал я их думы несметные,
Не спугнет их ни гром и ни тьма.

За сохою под песни заветные
Не причудится смерть и тюрьма.

Они верили в эти каракули,
Выводимые с тяжким трудом,
И от счастья и радости плакали,
Как в засуху над первым дождем.

А за думой разлуки с родимыми
В мягких травах, под бусами рос,
Им мерещился в далях за дымами
Над лугами веселый покос.

Ой ты, Русь, моя родина кроткая,
Лишь к тебе я любовь берегу.
Весела твоя радость короткая
С громкой песней весной на лугу.

1914

4. Любовные стихи

ПОДРАЖАНИЕ ДРЕВНИМ

В грезах сладострастных видел я тебя,
Грез таких не знал я никогда, любя.
Мне во сне казалось: к морю я пришел -
Полдень был так зноен, воздух так тяжел!
На скале горячей в ярком свете дня
Ты одна стояла и звала меня.
Но, тебя увидя, я не чуял ног
И, прикован взором, двинуться не мог.
Волосы, сверкая блеском золотым,
Падали кудрями по плечам твоим;
Голова горела, солнцем облита,
Поцелуя ждали сжатые уста.
Тайные желанья, сиясь ускользнуть,
Тяжко колебали поднятую грудь,
Белые одежды, легки как туман,
Слабо закрывали твой цветущий стан,
Так что я под ними каждый страсти пыл,
Каждый жизни трепет трепетно ловил...
И я ждал, смятенный: миг еще, и вот -
Эта ткань, сорвавшись, в волны упадет...
Но волненьем страшным был я пробужден.
Медленно и грустно уходил мой сон.
К ложу приникая, я не мог вздохнуть,
Тщетные желанья колебали грудь,
Слезы, вырываясь с ропотом глухим,
Падали ручьями по щекам моим,
И, всю ночь рыдая, я молил богов:
Не тебя хотел я, а таких же снов!..

2 июня 1857

Мценск

[Апухтин А. Н.: Подражание древним. , S. 438 (vgl. Апухтин: Полное собрание стихотворений, S. 82)]

БЕССОННИЦА

Проходят часы за часами
Несносной, враждебной толпой.
На помощь с тоской и слезами
Зову я твой образ родной!

Я всё, что в душе накипело,
Забуду, - но только взгляни
Доверчиво, ясно и смело,
Как прежде, в счастливые дни!

Твой образ глядит из тумана;
Увы! заслонен он другим -
Тем демоном лжи и обмана,
Мучителем старым моим!

Проходят часы за часами...
Тускнеет и гаснет твой взор,
Шипит и растет между нами
Обидный, безумный раздор...

Вот утра лучи шевельнулись...
Я в том же тупом забытьи...
Совсем от меня отвернулись
Потухшие очи твои.

[Апухтин А. Н.: Стихотворения неизвестных лет. , S. 813 (vgl. Апухтин:
Полное собрание стихотворений, S. 261)]

РОМАНС

Помню, в вечер невозвратный
Посреди толпы чужой
Чей-то образ благодатный
Тихо веял предо мной.

Помню, в час нежданной встречи
И смятение, и страх,
Недосказанные речи
Замирали на устах...

Помню, помню, в ночь глухую
Я не спал... Часы неслись,

И на грудь мою больную
Слезы жгучие лились...

А сквозь слезы - с речью внятной
И с улыбкой молодой
Чей-то образ благодатный
Тихо веял предо мной.

1863?

[Апухтин А. Н.: Романс (Помню, в вечер невозвратный...), S. 554 (vgl. Апухтин: Полное собрание стихотворений, S. 136-137)]

Лишь та, что всех больше терзала
И мучила с первого дня, -
Как мало она враждовала,
Как мало любила меня.

[Апухтин А. Н.: С немецкого.]

Я ждал тебя... Часы ползли уныло,
Как старые, докучные враги...
Всю ночь меня будил твой голос милый
И чьи-то слышались шаги...

Я ждал тебя... Прозрачен, свеж и светел,
Осенний день повеял над землей...
В немой тоске я день прекрасный встретил
Одною жгучею слезой...

Пойми хоть раз, что в этой жизни шумной,
Чтоб быть с тобой - я каждый миг ловлю,
Что я люблю, люблю тебя безумно...
Как жизнь, как счастье люблю!...

1867

[Апухтин А. Н.: Я ждал тебя... Часы ползли уныло...., S. 569 (vgl. Апухтин: Полное собрание стихотворений, S. 144)]

Средь толпы чужой,
Средь крошечной тьмы,
На стезе земной
Повстречались мы.

И в счастливый час,
Как денницы свет,
Занялся для нас
Лучших дней рассвет.

Не в волшебном сне,
Наяву, мой друг,
Всё, что есть во мне,
Поняла ты вдруг.

И постигнул я,
Просветлев душой,
Что ты вся - моя
И что весь я - твой.

Это всё, поверь,
Нас ждало давно,
И сбылось теперь,
Чему быть должно.

Я любим тобой,
Я люблю тебя -
Расцвели душой
Мы, весь мир любя.

[Апухтин А. Н.: 3. Стихотворения, приписываемые Апухтину. , S. 1023 (vgl. Апухтин: Полное собрание стихотворений, S. 368)]

В полночь месяц чуть колышет
Воды в глубине;
Лоно моря еле дышит,
Как дитя во сне.
Так душа, полна мечтою,
Чутко дышит красотой;
Нежно в ней растет прибой,
Зачарованный тобой.

[Бальмонт К. Д.: Из английской поэзии. , S. 2801 (vgl. Бальмонт: Избранное, S. 362)]

Я с умиленною душой
Красу творенья созерцаю.
От этих вод, лесов и гор
Я на эфирную обитель,
На небеса подьемлю взор
И думаю: велик зиждитель,
Прекрасен мир! Когда же я
Вспомню тою же порою,
Что в этом мире ты со мною,
Подруга милая моя...
Нет сладким чувствам выраженья,
И не могу в избытке их
Невольных слез благодаренья
Остановить в глазах моих.

[Баратынский Е. А.: Отрывок. , S. 3271 (vgl. Баратынский: Избранное, S. 189)]

Была и страсть, но ум холодный
Ее себе поработил,
И, проклинаящий бесплодно,
В могильном мраке я бродил.

И час настал. Она далёко.
И в сновиденьях красоты
Меня не трогаешь глубоко,
Меня не посещаешь ты.

О, я стремлюсь к борьбе с собою,
К бесплодной, может быть, борьбе...
Когда-то полная тобою
Душа тоскует - о тебе!

9 декабря 1900

[Блок А. А.: Стихотворения, не вошедшие в основное собрание. , S. 5763 (vgl. Блок: Собр.соч. в 8 т. Т.1, S. 461)]

Мрак. Один я. Тревожит мой слух тишина.
Всё уснуло, да мне-то не спится.
Я хотел бы уснуть, да уж очень темна
Эта ночь, - и луна не сребрится.
Думы всё неотвязно тревожат мой сон.
Вспоминаю я прошлые ночи:
Мрак неясный... По лесу разносится звон...
Как сияют прекрасные очи!..
Дальше, дальше... Как холодно! Лед на Неве,
Открываются двери на стужу...
Что такое проснулось в моей голове?
Что за тайна всплывает наружу?..
Нет, не тайна: одна неугасшая страсть...
Но страстям я не стану молиться!
Пред другой на колени готов я упасть!..
Эх, уснул бы... да что-то не спится.

18 ноября 1898

[Блок А. А.: Стихотворения, не вошедшие в основное собрание. , S. 5491 (vgl. Блок: Собр.соч. в 8 т. Т.1, S. 330)]

Когда мы любим безотчетно
Черты нам милого лица,
Все недостатки мимолетны,
Его красотам нет конца.

10 февраля 1899

[Блок А. А.: Стихотворения, не вошедшие в основное собрание. , S. 5637 (vgl. Блок: Собр.соч. в 8 т. Т.1, S. 402)]

АРТИСТКЕ

Позволь и мне сгорать душою,
Мгновенье жизнь торжествовать
И одинокою мечтою
В твоём бессмертьи ликовать.

Ты несравненна, ты - богиня,

Твои веселье и печаль -
Моя заветная святыня,
Моя пророческая даль.

Позволь же мне сгорать душою
И пламенеть огнем мечты,
Чтоб вечно мыслить пред собою
Твои небесные черты.

15 октября (?) 1900

[Блок А. А.: Стихотворения, не вошедшие в основное собрание. , S. 5761 (vgl. Блок: Собр.соч. в 8 т. Т.1, S. 460)]

Есть минуты, когда не тревожит
Роковая нас жизни гроза.
Кто-то на плечи руки положит,
Кто-то ясно заглянет в глаза...

И мгновенно житейское канет,
Словно в темную пропасть без дна...
И над пропастью медленно встанет
Семицветной дугой тишина...

И напев заглушенный и юный
В затаенной затронет тиши
Усыпленные жизнью струны
Напряженной, как арфа, души.

Июль 1912

[Блок А. А.: Книга третья (1907 - 1916). , S. 5382 (vgl. Блок: Собр.соч. в 8 т. Т.3, S. 202)]

Ты, может быть, не хочешь угадать,
Как нежно я люблю Тебя, мой гений?
Никто, никто не может так страдать,
Никто из наших робких поколений.

Моя любовь горит огнем порой,
Порой блесит, как звездочка ночная,
Но вечно пламень вечный и живой

Дрожит в душе, на миг не угасая.

О, страсти нет! Но тайные мечты
Для сердца нежного порой бывают сладки,
Когда хочу я быть везде, где Ты,
И целовать Твоей одежды складки.

Мечтаю я, чтоб ни одна душа
Не видела Твоей души нетленной,
И я лишь, смертный, знал, как хороша
Одна она, во всей, во всей вселенной.

21 сентября 1898

[Блок А. А.: Стихотворения, не вошедшие в основное собрание. , S. 5490 (vgl. Блок: Собр.соч. в 8 т. Т.1, S. 329)]

СТАНС

Без тебя, Темира,
Скучны все часы,
И в блаженствах мира
Нет нигде красы;
Где утехи рая
Я вкушал с тобой,
Без тебя, драгая,
Полны пустотой.

Я в печали таю,
Время погубя,
Если день кончаю,
Не узря тебя;
День с тобой в разлуке
Крадет жизнь мою:
Без тебя я в муке,
А с тобой в раю.

Если я примечу
Твой ко мне возврат,
Сердце рвется встречу,
Упреждая взгляд.
Придешь - оживляешь,
Взглянешь - наградишь,

Молвишь - восхищаешь,
Тронешь - жизнь даришь.

<1790-е годы>

[Богданович И. Ф.: Станс. , S. 6561 (vgl. Богданович: Русские поэты, S. 161)]

Ты не помнишь! ты забыла!
Ах, я помню каждый миг!
Нет, не сможет и могила
Затемнить во мне твой лик!

[Брюсов В. Я.: Stephanos (1904-1905). , S. 6891]

Я ЛЮБЛЮ...

...между двойною бездной...

Ф. Тютчев

Я люблю тебя и небо, только небо и тебя,
Я живу двойной любовью, жизнью я дышу, любя.

В светлом небе - бесконечность: бесконечность милых глаз.
В светлом взоре - беспредельность: небо, явленное в нас.

Я смотрю в пространства неба, небом взор мой поглощен.
Я смотрю в глаза: в них та же даль пространств и даль времен.

Бездна взора, бездна неба! я, как лебедь на волнах,
Меж двойною бездной рею, отражен в своих мечтах.

Так, заброшены на землю, к небу всходим мы, любя...
Я люблю тебя и небо, только небо и тебя.

26 июня 1897

[Брюсов В. Я.: Tertia vigilia (1898-1901). , S. 6696]

Счастлив я, когда ты голубые

Очи поднимаешь на меня:
Светят в них надежды молодые -
Небеса безоблачного дня.

Горько мне, когда ты, опуская
Темные ресницы, замолчишь:
Любишь ты, сама того не зная,
И любовь застенчиво таишь.

Но всегда, везде и неизменно
Близ тебя светла душа моя...
Милый друг! О, будь благословенна
Красота и молодость твоя!

<1896>

[Бунин И. А.: Счастлив я, когда ты голубые.... , S. 7612 (vgl. Бунин: Собр. соч. в 4-х томах. Т. 1, S. 31)]

Твое дыханье нежное
Я чувствую во сне,
И покрывало снежное
Легко и сладко мне.

Я знаю, близко вечное,
Я слышу, стынет кровь...
Молчанье бесконечное...
И сумрак... И любовь.

1894

[Гиппиус З. Н.: Собрание стихов (1889-1903). , S. 10154 (vgl. Гиппиус: Собр. соч. в 2-х т. Т.2., S. 454)]

ЛЮБОВЬ - ОДНА

...Не может сердце жить изменой:
Измены нет - любовь одна.

1896 г.

Душе, единостью чудесной,

Любовь единая дана.
Так в послегрозности небесной
Цветная полоса - одна.

Но семь цветов семью огнями
Горят в одной. Любовь одна,
Одна до века, и не нами
Ей семицветность суждена.

В ней фиолетовость, и алость,
В ней кровь и золото вина,
То изумрудность, то опалость...
И семь сияний - и одна.

Не все ль равно, кого отметит,
Кого пронижет луч до дна,
Чье сердце меч прозрачный встретит,
Чья отзовется глубина?

Неразделимая нетленна,
Неуловимая ясна,
Непобедимо-неизменна
Живет любовь, - всегда одна.

Переливается, мерцает,
Она всецветна - и одна.
Ее хранит, ее венчает
Святым единством - белизна.

Ноябрь 1912

СПБ

[Гиппиус З. Н.: Стихи. Дневник 1911-1921. , S. 10429 (vgl. Гиппиус: Собр. соч. в 2-х т. Т.2., S. 527)]

ЕЙ В ГОРАХ

1

Я не безвольно, не бесцельно
Хранил лиловый мой цветок.
Принес его, длинностебельный,

И положил у милых ног.

А ты не хочешь... Ты не рада...
Напрасно взгляд твой я ловлю.
Но пусть! Не хочешь - и не надо;
Я все равно тебя люблю.

[Гиппиус З. Н.: Сиянья. , S. 10592 (vgl. Гиппиус: Собр. соч. в 2-х т. Т.2., S. 527)]

СЕРЕНАДА

Из лунного тумана
Рождаются мечты.
Пускай, моя Светлана,
Меня не любишь ты.

Пусть будет робкий лепет
Неуловимо тих,
Пусть тайным будет трепет
Незвучных струн моих.

Награды не желая,
Душа моя горит.
Мой голос, дорогая,
К тебе не долетит.

Я счастье ненавижу,
Я радость не терплю.
О, пусть тебя не вижу,
Тем глубже я люблю.

Да будет то, что будет,
Светла печаль моя.
С тобой нас Бог рассудит -
И к Богу ближе я.

Ищу Мою отраду
В себе - люблю тебя.
И эту серенаду
Слагаю для себя.

1897

[Гиппиус З. Н.: Собрание стихов (1889-1903). , S. 10189 (vgl. Гиппиус: Собр. соч. в 2-х т. Т.2., S. 470)]

В час томительного бденья,
В час бессонного страданья
О тебе мои моленья,
О тебе мои стенанья.

И тебя, мой ангел света,
Озарить молю я снова
Бедный путь - лучом привета,
Звуком ласкового слова.

[Григорьев А. А.: Старые песни, старые сказки. , S. 11204 (vgl. Григорьев: Стихотворения. Поэмы. Драммы, S. 93)]

Мой ангел света! Пусть перед тобою
Стихает всё, что в сердце накопит;
Немее всё, что без тебя порою
Душе тревожной речью говорит.

Ты знаешь всё... Когда благоразумной,
Холодной речью я хочу облечь,
Оледенить души порыв безумный -
Лишь для других не жжется эта речь!

Ты знаешь всё... Ты опускаешь очи,
И долго их не в силах ты поднять,
И долго ты темней осенней ночи,
Хоть никому тебя не разгадать.

Один лишь я в душе твоей читаю,
Непрошенный, досадный чтец порой...
Ты знаешь всё... Но я, я также знаю
Всё, что живет в душе твоей больной.

И я и ты равно друг друга знаем,
А между тем наедине молчим,
И я и ты - мы поровну страдаем

И скрыть равно страдание хотим.

Не видясь, друг о друге мы не спросим
Ни у кого, хоть спросим обо всем;
При встрече взгляда лишнего не бросим,
Руки друг другу крепче не пожмем.

В толпе ли шумной встретимся с тобою,
Под маскою ль подашь ты руку мне -
Нам тяжело идти рука с рукою,
Как тяжело нам быть наедине.

И чинны ледяные наши речи,
Хоть, кажется, молчать нет больше сил,
Хоть так и ждешь, что в миг подобной встречи
Всё выскажешь, что на сердце таил.

А между тем, и ты и я - мы знаем,
Что мучиться одни осуждены,
И чувствуем, что поровну страдаем,
На жизненном нуги разделены.

Молились мы молитвою единой,
И общих слез мы знали благодать:
Тому, кто раз встречался с половиной
Своей души, - иной не отыскать!

<1857>

[Григорьев А. А.: Борьба. , S. 11288 (vgl. Григорьев: Стихотворения. Поэмы. Драммы, S. 134)]

Уста - цветы, что манят пчел.

[Гумилев Н. С.: Альбомные стихи, надписи на книгах, экспромты, отрывки. , S. 12447 (vgl. Гумилев: Соч. в 3-х т. Т.1, S. 454)]

Одежды легкие, простые
Покрыли матовость плечей,
И нежит кудри золотые
Венок из солнечных лучей.

Она идет стопой воздушной,
Глаза безмерно глубоки,
Она вплетает простодушно
В венок степные васильки.

[Гумилев Н. С.: Дева Солнца.]

ОБОРВАНЕЦ

Я пойду по гулким шпалам
Думать и следить
В небе желтом, в небе алом
Рельс бегущих нить.

В залы пасмурные станций
Забреду, дрожа,
Коль не сгонят оборванца
С криком сторожа.

А потом мечтой упрямой
Вспомню в сотый раз
Быстрый взгляд красивой дамы,
Севшей в первый класс.

Что, ей, гордой и далекой,
Вся моя любовь?
Но такой голубоокой
Мне не видеть вновь!

Расскажу я тайну другу,
Подтруню над ним
В теплый час, когда по лугу
Вечер стелет дым.

[Гумилев Н. С.: Чужое небо. , S. 11786 (vgl. Гумилев: Соч. в 3-х т. Т.1, S. 141-142)]

СОМНЕНИЕ

Вот я один в вечерний тихий час,

Я буду думать лишь о вас, о вас.

Возьмусь за книгу, но прочту: "она",
И вновь душа пьяна и смятена.

Я брошусь на скрипучую кровать,
Подушка жжет... нет, мне не спать, а ждать.

И крадучись я подойду к окну,
На дымный луг взгляну и на луну,

Вон там, у клумб, вы мне сказали "да",
О, это "да" со мною навсегда.

И вдруг сознание бросит мне в ответ,
Что вас, покорной, не было и нет,

Что ваше "да", ваш трепет, у сосны
Ваш поцелуй - лишь бред весны и сны.

[Гумилев Н. С.: Чужое небо. , S. 11751 (vgl. Гумилев: Соч. в 3-х т. Т.1, S. 125)]

СЛОНЕНОК

Моя любовь к тебе сейчас - слоненок,
Родившийся в Берлине или Париже
И топающий ватными ступнями
По комнатам хозяина зверинца.

Не предлагай ему французских булок,
Не предлагай ему кочней капустных,
Он может съесть лишь дольку мандарина,
Кусочек сахара или конфету.

Не плачь, о нежная, что в тесной клетке
Он делается посмеяньем черни,
Чтоб в нос ему пускали дым сигары
Приказчики под хохот мидинеток.

Не думай, милая, что день настанет,
Когда, взбесившись, разорвет он цепи,

И побежит по улицам, и будет,
Как автобэс, давить людей вопящих.

Нет, пусть тебе приснится он под утро
В парче и меди, в страусовых перьях,
Как тот, Великолепный, что когда-то
Нес к трепетному Риму Ганнибала.

[Гумилев Н. С.: Огненный столп. , S. 12099 (vgl. Гумилев: Соч. в 3-х т. Т.1, S. 297)]

Во мраке безрадостном ночи,
Душевной больной пустоты,
Мне светят лишь дивные очи
Ее неземной красоты.

За эти волшебные очи
Я с радостью, верь, отдаю
Мое наболевшее сердце,
Усталую душу мою.

За эти волшебные очи
Я смело в могилу сойду,
И первое, лучшее счастье
В могиле сырой я найду.

А очи, волшебные очи
Так грустно глядят на меня,
Исполнены тайной печали,
Исполнены силой огня.

Напрасно рождаются мечтанья,
Напрасно волнуется кровь:
Могу я внушить состраданье,
Внушить не могу я любовь.

Летит равнодушное время
И быстро уносится вдаль,
А в сердце холодное бремя,
И душу сжигает печаль.

<Не позднее 1903>

[Гумилев Н. С.: Стихотворения, не включенные в прижизненные сборники. , S. 12174 (vgl. Гумилев: Соч. в 3-х т. Т.1, S. 334)]

ЛЮБОВЬ

Много есть людей, что, полюбив,
Мудрые, дома себе возводят,
Возле их благословенных нив
Дети резвые за стадом бродят.

А другим - жестокая любовь,
Горькие ответы и вопросы,
С желчью смешана, кричит их кровь,
Слух их мучат злобным звоном осы.

А иные любят, как поют,
И поют, и дивно торжествуют,
В сказочный скрываются приют;
А иные любят, как танцуют.

Как ты любишь, девушка, ответь,
По каким тоскуешь ты истомам?
Неужель ты можешь не гореть
Тайным пламенем, тебе знакомым,

Если ты могла явиться мне
Молнией слепительной Господней
И отныне я горю в огне,
Вставшем до небес из преисподней?

<1917>

[Гумилев Н. С.: Стихотворения, не включенные в прижизненные сборники. , S. 12289 (vgl. Гумилев: Соч. в 3-х т. Т.1, S. 383)]

НА ГОЛОС РУССКОЙ ПЕСНИ

Я люблю тебя, без ума люблю
О тебе одной думы думаю,
При тебе одной сердце чувствую,
Моя милая, моя душечка.

Ты взгляни, молю, на тоску мою
И улыбкою, взглядом ласковым
Успокой меня, беспокойного,
Осчастливь меня, несчастливого.

Если жребий мой умереть тоской, -
Я умру, любовь проклиная,
Но и в смертный час воздыхая
О тебе, мой друг, моя душечка!

1834

[Давыдов Д. В.: На голос русской песни. , S. 12690 (vgl. Давыдов: Поэты пушкинского круга, S. 205-206)]

РОМАНС

Прекрасный день, счастливый день:
И солнце и любовь!
С нагих полей сбежала тень -
Светлеет сердце вновь.
Проснитесь, рощи и поля;
Пусть жизнью всё кипит:
Она моя, она моя!
Мне сердце говорит.

Что вьешься, ласточка, к окну,
Что, вольная, поешь?
Иль ты щебечешь про весну
И с ней любовь зовешь?
Но не ко мне, - и без тебя
В певце любовь горит:
Она моя, она моя!
Мне сердце говорит.

1823

[Дельвиг А. А.: Романс (Прекрасный день, счастливый день...). , S. 12745 (vgl. Дельвиг: Поэты пушкинского круга, S. 468)]

ОБЪЯВЛЕНИЕ ЛЮБВИ

Хоть вся теперь природа дремлет,
Одна моя любовь не спит;
Твои движенья, вздохи внемлет
И только на тебя глядит.

Приметь мои ты разговоры,
Помысль о мне наедине;
Брось на меня приятны взоры
И нежностью ответствуй мне.

Единым отвечай воззреньем
И мысль свою мне сообщи:
Что с тем сравнится восхищеньем,
Как две сольются в нас души?

Представь в уме сие блаженство
И ускоряй его вкусить:
Любовь лишь с божеством равенство
Нам может в жизни подарить.

1770

[Державин Г. Р.: Объявление любви. , S. 13188 (vgl. Державин: Сочинения., S. 237)]

ПИСЬМО К ЖЕНЩИНЕ

Вы помните,
Вы всё, конечно, помните,
Как я стоял,
Приблизившись к стене.
Взволнованно ходили вы по комнате
И что-то резкое
В лицо бросали мне.

Вы говорили:
Нам пора расстаться,
Что вас измучила
Моя шальная жизнь,
Что вам пора за дело приниматься,
А мой удел -
Катиться дальше, вниз.

Любимая!

Меня вы не любили.
Не знали вы, что в сонмище людском
Я был, как лошадь, загнанная в мыле,
Пришпоренная смелым ездоком.

Не знали вы,
Что я в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь, что не пойму -
Куда несет нас рок событий.

Лицом к лицу
Лица не увидеть.
Большое видится на расстоянье.
Когда кипит морская гладь,
Корабль в плачевном состоянье.

Земля - корабль!
Но кто-то вдруг
За новой жизнью, новой славой
В прямую гущу бурь и выюг
Ее направил величаво.

Ну кто ж из нас на палубе большой
Не падал, не блевал и не ругался?
Их мало, с опытной душой,
Кто крепким в качке оставался.

Тогда и я
Под дикий шум,
Но зрело знающий работу,
Спустился в корабельный трюм,
Чтоб не смотреть людскую рвоту.

Тот трюм был -
Русским кабаком.
И я склонился над стаканом,
Чтоб, не страдая ни о ком,
Себя сгубить
В угаре пьяном.

Любимая!

Я мучил вас,
У вас была тоска
В глазах усталых:
Что я пред вами напоказ
Себя растрчивал в скандалах.

Но вы не знали,
Что в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь,
Что не пойму,
Куда несет нас рок событий...

.....
Теперь года прошли.
Я в возрасте ином.
И чувствую и мыслю по-иному.
И говорю за праздничным вином:
Хвала и слава рулевому!

Сегодня я
В ударе нежных чувств.
Я вспомнил вашу грустную усталость.
И вот теперь
Я сообщить вам мчусь,
Каков я был
И что со мною случилось!

Любимая!
Сказать приятно мне:
Я избежал паденья с кручи.
Теперь в Советской стороне
Я самый яростный попутчик.

Я стал не тем,
Кем был тогда.
Не мучил бы я вас,
Как это было раньше.
За знамя вольности
И светлого труда
Готов идти хоть до Ла-Манша.

Простите мне...
Я знаю: вы не та -

Живете вы
С серьезным, умным мужем;
Что не нужна вам наша маета,
И сам я вам
Ни капельки не нужен.

Живите так,
Как вас ведет звезда,
Под кущей обновленной сени.
С приветствием,
Вас помнящий всегда
Знакомый ваш

С е р г е й Е с е н и н .

<1924>

[Есенин С. А.: Письмо к женщине. , S. 13963 (vgl. Есенин: Соч. в 3-х т. Т.1, S. 350)]

ПЕСНЯ

Мой друг, хранитель-ангел мой,
О ты, с которой нет сравненья,
Люблю тебя, дышу тобой;
Но где для страсти выраженья?
Во всех природы красотах
Твой образ милый я встречаю;
Прелестных вижу - в их чертах
Одну тебя воображаю.

Беру перо - им начертать
Могу лишь имя незабвенной;
Одну тебя лишь прославлять
Могу на лире восхищенной:
С тобой, один, вблизи, вдали.
Тебя любить - одна мне радость;
Ты мне все блага на земли;
Ты сердцу жизнь, ты жизни сладость

В пустыне, в шуме городском
Одной тебе внимать мечтаю;
Твой образ, забываясь сном,

С последней мыслию сливаю;
Приятный звук твоих речей
Со мной во сне не расстается;
Проснись - и ты в душе моей
Скорей, чем день очам коснется.

Ах! мне ль разлуку знать с тобой?
Ты всюду спутник мой незримый;
Молчишь - мне взор понятен твой,
Для всех других неизъяснимый;
Я в сердце твой приемлю глас;
Я пью любовь в твоём дыханье...
Восторги, кто постигнет вас,
Тебя, души очарованье?

Тобой и для одной тебя
Живу и жизнью наслаждаюсь;
Тобою чувствую себя;
В тебе природе удивляюсь.
И с чем мне жребий мой сравнить?
Чего желать в толь сладкой доле?
Любовь мне жизнь - ах! я любить
Еще стократ желал бы боле.

[Жуковский В. А.: Романсы и песни. , S. 14363 (vgl. Жуковский: соч. в 3-х томах. Т. 1, S. 69)]

Я тебя не вспоминаю,
Для чего мне вспоминать?
Это только то, что знаю,
Только то, что можно знать.

Край земли. Полоска дыма
Тянет в небо, не спеша.
Одинока, нелюдима
Вьется ласточкой душа.

Край земли. За синим краем
Вечности пустая гладь.
То, чего мы не узнаем,
То, чего не надо знать.

Если я скажу, что знаю,
Ты согласишься. Я солгу.
Я тебя не вспоминаю,
Не хочу и не могу.

Но люблю тебя, как прежде,
Может быть, еще нежнее,
Бессердечней, безнадежней
В пустоте, в тумане дней.

[Иванов Г. В.: Отплытие на остров Цитеру. , S. 16773 (vgl. Иванов: Собрание сочинений в 3 т., S. 311)]

СЕВАСТИАН-МУЧЕНИК

ПОСВЯЩЕНИЕ

Королеве Эллинов
Ольге Константиновне

Тебе, тебе, мой ангел нежный,
Я посвящаю этот труд;
О, пусть любовно и прилежно
Твои глаза его прочтут.

Ты мне внушила эти строки,
Они тобой вдохновлены:
Пусть же будут в край далекий
Они к тебе унесены.

И если грудь занает больно
Тоской по нашей стороне,
Пусть тогда они невольно
Тебе напомнят обо мне.

И пусть хоть тем тебе поможет
Тот, кто всегда и всюду твой,
Кто позабыть тебя не может
И чья душа полна тобой.

[К. Р. (великий князь Константин Константинович): Севастиан-мученик. , S. 17244 (vgl. К. Р.: Избранное, S. 120)]

Когда меня волной холодной
Объемлет мира суета,
Звездой мне служат путеводной
Любовь и красота.

О, никогда я не нарушу
Однажды данный им обет:
Любовь мне согревает душу,
Она - мне жизнь и свет.

Не зная устали, ни лени,
Отважно к цели я святой
Стремлюсь, чтоб преклонить колени
Пред вечной красотой.

Берлин
5 декабря 1887

[К. Р. (великий князь Константин Константинович): Из цикла "Мечты и думы". , S. 17156 (vgl. К. Р.: Избранное, S. 67-68)]

Из цикла
В АЛЬБОМ

* * *

Великой княгине
Елисавете Феодоровне

Я на тебя гляжу, любуюсь ежечасно:
Ты так невыразимо хороша!
О, верно под такой наружностью прекрасной
Такая же прекрасная душа!

Какой-то кротости и грусти сокровенной
В твоих очах таится глубина;
Как ангел, ты тиха, чиста и совершенна;

Как женщина, стыдлива и нежна.

Пусть на земле ничто средь зол и скорби многой
Твою не запятнает чистоту,
И всякий, увидав тебя, прославит Бога,
Создавшего такую красоту!

Село Ильинское
24 сентября 1884

[К. Р. (великий князь Константин Константинович): Из цикла "В альбом". , S. 17233 (vgl. К. Р.: Избранное, S. 113)]

СИЛУЭТ

Твой образ в сердце врезан ясно,
На что ж мне тень его даришь?
На то ль, что жар любви страстной
Ты дружбой заменить велишь?
Но лъзя ль велению покориться:
Из сердца рвать стрелу любви?
Лишь смертью может потушиться
Текущий с жизнью огонь в крови.

Возьми ж обратно дар напрасный, -
Ах! нет: оставь его, оставь.
В судьбине горестной, злосчастной
Еще быть счастливым заставь:
Позволь надеждой сладкой льститься,
Смотря на милые черты,
Что, как твоя в них тень хранится,
Хоть тень любви хранишь и ты.

<1806>

[Капнист В. В.: Анакреонтические оды. , S. 17617 (vgl. Капнист: Избранные произведения, S. 131)]

ВЗДОХ

С Миленой поздною порою,
Под тенью скромного леска,

Мы видели, как меж собою
Два разыгрались голубка.
Любовь моя воспламенилась,
Душа на языке была,
Но, полна страстью, грудь стеснилась,
И речь со вздохом умерла.
Увы! почто ж уста немели
И тайны я открыть не мог?
Но если б разуметь хотели,
Не всё ль сказал уж этот вздох?
И нужно ль клятвы, часто ложны,
Всегда любви в поруки брать?
Глаза в душе всё видеть должны
И сердце сердцу весть давать.

<1799>

[Капнист В. В.: Анакреонтические оды. , S. 17604 (vgl. Капнист: Избранные произведения, S. 125)]

Любовь и дружба - вот чем можно
Себя под солнцем утешать!
Искать блаженства нам не должно,
Но должно - менее страдать;
И кто любил, кто был любимым,
Был другом нежным, другом чтимым,
Тот в мире сем не даром жил,
Не даром землю бременил.

...

[Карамзин Н. М.: Послание к Дмитриеву. , S. 18453 (vgl. Карамзин: Избранное, S. 212-213)]

Не оплакано бывшее,
За любовь не прощено.
Береги, дитя, земное,
Если неба не дано.

Об оставленном не плачь ты, -
Впереди чудес земля,
Устоят под бурей мачты,
Грудь родного корабля.

Кормчий молод и напевен,
Что ему бурун, скала?
Изо всех морских царевен
Только ты ему мила -

За глаза из изумруда,
За кораллы на губах...
Как душа его о чуде,
Плачет море в берегах.

Свой корабль за мглу седую
Не устанет он стремить,
Чтобы сказку ветровую
Наяву осуществить.

<1909>

[Клюев Н. А.: Не оплакано бывшее.... , S. 18615 (vgl. Клюев: Стихотворения и поэмы, S. 114)]

ПРИДИ КО МНЕ

Приди ко мне, когда зефир
Колышет рощами лениво,
Когда и луг и степь - весь мир
Оденется в покров сонливый.

Приди ко мне, когда луна
Из облак в облака ныряет
Иль с неба чистого она
Так пышно воды озлащает.

Приди ко мне, когда весь я
В любовны думы погружаюсь,
Когда, красавица, тебя
Нетерпеливо ожидаюсь.

Приди ко мне, когда любовь
Восторги пылкие рождает,
Когда моя младая кровь
Кипит, волнуется, играет.

Приди ко мне; вдвойне с тобой
Хочу я, жизнью наслаждаться,
Хочу к твоей груди молодой
Со всею страстию прижаться...

[Кольцов А. В.: Стихотворения (1829). , S. 19272 (vgl. Кольцов: Сочинения, S. 43-44)]

ПРОБУЖДЕНИЕ

Благодатное забвенье
Отлетело с томных вежд;
И в груди моей мученье
Всех разрушенных надежд.

Что несешь мне, день грядущий?
Отцвели мои цветы;
Слышу голос, вас зовущий,
Вас, души моей мечты!

И взвились они толпою
И уносят за собой
Юных дней моих с весною
Жизнь и радость и покой.

Но не ты ль, Любовь святая,
Мне хранителем дана!
Так лети ж, мечта золотая,
Увядай, моя весна!

<1820>

[Кюхельбекер В. К.: Пробуждение. , S. 20580 (vgl. Кюхельбекер: Избранные произведения, S. 0)]

Улыбку я твою видал,
Она мне сердце восхищала,
И ей, так думал я сначала,
Подобной нет - но я не знал,
Что очи, полные слезами,
Равны красою с небесами.

[Лермонтов М. Ю.: Стихотворения (1831). , S. 21154 (vgl. Лермонтов: Соч. в 2-х томах. Т.1, S. 0)]

И отучить не мог меня обман;
Пустое сердце ныло без страстей,
И в глубине моих сердечных ран
Жила любовь, богиня юных дней;
Так в трещине развалин иногда
Береза вырастает молода
И зелена, и взоры веселит,
И украшает сумрачный гранит.

[Лермонтов М. Ю.: Стихотворения (1831). , S. 21095 (vgl. Лермонтов: Соч. в 2-х томах. Т.1, S. 0)]

ОТЧЕГО

Мне грустно, потому что я тебя люблю,
И знаю: молодость цветущую твою
Не пощадит молвы коварное гоненье.
За каждый светлый день иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбе.
Мне грустно... потому что весело тебе.

[Лермонтов М. Ю.: Стихотворения (1840). , S. 21352 (vgl. Лермонтов: Соч. в 2-х томах. Т.1, S. 0)]

Итак, прощай! впервые этот звук
Тревожит так жестоко грудь мою.
Прощай! - шесть букв приносят столько мук!
Уносят всё, что я теперь люблю!
Я встречу взор ее прекрасных глаз,
И может быть, как знать... в последний раз!

[Лермонтов М. Ю.: Стихотворения (1830). , S. 21012 (vgl. Лермонтов: Соч. в 2-х томах. Т.1, S. 0)]

Глядися чаще в зеркала,
Любуйся милыми очами,
И света шумная хвала
С моими скромными стихами
Тебе покажутся ясней...
Когда же вздох самодовольный
Из груди вырвется невольной,
Когда в молодой душе своей
Самолюбивые волнения
Не будешь в силах утаить:
Мою любовь, мои мученья
Ты оправдаешь, может быть!..

[Лермонтов М. Ю.: Стихотворения (1829). , S. 20894 (vgl. Лермонтов: Соч. в 2-х томах. Т.1, S. 0)]

ВЕЧЕР

Когда садится алый день
За синий край земли,
Когда туман встает, и тень
Скрывает всё вдали,
Тогда я мыслю в тишине
Про вечность и любовь,
И чей-то голос шепчет мне:
Не будешь счастлив вновь.
И я гляжу на небеса
С покорною душой,
Они свершали чудеса,
Но не для нас с тобой,
Не для ничтожного глупца,
Которому твой взгляд
Дороже будет до конца
Небесных всех наград.

[Лермонтов М. Ю.: Стихотворения (1830-1831). , S. 21074 (vgl. Лермонтов: Соч. в 2-х томах. Т.1, S. 0)]

Зачем ты дал нам две души, Господь?
Друг друга ненавидя и страдая,
Напрасно в людях спорят дух и плоть,
Любовь небесная, любовь земная:
Одна другой не может побороть.
С Владыкой Тьмы враждует Ангел рая:
Кому из них я первенство отдам,
Кто победит меня, - не знаю сам.

[Мережковский Д. С.: Старинные октавы. , S. 25683 (vgl. Мережковский:
Собр. соч. Т.4, S. 649)]

МОЛЧАНИЕ

Как часто выразить любовь мою хочу,
Но ничего сказать я не умею,
Я только радуюсь, страдаю и молчу:
Как будто стыдно мне - я говорить не смею.

И в близости ко мне живой души твоей
Так все таинственно, так все необычайно, -
Что слишком страшною божественною тайной
Мне кажется любовь, чтоб говорить о ней.

В нас чувства лучшие стыдливы и безмолвны,
И все священное объемлет тишина:
Пока шумят вверху сверкающие волны,
Безмолвствует морская глубина.

[Мережковский Д. С.: Молчание. , S. 25428 (vgl. Мережковский: Собр. соч.
Т.1, S. 525)]

ЛЮБОВЬ - ВРАЖДА

Мы любим и любви не ценим,
И жаждем оба новизны,
Но мы друг другу не изменим,
Мгновенной прихотью полны.

Порой, стремясь к свободе прежней,

Мы думаем, что цепь порвем,
Но каждый раз все безнадежней
Мы наше рабство сознаем.

И не хотим конца предвидеть,
И не умеем вместе жить, -
Ни всей душой возненавидеть,
Ни беспредельно полюбить.

О, эти вечные упреки!
О, эта хитрая вражда!
Тоскуя - оба одиноки,
Враждуя - близки навсегда.

В борьбе с тобой изнемогая
И все ж мучительно любя,
Я только чувствую, родная,
Что жизни нет, где нет тебя.

С каким коварством и обманом
Всю жизнь друг с другом спор ведем,
И каждый хочет быть тираном,
Никто не хочет быть рабом.

Меж тем, забыться не давая,
Она растет всегда, везде,
Как смерть, могучая, слепая
Любовь, подобная вражде.

Когда другой сойдет в могилу.
Тогда поймет один из нас
Любви безжалостную силу -
В тот страшный час, последний час!

[Мережковский Д. С.: Любовь - вражда. , S. 25432 (vgl. Мережковский: Собр. соч. Т.1, S. 527)]

ДОН КИХОТ

Шлем - надтреснутое блюдо,
Щит - картонный, панцирь жалкий...
В стременах висят, качаясь,

Ноги тощие, как палки.

Для него хромая кляча -
Конь могучий Росинанта,
Эти мельничные крылья -
Руки мощного гиганта.

Видит он в таверне грязной
Роскошь царского чертога.
Слышит в дудке свинопаса
Звук серебряного рога.

Санхо Панца едет рядом;
Гордый вид его серьезен:
Как прилично копыеносцу,
Он величествен и грозен.

В красной юбке, в пятнах дегтя,
Там, над кучами навоза, -
Эта царственная дама -
Дульцинея де Тобозо...

Страстно, с юношеским жаром,
Он толпе крестьян голодных,
Вместо хлеба, рассыпает
Перлы мыслей благородных:

"Люди добрые, ликуйте, -
Наступает праздник вечный:
Мир не солнцем озарится,
А любовью бесконечной..."

Будут все равны; друг друга
Перестанут ненавидеть;
Ни алькады, ни бароны
Не посмеют вас обидеть.

Пойте, братья, гимн победный!
Этот меч несет свободу,
Справедливость и возмездье
Угнетенному народу!"

Из приходской школы дети
Выбегают, бросив книжки,

И хохочут, и кидают
Грязью в рыцаря мальчишки.

Аплодируя, как зритель,
Жирный лавочник смеется;
На крыльце своем трактирщик
Весь от хохота трясется.

И почтенный патер смотрит,
Изумлением объятый,
И громит безумье века
Он латинскую цитатой.

Из окна глядит цирюльник,
Он прервал свою работу,
И с восторгом машет бритвой,
И кричит он Дон Кихоту:

"Благороднейший из смертных,
Я желаю вам успеха!.."
И не в силах кончить слова,
Задыхается от смеха.

Он не чувствует, не видит
Ни насмешек, ни презренья:
Кроткий лик его - так светел,
Очи - полны вдохновенья.

Он смешон; но столько детской
Доброты в улыбке нежной,
И в лице худом и бледном
Столько веры безмятежной.

И любовь, и вера святы,
Этой верою согреты
Все великие безумцы,
Все пророки и поэты.

[Мережковский Д. С.: Легенды и поэмы. , S. 25530 (vgl. Мережковский:
Собр. соч. Т.1, S. 569)]

ЛЮБОВЬ И МЕЧ

От Меча Любовь бежала
Целый ряд веков тяжелых,
Но везде его встречала -
В городах и в дальних селах.

И Любовь взмолилась Богу:
"Боже праведный, великий!
Укажи в тот край дорогу,
Где не избран Меч владыкой".

Бог ей молвил: "под луною
Не найти такого края,
Но, желаешь, пред тобою
Растворю обитель рая".

И Любовь с землей простилась
И на небо улетела.
Вот земля из глаз сокрылась.
Даль разверзлась без предела.

Вот напевы неземные
Долетают издалека.
Вот и кущи золотые
Показались с востока.

Вход, как огненное море,
И у входа дух нетленный.
А в руке его - о горе! -
Меч, все тот же Меч надменный!

И Любовь, на Меч взирая,
Кротким сердцем ужаснулась,
Не вступила в сени рая,
И на землю не вернулась.

Но помчалась по эфиру,
По неведомой пустыне,
Где летит от мира к миру,
Бесприютная доньне.

[Минский Н. М.: В сумерки. , S. 25815 (vgl. Минский: Стихотворения, S. 9)]

О, любовь, ты светла и крылата, -
но я в блеске твоём не забыл,
что в пруду неизвестном когда-то
я простым головастиком был.

Я на первой странице творенья
только маленькой был запятой, -
но уже я любил отраженья
в полнолуние и день золотой.

И, дивясь темно-синим стрекозкам,
я играл, и нырял, и всплывал,
отливал гуттаперчевым лоском
и мерцающий хвостик свивал.

В том пруду изумрудно-узорном,
где змеились лучи в темноте,
где кружился я живчиком черным, -
ты сияла на плоском листе.

О, любовь. Я за тайной твоею
возвращаюсь по лестнице лет...
В добрый час водяную лилею
полюбил головастик-поэт.

[Набоков В. В.: Гроздь. , S. 26184 (vgl. Набоков: Стихотворения и поэмы, S. 191)]

Мы были молоды - и я, и мысль моя...
Она являлась мне бестрепетною жрицей
Желанной истины, - и шел за нею я,
Как верный паж идет за гордою царицей,
"Вперед! - шептали мне порой ее уста. -
Не бойся тяжких мук, не бойся отрицанья!
Знай: лишь тогда любовь могуча и чиста,
Когда она прошла через огонь страданья!.."
И всюду были мы... мы посетили с ней
Дворцы и торжища, вертепы и темницы,
Дышали свежестью синеющих полей
И чадом каменной столицы;
Сливаясь в городах с ликующей толпой,

Мы видели пиров и роскоши картины,
И в избах слушали осенней бури вой
И треск полуночной лучины...

[Надсон С. Я.: Мы были молоды - и я, и мысль моя.... , S. 26795 (vgl. Надсон:
Избранное, S. 157)]

Я жалок был в отчаянье суровом...

Всему конец! Своим единым словом
Душе моей ты возвратила вновь
И прежний мир, и прежнюю любовь;
И сердце шлет тебе благословенья,
Как вестнице нежданного спасенья...

[Некрасов Н. А.: Стихотворения (1850). , S. 27402 (vgl. Некрасов:
Стихотворения, S. 39)]

Бьется сердце беспокойное,
Отуманились глаза.
Дуновенье страсти знойное
Налетело, как гроза.

Вспоминаю очи ясные
Дальней странницы моей,
Повторяю стансы страстные,
Что сложил когда-то ей.

Я зову ее, желанную:
"Улетим с тобою вновь
В ту страну обетованную,
Где венчала нас любовь!"

Розы там цветут душистее,
Там лазурней небеса,
Соловьи там голосистее,
Густолиственной леса..."

[Некрасов Н. А.: Стихотворения (1874). , S. 27730 (vgl. Некрасов:
Стихотворения, S. 212)]

Зачем же тайному сомнению
Ты ежечасно предана?
Толпы бессмысленному мненью
Ужель и ты покорена?

Не верь толпе - пустой и лживой,
Забудь сомнения свои,
В душе болезненно-пугливой
Гнетущей мысли не таи!

Грустя напрасно и бесплодно,
Не пригревай змеи в груди
И в дом мой смело и свободно
Хозяйкой полною войди!

[Некрасов Н. А.: Стихотворения (1845). , S. 27371 (vgl. Некрасов:
Стихотворения, S. 24-25)]

День и ночь с тобой жду встречи,
Встречусь - голову теряю;
Речь веду, но эти речи
Всею душой я проклинаяю.

Рвется чувство на свободу,
На любовь хочу ответа, -
Говорю я про погоду,
Говорю, как ты одета.

Не сердись, не слушай боле:
Этой лжи я сам не верю.
Я не рад своей неволе,
Я не рад, что лицемерю.

Такова моя отрада,
Так свой век я коротаю:
Тяжело ль - молчать мне надо,
Полюблю ль - любовь скрываю.

Май или июнь (?) 1856

[Никитин И. С.: День и ночь с тобой жду встречи.... , S. 28562 (vgl. Никитин: Сочинения, S. 166)]

Чуть сошлись мы - друг друга узнали.
Ваши речи мне в душу запали,
Но, увы! не услышать мне их,
Не услышать мне звуков родных.

Не помочь, видно, горю словами!
На мгновение я встретился с вами,
Расстаюсь навсегда, навсегда:
Унесетесь вы бог весть куда!

Вот как жизнь иногда бестолкова!
Вот как доля глупа и сурова!
Уж как ляжет она на плечах -
Белый свет помутится в глазах!

Май (?) 1856

[Никитин И. С.: Чуть сошлись мы – друг друга узнали.... , S. 28561 (vgl. Никитин: Сочинения, S. 165-166)]

Как мне легко, как счастлив я в тот миг,
Когда, мой друг, речам твоим внимаю
И кроткую любовь в очах твоих,
Задумчивый, внимательно читаю!
Тогда молчит тоска в моей груди.
И нет в уме холодной укоризны.
Не правда ли, мгновения любви
Есть лучшие мгновенья нашей жизни!
Зато, когда один я остаюсь
И о судьбе грядущей размышляю,
Как глубоко я грусти предаюсь,
Как много слез безмолвно проливаю!

1850

[Никитин И. С.: Как мне легко, как счастлив я в тот миг.... , S. 28323 (vgl. Никитин: Сочинения, S. 32)]

NOTTURNO

Ночь тиха... Едва колышет
Ветер темные листья.
Грудь моя томленьем дышит,
И тоской полны мечты...

Звуки дивные несутся,
Слышу я, в тиши ночной:
То замрут, то вновь польются
Гармонической волной.

Вот вдали между кустами
Свет в окне ее мелькнул...
Как бы жаркими устами
Я к устам ее прильнул!

Ночь бы целую в забвенье
Всё лобзал ее, лобзал...
И слезами: упоенья
Грудь младую б обливал...

Но один я... Грустно, скучно!
Огонек в окне погас...

[Плещеев А. Н.: Notturmo (Ночь тиха... Едва колышет...), S. 29260 (vgl. Плещеев: Стихотворения, S. 24)]

ЛЮБОВЬ ПЕВЦА

На грудь ко мне челом прекрасным,
Молю, склонись, друг верный мой!
Мы хоть на миг в лобзанье страстном
Найдем забвенье и покой!
А там дай руку - и с тобою
Мы гордо крест наш понесем
И к небесам в борьбе с судьбою
Мольбы о счастье не пошлем...
Блажен, кто жизнь в борьбе кровавой,
В заботах тяжких истошил),-
Как раб ленивый и лукавый,
Талант свой в землю не зарыл!

Страдать за всех, страдать безмерно,
Лишь в муках счастье находить,
Жрецов Ваала лицемерных
Глаголом истины разить,
Провозглашать любви ученье
Повсюду - нищим, богачам -
Удел поэта... Я волнений
За блага мира не отдам.
А ты! В груди твоей мученья
Таятся также, знаю я,
И ждет не чаша наслажденья,-
Фиал отравленный тебя!

Для страсти знойной и глубокой
Ты рождена - и с давних пор
Толпы бессмысленной, жестокой
Тебе не страшен приговор.
И с давних пор, без сожаленья
О глупом счастье дней былых,
Страдаешь ты, одним прощеньем
Платя врагам за злобу их!

О, дай же руку - и с тобою
Мы гордо крест наш понесем,
И к небесам в борьбе с судьбою
Мольбы о счастье не пошлем!..

1845

[Плещеев А. Н.: Любовь певца. , S. 29286 (vgl. Плещеев: Стихотворения, S. 39-40)]

ЧЕЛНОК

(П<етру> В<ладимировичу> В<еревкин>у)

Leg'an mein Herz dein Kцpfchen,
Und fцrchte dich nicht zu sehr...3

H. Heine

Сядем в челнок мы, малютка,
Сядем и вдаль поплывем;

Видишь, высокие скалы...
Ночь мы всю там проведем...

Там, от народа подальше,
Можем свободно вздохнуть;
Тихо кудрявой головкой
Ты мне приникнешь на грудь...

Стану я ей любоваться,
Глазки твои целовать...
Так ли? А месяц и звезды
Будут над нами сиять!

<1844>

[Плещеев А. Н.: Челнок. , S. 29256 (vgl. Плещеев: Стихотворения, S. 20)]

Тебе обязан я спасеньем
Души, измученной борьбой,
Твоя любовь - мне утешеньем,
Твои слова - закон святой!
Ты безотрадную темницу
Преобразила в рай земной,
Меня ты к жизни пробудила
И возвратила мне покой.
Теперь я снова оживился,
Гляжу вперед теперь смелей,
Мне в жизни новый путь открылся,
Идти по нем спешу скорей!

<1879>

[Плещеев А. Н.: Тебе обязан я спасеньем.... , S. 29623 (vgl. Плещеев:
Стихотворения, S. 272)]

ПРОСТИ

Прости, прости, настало время!
Расстаться должно нам с тобой;
Белеет парус мой, и звезды
Зажглися в тверди голубой.

О, дай усталой головою
Еще на грудь твою прилечь,
В последний раз облить слезами
И шелк волос, и мрамор плеч!

А там расстанемся надолго...
Когда же мы сойдемся вновь,
Дитя! в сердцах, быть может, холод
Заменит прежнюю любовь!

Быть может, дерзко всё былое
Тогда мы вместе осмеем,
Хотя украдкой друг от друга
Слезу невольную прольем...

Прости же, друг! Полна печали
Душа моя... Но час настал.
И в путь нетерпеливым плеском
Зовет меня сребристый вал...

<1846>

[Плещеев А. Н.: Прости. , S. 29303 (vgl. Плещеев: Стихотворения, S. 51)]

Тобой лишь ясны дни мои,
Ты их любовью озарила,
И духа дремлющая сила
На зов откликнулась любви!

О, если б я от дней тревог
Переходя к надежде новой,
Страницу мрачного былого
Из книги жизни вырвать мог!

О, если б мог я заглушить
Укор, что часто шепчет совесть!
Но нет! бесплодной жизни повесть
Слезами горькими не смыть.

Молю того, кто весь любовь,
Он примет скорбное моление
И, ниспослав мне искупление,
К добру меня направит вновь -

Чтобы душа моя была
Твоей души достойна ясной,
Чтоб сердца преданности страстной
Ты постыдиться не могла!

Октябрь 1857

[Плещеев А. Н.: Тобой лишь ясны дни мои.... , S. 29361 (vgl. Плещеев:
Стихотворения, S. 92)]

ПОСЛЕДНИЙ ВЗДОХ

"Поцелуй меня...
Моя грудь в огне...
Я еще люблю...
Наклонись ко мне".
Так в прощальный час
Лепетал и гас
Тихий голос твой,
Словно тающий
В глубине души
Догорающей.
Я дышать не смел -
Я в лицо твое,
Как мертвец, глядел -
Я склонил мой слух...
Но, увы! мой друг,
Твой последний вздох
Мне любви твоей
Досказать не мог.
И не знаю я,
Чем развяжется
Эта жизнь моя!
Где доскажется
Мне любовь твоя!

<1864>

[Полонский Я. П.: Стихотворения (1860-е годы). , S. 30469 (vgl. Полонский:
Лирика; Проза, S. 146)]

ИЗ БУРДИЛЬЁНА

"The night has a thousand eyes"³⁹

Ночь смотрит тысячами глаз,
А день глядит одним;
Но солнца нет - и по земле
Тьма стелется, как дым.
Ум смотрит тысячами глаз,
Любовь глядит одним;
Но нет любви - и гаснет жизнь,
И дни плывут, как дым.

<1874>

[Полонский Я. П.: Стихотворения (1870-е годы). , S. 30529 (vgl. Полонский: Лирика; Проза, S. 173-174)]

НАСЛАЖДЕНЬЕ

В неволе скучной увядает
Едва развитый жизни цвет,
Украдкой младость отлетает,
И след ее - печали след.
С минут бесчувственных рожденья
До нежных юношества лет
Я всё не знаю наслажденья,
И счастья в томном сердце нет.

С порога жизни в отдаленье
Нетерпеливо я смотрел:
"Там, там, - мечтал я, - наслажденье!"
Но я за призраком летел.
Златые крылья развивая,
Волшебной нежной красотой
Любовь явилась молодая
И полетела предо мной.

Я вслед.... но цели отдаленной,
Но цели милой не достиг!....
Когда ж весельем окрыленный
Настанет счастья быстрый миг?
Когда в сияньи возгорится

Светильник тусклый юных дней
И мрачный путь мой озарится
Улыбкой спутницы моей?

[Пушкин А. С.: Стихотворения (1816). , S. 31488 (vgl. Пушкин: Избр. соч. т.1, S. 0)]

ЛИЛЕ

Лиля, Лиля! я страдаю
Безотрадную тоской,
Я томлюсь, я умираю,
Гасну пламенной душой;
Но любовь моя напрасна:
Ты смеешься надо мной.
Смейся, Лиля: ты прекрасна
И бесчувственной красой.

[Пушкин А. С.: Стихотворения (1817 – апрель 1820). , S. 31688 (vgl. Пушкин: Избр. соч. т.1, S. 0)]

МАДРИГАЛ М...ОЙ

О вы, которые любовью не горели,
Взгляните на нее - узнаете любовь.
О вы, которые уж сердцем охладели,
Взгляните на нее: полюбите вы вновь.

[Пушкин А. С.: Стихотворения (1817 – апрель 1820). , S. 31690 (vgl. Пушкин: Избр. соч. т.1, S. 0)]

К***

<КЕРН>

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,

Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный,
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты.
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

[Пушкин А. С.: Стихотворения (1825). , S. 32005 (vgl. Пушкин: Избр. соч. т.1, S. 0)]

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

[Пушкин А. С.: Стихотворения (1829). , S. 32245 (vgl. Пушкин: Избр. соч. т.1, S. 0)]

ПРОЩАНИЕ

В последний раз твой образ милый
Дерзаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой
И с негой робкой и унылой
Твою любовь воспоминать.

Бегут меняясь наши лета,
Меня всё, меняя нас,
Уж ты для своего поэта
Могильным сумраком одета,
И для тебя твой друг угас.

Прими же, дальная подруга,
Прощанье сердца моего,
Как овдовевшая супруга,
Как друг, обнявший молча друга
Пред заточением его.

[Пушкин А. С.: Стихотворения (1830). , S. 32293 (vgl. Пушкин: Избр. соч. т.1, S. 0)]

Моя подруга мне мила;
Моей счастливой перемены
Она виновницей была;
Она мне жизнь, она мне радость!
Она мне возвратила вновь
Мою утраченную младость,
И мир, и чистую любовь.

[Пушкин А. С.: Руслан и Людмила. , S. 33049 (vgl. Пушкин: Избр. соч. т.1, S. 486-487)]

Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,

И сердце вновь горит и любит - оттого,
Что не любить оно не может.

[Пушкин А. С.: Стихотворения (1829). , S. 32212 (vgl. Пушкин: Избр. соч. т.1, S. 0)]

Кривой, бродящей повиликой
Завешен был тенистый вход.
Медор с прелестной Анжеликой
Любили здесь у свежих вод
В день жаркой, в тихой час досуга
Дышать в объятиях друг друга,
И здесь их имена кругом
Древа и камни сохраняли;
Их мелом, углем иль ножом
Везде счастливыцы написали.

[Пушкин А. С.: Стихотворения (1826). , S. 32058 (vgl. Пушкин: Избр. соч. т.1, S. 0)]

ТЫ И ВЫ

Пустое вы сердечным ты
Она обмолвись заменила,
И все счастливые мечты
В душе влюбленной возбудила.
Пред ней задумчиво стою,
Свести очей с нее нет силы;
И говорю ей: как вы милы!
И мыслю: как тебя люблю!

[Пушкин А. С.: Стихотворения (1828). , S. 32150 (vgl. Пушкин: Избр. соч. т.1, S. 0)]

ПО РЫЦАРСКОЙ ТРОПИНКЕ

...

А я в окно смотрю, трепещущий

И упоенье предвкушающий,
На стан ее, в закате блещущий,
Прикосновений ожидающий.

И вот уж входит бессловесная,
Самоуверенно-смущенная,
Желанная, всегда прелестная
И, может быть, слегка влюбленная...

[Северянин И. В.: Стихи разных лет. , S. 34039 (vgl. Северянин:
Стихотворения и поэмы, S. 260)]

ОТРЫВОК

Зачем тебе любовь и ласки,
Коль свой огонь в груди горит
И целый мир волшебной сказки
С душой так внятно говорит;
Когда в синеющем тумане
Житейский путь перед тобой,
А цель достигнута заранее,
Победа предваряет бой;
Когда серебряные нити
Идут из сердца в область грез...
О, боги вечные! возьмите
Мой горький опыт и верните
Мне силу первых вешних гроз!..

<1878>

[Соловьев В. С.: Отрывок. , S. 35250 (vgl. Соловьев: "Неподвижно лишь
солнце любви..." Стихотворения., S. 28)]

Я был велик. Толпа земная
Кишела где-то там в пыли,
Один я наверху стоял,
Был с Богом неба и земли.

И где же горные вершины?
Где лучезарный свет и гром?
Лежу я здесь, на дне долины,

В томленье скорбном и немом.

О, как любовь всё изменила.
Я жду, во прахе недвижим,
Чтоб чья-то ножка раздавила
Меня с величием моим.

Между 31 января
и 3 февраля 1892

[Соловьев В. С.: Я был велик. Толпа земная.... , S. 35330 (vgl. Соловьев:
"Неподвижно лишь солнце любви..." Стихотворения., S. 66)]

ИРИНА

Помнишь ты, Ирина, осень
В дальнем, бедном городке?
Было пасмурно, как будто
Небо хмурилось в тоске.

Дождик мелкий и упорный
Словно сетью заволок
Весь в грязи, в глубоких лужах
Потонувший городок,

И тяжелым коромыслом
Надавив себе плечо,
Ты с реки тащила воду,
Щеки рдели горячо...

Был наш дом угрюм и тесен,
Крыша старая текла,
Пол качался под ногами,
Из разбитого стекла

Веял холод;гнулось набок
Полусгнившее крыльцо...
Хоть бы раз слова упрека
Ты мне бросила в лицо!

Хоть бы раз в слезах обильных
Излила невольно ты
Накопившуюся горечь

Беспощадной нищеты!

Я бы вытерпел упреки
И смолчал бы пред тобой,
Я, безумец горделивый,
Не поладивший с судьбой,

Так настойчиво хранивший
Обманувшие мечты
И тебя с собой увлекший
Для страданий нищеты

Опускался вечер темный
Нас измучившего дня, -
Ты мне кротко улыбалась,
Утешала ты меня.

Говорила ты: "Что бедность!
Лишь была б душа сильна,
Лишь была бы жаждой счастья
Воля жить сохранена".

И опять, силен тобою,
Смело я глядел вперед,
В тьму зловещих испытаний,
Угрожающих невзгод.

И теперь над нами ясно
Вечереют небеса.
Это ты, моя Ирина,
Сотворила чудеса.

1-22 октября 1892

[Сологуб Ф.: Ирина. , S. 35797 (vgl. Сологуб: Стихотворения, S. 107)]

АРИАДНА

Где ты, моя Ариадна?
Где твой волшебный клубок?
Я в Лабиринте блуждаю,
Я без тебя изнемог.

Светоч мой гаснет, слабея,
Полон тревоги стою
И призываю на помощь
Мудрость и силу твою.

Много дорог здесь, но света
Нет, и не видно пути.
Страшно и трудно в пустыне
Мраку навстречу идти.

Жертв преждевременных тени
Передо мною стоят.
Страшно зияют их раны,
Мрачно их очи горят.

Голос чудовища слышен
И заглушает их стон.
Мрака, безумного мрака
Требуется радостно он.

Где ж ты, моя Ариадна?
Где путеводная нить?
Только она мне поможет
Дверь Лабиринта открыть.

7 ноября 1883

[Сологуб Ф.: Ариадна. , S. 35738 (vgl. Сологуб: Стихотворения, S. 81)]

Под звучными волнами
Полночной темноты
Далекими огнями
Колеблются мечты.
Мне снится, будто снова
Цветет любовь моя,
И счастья земного,
Как прежде, жажду я,
Но песней не бужу я
Красавицу мою,
И жажду поцелуя
Томительно таю.

Обвеянный прохладой

В немом ее саду
За низкою оградой
Тихохонько иду.
Глухих ищю тропинок,
Где травы проросли, -
Чтоб жалобы песчинок
До милой не дошли.
Движенья замедляю
И песни не пою,
Но сердцем призываю
Желанную мою.

И, сердцем сердце чуя,
Она выходит в сад.
Глаза ее, тоскуя,
Во тьму мою глядят.
В ночи ее бессонной
Внезапные мечты,
В косе незаплетенной
Запутались цветы.
Мне снится: перед нею
Безмолвно я стою,
Обнять ее не смею,
Таю любовь мою.

23 августа 1897

[Сологуб Ф.: Под звучными волнами.... , S. 35979 (vgl. Сологуб:
Стихотворения, S. 191-192)]

Томленья злого
На сердце тень, -
Восходит снова
Постылый день,
Моя лампада
Погасла вновь,
И где отрада?
И где любовь?

Рабом недужным
Пойду опять
В труде ненужном
Изнемогать.

Ожесточенье
Проснется вновь,
И где терпенье?
И где любовь?

16 сентября 1898

[Сологуб Ф.: Томленья злого.... , S. 36032 (vgl. Сологуб: Стихотворения, S. 215)]

Твоя любовь - тот круг магический,
Который нас от жизни отделил.
Живу не прежней механической
Привычкой жить, избытком юных сил.

Осталось мне безмерно малое,
Но каждый атом здесь объят огнем.
Неистошимо неусталое
Пыланье дивное - мы вместе в нем.

Пойми предел, и устремление,
И мощь вихреобразного огня,
И ты поймешь, как утомление
Безмерно сильным делает меня.

11 июля 1920

[Сологуб Ф.: Твоя любовь – тот круг магический.... , S. 36505 (vgl. Сологуб: Стихотворения, S. 425)]

Не иссякли творческие силы,
И любовь моя сильнее страданья.
Златокрылые, как прежде милы
Птички легкие, мои мечтанья.

Щебетаньем звучным, вещим бредом
Ворожит мне Мойра-Афродита.
Слезных рос на розах сон мне ведом.
Пламенеет верная защита,

И она верней и слаще яда.
Запылай, кружися, лихорадка!

Пламенами полыхай, ограда,
Где любовь моя почиет сладко!

Драгоценную несую ей ношу.
Всесожженье тучное готово.
Я в костер любви безмерной брошу
Налитое соком жизни Слово.

21 декабря 1921

[Сологуб Ф.: Не иссякли творческие силы.... , S. 36560 (vgl. Сологуб:
Стихотворения, S. 451)]

ПЕСНЯ

Ты сердце полонила,
Надежду подала
И то переменила,
Надежду отняла.
Лишаяся приязни,
Я всё тобой гублю.
Достоин ли я казни,
Что я тебя люблю?

Я рвусь, изнемогая;
Взгляни на скорбь мою,
Взгляни, моя драгая,
На слезы, кои лью!
Дня светла ненавижу,
С тоскою спать ложусь,
Во сне тебя увижу -
Вскричу и пробужусь.

Терплю болезни люты,
Любовь мою храня;
Сладчайшие минуты
Сокрылись от меня.
Не буду больше числить
Я радостей себе,
Хотя и буду мыслить
Я вечно о тебе.

<1760>

[Сумароков А. П.: Песня. , S. 36684 (vgl. Сумароков: Избр., S. 268)]

Я люблю тебя, царевна,
Я хочу тебя добыть,
Вольной волей иль неволей
Ты должна меня любить".

...

[Толстой А. К.: Алеша Попович. , S. 37213 (vgl. Толстой А. К.: Сочинения в 2-х т. Т.1, S. 216)]

Ах, во всем ты - вне сравненья,
Черт подобных больше нет.
И умна на удивленье,
И прельщаешь целый свет.
По судьбе неотразимой,
Лишь она владеет мной,
Ей лишь быть моей любимой,
Лишь она - владыка мой.

Ах, предмет моих желаний,
К жару сердца низойди,
Лишь к тебе моих страданий
Стон несется из груди.
По судьбе неотразимой
Только ты владеешь мной.
Быть тебе моей любимой,
Только ты - владыка мой.

[Третьяковский В. К.: Из "Аргениды". , S. 37941 (vgl. Третьяковский:
Избранные произведения, S. 158)]

Все вокруг и пестро так и шумно,
Но напрасно толпа весела:
Без тебя я тоскую безумно,
Ты улыбку мою унесла.

Только изредка, поздней порою,
После скучного, тяжкого дня,

Нежный лик твой встает предо мною,
И ему улыбаюсь я.

[Фет А. А.: Мелодии. , S. 38473 (vgl. Фет: Стихотворения, S. 97)]

Мы с тобой не просим чуда:
Только истинное чудно;
Нет для духа больше худа,
Как увлечься безрассудно.

Нынче, завтра - круг волшебный
Будет нем и будет тесен;
Оглянись - и мир вседневный
Многоцветен и чудесен.

Время жизни скоротечно,
Но в одном пределе круга
Наши очи могут вечно
Пересказывать друг друга.

[Фет А. А.: Стихотворения, не включенные в основное собрание. , S. 38800
(vgl. Фет: Стихотворения, S. 271)]

Мы любим, кажется, друг друга,
Но отчего же иногда
От нежных слов, как от недуга,
Бежим, исполнены стыда?

Зачем, привыкшие к злословью,
Друг друга любим мы терзать?
Ужель, кипя одной любовью,
Должны два сердца враждовать?

[Фофанов К. М.: Мы любим, кажется, друг друга.... , S. 38987 (vgl. Фофанов:
Избранное, S. 301)]

ПЕСНЬ

Какою ту назвать минуту,
Тебя увидев в первый раз!
Почувствовавши скорбь прелюту
И муку смертну всякий час.

И буду чувствовати вечно,
Пока не вынет смерть мой дух.
Страданье будет бесконечно,
Пока не преидет зрак и слух.

Внемли, внемли мой стон и сжался,
Предмет дражайший, надо мной!
Когда тебе уж я признался,
Что взор твой рушил мой покой.

Вынь сердце, зри, как то страдает
И как горит любовью кровь.
Весь дух мой в скорби унывает,
И смерть вещает мне любовь.

О, ежели мое стенанье
Проникнуть может в грудь твою,
Так прекрати мое страданье,
Скажи: "И я тебя люблю".

Иль дай мне смерть, не вображая,
Что ты тем можешь согрешить.
Коль я не мил тебе, драгая,
Могу ль я больше в свете жить?

[Хемницер И. И.: Разные стихотворения. , S. 39681 (vgl. Хемницер: Полное собрание стихотворений, S. 200)]

Описать ее фигуру -
Надо б красок сорок ведер...
Даже чайки изумились
Форме рук ее и бедер...
Человеку же казалось,
Будто пьяный фавн украдкой
Водит медленно по сердцу
Теплой, бархатной перчаткой.

...

[Черный С.: Стихотворения, написанные в эмиграции и не вошедшие в прижизненные издания (1920-1932). , S. 45538 (vgl. Саша Черный: Избранное, S. 572)]

ВСТРЕЧА

И звезды сказали им "Да!",
и люди сказали им "Нет!",
и был навсегда, навсегда
меж ними положен запрет.

И долго томились они.
и лгали всю жизнь до конца,
и мертвые ночи и дни
давили уста и сердца.

И Смерть им открыла Врата,
и, плача, они обнялись.
и, вспыхнув, сердца и уста
единой звездой зажглись.

[Эллис: Арго. , S. 46275 (vgl. Эллис: Стихотворения, S. 0)]

К***

Живые, нежные приветы,
Великолепные мечты
Приносят юноши-поэты
Вам, совершенство красоты!
Их песни звучны и прекрасны,
Сердца их пылки, - но увы!
Ни вдохновенья сладострастны,
Ни бред влюбленной головы
Не милы вам! Иного мира
Жизнь и поэзию любя,
Вы им доступного кумира
Не сотворили из себя.
Они должны стоять пред вами
Безмолвны, тихи, смущены
И бестелесными мечтами,

Как страхом Божиим, полны!

Между 1829 и 1833

[Языков Н. М.: К*** (Живые, нежные приветы...). , S. 46938 (vgl. Языков: Стихотворения и поэмы, S. 287)]

ЭЛЕГИЯ

Вы не сбылись, надежды милой
Благословенные мечты!
Моя краса, мое светило,
Моя желанная, где ты?
Давно ль очей твоих лазурных
Я любовался тишиной,
И волны дум крутых и бурных
В душе смирились молодой?

Далёко ты, но терпеливо
Моей покорствую судьбе;
Во мне божественное живо
Воспоминанье о тебе.
Так пробужденье сохраняет
Черты пленительного сна,
Так землю блеском осыпает
Небес красавица - луна.

1827

[Языков Н. М.: Элегия (Вы не сбылись, надежды милой...). , S. 46790 (vgl. Языков: Стихотворения и поэмы, S. 216)]

ЭЛЕГИЯ

О деньги, деньги! для чего
Вы не всегда в моем кармане?
Теперь Христово рождество
И веселятся христиане;
А я один, я чужд всего,
Что мне надежды обещали:
Мои мечты - мечты печали,
Мои финансы - ничего!

...

[Языков Н. М.: Элегия (О деньги, деньги! для чего...). , S. 46547 (vgl. Языков: Стихотворения и поэмы, S. 98)]

КАРТИНА

Как ты божественно прекрасна,
О дева, рай моих очей!
Как ты без пламенных речей
Красноречиво сладострастна!
Для наслажденья и любви
Ты создана очарованьем.
Сама любовь своим дыханьем
Зажгла огонь в твоей крови!
Свежее розы благовонной
Уста румяные твои,
Лилейный пух твоей груди
Трепещет негой благосклонной!
И этой ножки белизна,
И эта темная волна
По лоску бархатного тела,
И этот стан зыбучий, смелый,
Соблазн и взора и руки, -
Манят, и мучат, и терзают,
И безотрадно растрavляют
Смертельный яд моей тоски!

[Полежаев А. И.: Картина (Как ты божественно прекрасна...). , S. 29912 (vgl. Полежаев: Стихотворения и поэмы, S. 183)]

[Полежаев А. И.: Картина (Как ты божественно прекрасна...). , S. 29912 (vgl. Полежаев: Стихотворения и поэмы, S. 183)]

В АЛЬБОМ NN

Что мне, скажите написать
В альбом для милой девы?
Напрасный труд! Мои напевы
Едва ль прекрасную пленят;
Притом, что ей сказать, о чем?
Хвалить ее напрасно -
Она, как день, прекрасна,

Как серафим без крыл, мила,-
То что пред нею похвала!

24 июля 1830 г.

[Кольцов А. В.: Стихотворения (1830). , S. 19294 (vgl. Кольцов: Сочинения, S. 55)]

...

Низки каменные своды, воздух сыр,
Как безумен, как чудесен этот мир!

...

[Герцык А. К.: Стихотворения (1918 – 1925). , S. 10082 (vgl. Герцык, S. 0)]

ОНА И ОН

Ему все мило было в ней:
И смех ребяческий, и ласки,
Ее голубенькие глазки
И пряди светлые кудрей.

...

[Плещеев А. Н.: Она и он. , S. 29461 (vgl. Плещеев: Стихотворения, S. 165)]

...

Когда я пускался в житейское море,
Мне выдали шаткий челнок;
За кормщика село - угрюмое горе,
Мой парус вздул бурю рок.

Когда ж совершилась страданиям мера,
Из облак рука мне дала
Тот якорь, на коем написано: "Вера",
И жизнь моя стала светла.

...

[Глинка Ф. Н.: К портрету. , S. 10904 (vgl. Глинка: Сочинения, S. 104)]

...

Она прекрасна! Перед ней
И роза кажется проста,
Она поет, как соловей
В тени лаврового куста.
Она глядит, и суждено
Сердцам дрожать, дрожать и ждать,
Она, как сладкое вино,
Дарует людям благодать.

[Гумилев Н. С.: Альбомные стихи, надписи на книгах, экспромты, отрывки. ,
S. 12454 (vgl. Гумилев: Соч. в 3-х т. Т.1, S. 457)]

Застенчивой весною,
Стыдяся белых ног,
Не ходишь ты со мною
Просторами дорог.

Но только ноги тронет
Едва-едва загар,
Твой легкий стыд утонет
В дыханьи вешних чар.

И в поле ты, босая, -
В платочке голова, -
Пойдешь, цветкам бросая
Веселые слова.

15 августа 1901
[Сологуб Ф.: Прозрачный сок смолистый.... , S. 36123 (vgl. Сологуб:
Стихотворения, S. 256)]

...
Уверен я, известно вам,
Читатель мой, что очень трудно
В столице нашей многолюдной
Себя пристроить беднякам.

...
[Плещеев А. Н.: Она и он. , S. 29465 (vgl. Плещеев: Стихотворения, S. 167)]

ПЕСНЬ

Какою ту назвать минуту,
Тебя увидев в первый раз!
Почувствовавши скорбь прелюту
И муку смертну всякий час.

И буду чувствовати вечно,
Пока не вынет смерть мой дух.
Страданье будет бесконечно,
Пока не преидет зрак и слух.

Внемли, внемли мой стон и сжался,
Предмет дражайший, надо мной!
Когда тебе уж я признался,
Что взор твой рушил мой покой.

Вынь сердце, зри, как то страдает
И как горит любовью кровь.
Весь дух мой в скорби унывает,
И смерть вещает мне любовь.

О, ежели мое стенанье
Проникнуть может в грудь твою,
Так прекрати мое страданье,
Скажи: "И я тебя люблю".

Иль дай мне смерть, не вображая,
Что ты тем можешь согрешить.
Коль я не мил тебе, драгая,
Могу ль я больше в свете жить?

[Хемницер И. И.: Разные стихотворения. , S. 39681 (vgl. Хемницер: Полное собрание стихотворений, S. 200)]

К ЛИЛЕ

С латинского

Скорее челюстью своей
Поднимет солнце муравей;

Скорей вода с огнем смешится;
Кентаврова скорее кровь
В бальзам целебный обратится, -
Чем наша кончится любовь.

...

[Ходасевич В. Ф.: Из последних стихов. , S. 40782 (vgl. Ходасевич:
Стихотворения, S. 179)]

ЛЕНИВАЯ ЛЮБОВЬ

Пчелы льнут к зеленому своду.
На воде зеленые тени.
Я смотрю, не мигая, на воду
Из-за пазухи матери-лени.

Почтальон прошел за решеткой, -
Вялый взрыв дежурного лая.
Сонный дворник, продушенный водкой,
Ваш конверт принес мне, икая.

Ничего не пойму в этом деле...
Жить в одной и той же столице
И писать раза два на неделе
По четыре огромных страницы.

Лень вскрывать ваш конверт непорочный:
Да, я раб, тупой и лукавый, -
Соглашаюсь на все заочно.
К сожаленью, вы вечно правы.

То - нелепо, то - дико, то - узко...
Вам направо? Мне, видно, налево...
Между прочим, зеленая блузка
Вам ужасно к лицу, королева.

Но не стану читать, дорогая!..
Вон плывут по воде ваши строки.
Пусть утопленник встречный, зевая,
Разбирает ваши упреки.

Если ж вам надоест сердиться
(Грех сердиться в такую погоду) -

Приходите вместе лениться
И смотреть, не мигая, на воду.

<1922>

Крестовский остров

[Черный С.: Сатиры и лирика. , S. 45096 (vgl. Саша Черный: Избранное, S. 327-328)]

ЧУЖБИНА

Там, где в блеске горделивом
Меж зеленых берегов
Волга вторит их отзывом
Песни радостных пловцов
И, как Нил-благодетель,
На поля богатство льет, -
Там отцов моих обитель,
Там любовь моя живет!

Я давно простился с вами,
Незабвенные края!
Под чужими небесами
Отцветет весна моя;
Но ни в громком шуме света,
Ни под бурей роковой
Не слетит со струн поэта
Голос родине чужой.

Радость жизни, друг свободы,
Муза любит мой приют.
Здесь, когда берега и воды
Под туманами заснут
И, как щит перед сраженьем.
Светел месяц золотой -
С благотворным вдохновеньем,
Легкокрылою толпой,

Из страны очарованья,
В их эфирной тишине,
Утешители-мечтанья
Ниспускаются ко мне;
Пред очами оживает

Красота минувших дней,
Сладко грудь моя вздыхает,
Сердце бьется, взор ясней!

Это ты, страна родная,
Где весенние цветы
Мне дарила жизнь молодая!
Край прелестный - это ты,
Где видением игривым
Каждый день мой пролетал,
Каждый день меня счастливым
Находил и оставлял!

Вы, холмы, леса, поляны,
Скаты злачных берегов
И старинные курганы -
Память смелых праотцов,
Сохраненные веками
Как свидетели побед,
Непритворными струнами
Вас приветствует поэт!

Ваш певец в чужбине дышит
И один, во цвете дней,
Долго, долго не услышит
Песен волжских рыбаков.
Долго грустный проблуждает
Он по дальним сторонам;
Долго арфа не сыграет
Песни радостным друзьям.

Ты, которая вливаешь
Огонь божественный в сердца
И цветами убираешь
Кудри юного певца,
Радость жизни, друг свободы.
Муза лиры! прилетай
И утраченные годы
Мне в мечтах напоминай!

Муза лиры! ты прекрасна,
Ты мила душе моей;
Мне с тобою не ужасна
Буря света и страстей.

Я горжусь твоим участием;
Ты чаруешь жизнь мою -
И, забытый рано счастьем,
Я утешен: я пою!

Между январем и мартом 1823

[Языков Н. М.: Чужбина. , S. 46473 (vgl. Языков: Стихотворения и поэмы, S. 61)]

ЭЛЕГИЯ

Любовь, любовь! веселым днем
И мне, я помню, ты светила;
Ты мне восторги окрылила,
Ты назвала меня певцом.

Волшебна ты, когда впервые
В груди ликуешь молодой;
Стихи, внушенные тобой,
Звучат и блещут золотые!

...

[Языков Н. М.: Элегия (Любовь, любовь! веселым днем...). , S. 46717 (vgl. Языков: Стихотворения и поэмы, S. 179)]

К МУЗЕ

Мой ангел милый и прекрасный,
Богиня мужественных дум!
Ты занимала сладострастно,
Ты нежила мой юный ум.
Служа тебе, тобою полный,
Не видел я, не слышал я,
Как на пучине бытия
Росли, текли, шумели волны.
Ты мне открыла в тишине
Великий мир уединенья,
Благообразные ко мне
Твои слетали вдохновенья;
Твоей прекрасна красотой,
Твоим величьем величава,

Сама любовь передо мной
Являлась пышная, как слава...
И весело мои мечты,
Тобой водимые, играли;
Тебе стихи мои звучали,
Живые, светлые, как ты.
Так разноцветными огнями
Блестит речная глубина,
Когда, торжественно мирна,
В одежде, убранной звездами,
По поднебесью ночь идет
И смотрится в лазури вод,

Январь 1827

[Языков Н. М.: К музе. , S. 46762 (vgl. Языков: Стихотворения и поэмы, S. 203)]

К***

Живые, нежные приветы,
Великолепные мечты
Приносят юноши-поэты
Вам, совершенство красоты!
Их песни звучны и прекрасны,
Сердца их пылки, - но увы!
Ни вдохновенья сладострастны,
Ни бред влюбленной головы
Не милы вам! Иного мира
Жизнь и поэзию любя,
Вы им доступного кумира
Не сотворили из себя.
Они должны стоять пред вами
Безмолвны, тихи, смущены
И бестелесными мечтами,
Как страхом Божиим, полны!

Между 1829 и 1833

[Языков Н. М.: К*** (Живые, нежные приветы...). , S. 46938 (vgl. Языков: Стихотворения и поэмы, S. 287)]

Здесь место есть... Самоубийц
Тела там зарываются...
На месте том плакун-трава
Одна, как тень, качается...

Я там стоял... Душа моя
Тоскою надрывалась...
Плакун-трава в лучах луны
Таинственно качалась.

<1866>

[Майков А. Н.: Лирика. , S. 22297 (vgl. Майков: Сочинения в 2-х томах. Т. 1, S. 239)]

О, кто, скажи ты мне, кто ты,
Виновница моей мучительной мечты?
Скажи мне, кто же ты? - Мой ангел ли хранитель
Иль злобный гений - разрушитель
Всех радостей моих? - Не знаю, но я твой!
Ты смяла на главе венки мой боевой,
Ты из души моей изгнала жажду славы,
И грезы гордые, и думы величавы.
Я не хочу войны, я разлюбил войну, -
Я в мыслях, я в душе храню тебя одну.
Ты сердцу моему нужна для трепетанья,
Как свет очам моим, как воздух для дыханья,
Ах! чтоб без трепета, без ропота терпеть
Разгневанной судьбы и грозы и волнения,
Мне надо на тебя глядеть, всегда глядеть,
Глядеть без усталости, как на звезду спасенья!
Уходишь ты - и за тобою вслед
Стремится мысль, душа несется,
И стынет кровь, и жизни нет!..
Но только что во мне твой шорох отзовется,
Я жизни чувствую прилив, я вижу свет,
И возвращается душа, и сердце бьется!..

1834

[Давыдов Д. В.: О, кто, скажи ты мне, кто ты.... , S. 12688 (vgl. Давыдов: Поэты пушкинского круга, S. 204-205)]

Душа! Любовь моя! Ты дышишь
Такою чистой высотой,
Ты крылья тонкие колышешь
В такой лазури, что порой,

Вдруг, не стерпя счастливой муки,
Лелея наш святой союз,
Я сам себе целую руки,
Сам на себя не нагляжусь.

И как мне не любить себя,
Сосуд непрочный, некрасивый,
Но драгоценный и счастливый
Тем, что вмещает он - тебя?

1920

[Ходасевич В. Ф.: Тяжелая лира. , S. 40627 (vgl. Ходасевич: Стихотворения,
S. 87)]

ИЗ ЛЕНАУ

Вечер бурный и дождливый
Гаснет... Всё молчит кругом.
Только грустно шепчут ивы,
Наклоняясь над прудом.

Я покинул край счастливый...
Слезы жгучие тоски -
Лейтесь, лейтесь... Плачут ивы,
Ветер клонит тростники.

Ты одна сквозь мрак тоскливый
Светишь, друг, мне иногда,
Как сквозь плачущие ивы
Светит вечера звезда.

21 ноября 1858

[Апухтин А. Н.: С немецкого. , S. 987 (vgl. Апухтин: Полное собрание
стихотворений, S. 348)]

С добрым утром

Утро в доме воплотилось
Чуть рассеянным лучом.
Через миг глаза откроет
Белым солнечным ключом.

Я на встречу вскину руки
Просыпаясь, потянусь
И в глубоком полном вдохе
Новой силы наберусь.

Над тобой, такой прекрасной,
Еще спящей наклонюсь
И руке под теплой щечкой
Умилившись, улыбнусь.

Поцелую нежно в ушко,
Проведу по волосам,
Пробужу от сонных красок
К новым сказочным мирам.

Я, конечно, не волшебник,
И слова мои просты:
Утра доброго желаю,
Пусть исполнятся мечты!

Это утро будет добрым
И счастливым, так и знай!
Посмотри как рад восходу
Наш родной уральский край!

С добрым утром поздравляет
Нежно-розовый рассвет,
Ему город подпевает,
Новым солнцем обогрет.

Повторяют эхом горы,
Шелестят травой луга,
Молчаливо шепчут с неба
облака.

Будет добрым наше утро,

Наше счастье - в нас самих!
Когда любишь - жизнь волшебна
И прекрасна, словно стих!

ОТПОВЕДЬ КЛЕВЕТНИКАМ

Хуже всякого разврата -
оболгать родного брата.
Бог! Лиши клеветников
их поганых языков.

Злобно жалят, словно осы,
их наветы и доносы,
ранит грудь, как острый нож,
омерзительная ложь.

Про меня - о, я несчастный!
распустили слух ужасный,
будто я неверен той,
что сверкает чистотой!

Как могу я быть неверен
той, с которой я намерен,
в единенье двух сердец,
встать хоть нынче под венец?!

Сей поклев невероятен!
На душе моей нет пятен!
Я Юпитером клянусь,
что немедленно женюсь!

Никогда - ни сном, ни духом, -
вопреки коварным слухам,
мой чистейший идеал,
я тебе не изменял!

Я клянусь землей и небом,
Артемидою и Фебом,
всей девяткой дружных муз,
что незыблем наш союз.

Я клянусь стрелой и луком:

пусть любым подвергнусь мукам,
пусть в геенну попаду -
от тебя я не уйду!

В чем секрет столь жгучей страсти?
В чем причина сей напасти?
Очевидно, в том, что ты -
воплощенье красоты.

С чем сравнить тебя я вправе?
Ты - алмаз в золотой оправе.
Твои плечики и грудь
могут мир перевернуть.

Ты - редчайший самородок!
Носик, губки, подбородок,
шейка дивной белизны
для лобзаний созданы.

Нет! Покуда мир не рухнет
или солнце не потухнет,
изменять тебе - ни-ни!
Ты сама не измени!

Орден Вагантов

5.Разные стихи

ПЕСНЯ

К. Бальмонту

Вырыты извилисто
Русла бытия,
Где стезею илистой
Мечется струя...

С плеском несмолкающим
Ветер слил свой свист...
Горе погибающим -
Берег каменист!

Ввысь отвесно строится
Зданье темных скал,
Негде успокоиться,
Как бы ни устал!

Только вспыхнет сладостно
В пене яркий луч
Да вольется радостно
Чистый божий ключ,-

Только в ночь бездонную
Звезды с высоты
Бросят в бездну сонную
Искру красоты...

В колыбели илистой -
Светлая струя...
Сумрачны, извилисты
Русла бытия!

[Балтрушайтис Ю. К.: Земные ступени. , S. 1833 (vgl. Балтрушайтис:
Стихотворения, S. 0)]

Я знаю день моих проклятий,

Бегу в мой довременный скит,
Я вырываюсь из объятий,
Но он - распутье сторожит.

Его докучливые крики -
То близко, то издалека -
И страх, и стыд, и ужас дикий,
И обнаженная тоска.

И на распутьи - пленник жалкий -
Я спотыкаюсь, я кричу...
Он манит белою русалкой,
Он теплит издали свечу...

И, весь измучен, в исступленьи,
Я к миру возвращаюсь вновь -
На безысходное мученье,
На безысходную любовь.

13 апреля 1902

[Блок А. А.: Книга первая (1898 - 1904). , S. 4576 (vgl. Блок: Собр.соч. в 8 т. Т.1, S. 188)]

РАБОТА

Здравствуй, тяжкая работа,
Плуг, лопата и кирка!
Освежают капли пота,
Ноет сладостно рука!

Прочь венки, дары царевны,
Упадай порфира с плеч!
Здравствуй, жизни повседневной
Грубо кованная речь!

Я хочу изведать тайны
Жизни мудрой и простой.
Все пути необычайны,
Путь труда, как путь иной.

В час, когда устанет тело
И ночлегом будет хлев, -

Мне под кровлей закоптелой
Что приснится за напев?

Что восстанут за вопросы,
Опьянят что за слова
В час, когда под наши косы
Ляжет влажная трава?

А когда, и в дождь и в холод,
Зазвенит кирка моя,
Буду ль верить, что я молод,
Буду ль знать, что силен я?

Июль 1901

[Брюсов В. Я.: Urbi et orbi (1901-1903). , S. 6765]

НИТЬ АРИАДНЫ

Вперяю взор, бессильно жадный:
Везде кругом сырая мгла.
Каким путем нить Ариадны
Меня до бездны довела?

Я помню сходы и проходы,
И зал круги, и лестниц винт,
Из мира солнца и свободы
Вступил я, дерзкий, в лабиринт.

В руках я нес клубок царевны,
Я шел и пел; тянулась нить.
Я счастлив был, что жар полдневный
В подземной тьме могу избыть.

И, видеv странные чертоги
И посмотрев на чудеса,
Я повернул на полдороге,
Чтоб выйти вновь под небеса,

Чтоб после тайн безлюдной ночи
Меня ласкала синева,
Чтоб целовать подругу в очи,
Прочтя заветные слова...

И долго я бежал по нити
И ждал: пахнет весна и свет.
Но воздух был все ядовитей
И гуще тьма... Вдруг нити - нет.

И я один в беззвучном зале.
Мой факел пальцы мне обжег.
Завесой сумерки упали.
В бездонном мраке нет дорог.

Я, путешественник случайный,
На подвиг трудный обречен.
Мстит лабиринт! Святые тайны
Не выдает пришельцам он.

28 октября 1902

[Брюсов В. Я.: Urbi et orbi (1901-1903). , S. 6771]

ТИХОЕ ПЛАМЯ

Я сам найду мою отраду.
Здесь все мое, здесь только я.
Затеплю тихую лампаду,
Люблю ее. Она моя.

Как пламя робкое мне мило!
Не ослепляет и не жжет.
Зачем мне грубое светило
Недосягаемых высот?

.....

Увы! Заря меня тревожит
Сквозь шелк содвинутых завес,
Огонь трепещущий не может
Бороться с пламенем небес.

Лампада робкая бледнеет...
Вот первый луч - вот алый меч...
И плачет сердце... Не умеет
Огня лампадного сбересть!

1901

[Гиппиус З. Н.: Собрание стихов (1889-1903). , S. 10212 (vgl. Гиппиус: Собр. соч. в 2-х т. Т.2., S. 480)]

МЕРТВАЯ ЗАРЯ

Пусть загорается денница,
В душе погибшей - смерти мгла.
Душа, как раненая птица,
Рвалась взлететь - но не могла.

И клонит долу грех великий,
И тяжесть мне не по плечам.
И кто-то жадный, темноликий,
Ко мне приходит по ночам.

И вот - за кровь плачу я кровью.
Друзья! Вы мне не помогли
В тот час, когда спасти любовью
Вы сердце слабое могли.

О, я вины не налагаю:
Я в ваши верую пути,
Но гаснет дух... И ныне - знаю -
Мне с вами вместе не идти.

1901

[Гиппиус З. Н.: Собрание стихов (1889-1903). , S. 10213 (vgl. Гиппиус: Собр. соч. в 2-х т. Т.2., S. 481)]

БЫТЬ МОЖЕТ

Как этот странный мир меня тревожит!
Чем дальше - тем все меньше понимаю.
Ответов нет. Один всегда: быть может.
А самый честный и прямой: не знаю.

Задумчивой тревоге нет ответа.
Но почему же дни мои ее все множат?
Как родилась она? Откуда?
Где-то -

Не знаю где - ответы есть... быть может?

[Гиппиус З. Н.: Сиянья. , S. 10587 (vgl. Гиппиус: Собр. соч. в 2-х т. Т.2., S. 527)]

Чувств и дум несметный рой
И толпа воспоминаний
Всюду следуют за мной
По пути моих страданий...
Надо высказать мне их;
Мой замкнутый мир им тесен,
Сердце, в память дней былых,
Просит песен.

Спел бы я, как в эти дни,
Мне светя, не заходило
Всеобъемлющей любви
Лучезарное светило;
Как оно, сгорев дотла,
Меркло, грустно потухая,
И уж нет его... Пришла
Ночь глухая.

Душу вылил бы я всю;
Вплотил бы сердце в звуки!
Песни про любовь мою,
И про счастье, и про муки,
Про глубокую тоску -
Их святыни не нарушат...
Спел бы я, да не могу -
Слезы душат...

6 августа 1876

[Жемчужников А. М.: Чувств и дум несметный рой.... , S. 14178 (vgl. Жемчужников: Избранные произведения, S. 120)]

Поймете ль вы те чудные мгновенья,
Когда нисходит в душу вдохновенье,
И, зародившись, новой песни звук
В ней пробуждает столько тайных мук

И столько неземного восхищенья?
Те приступы восторженной любви,
Тот сокровенный творчества недуг -
Поймете ль вы?..
Я всю любовь, все лучшие стремленья,
Все, что волнует грудь в ночной тиши,
И все порывы пламенной души
Излил в свои стихотворенья...

Но если, бессознательно порою
Высокий долг поэта позабыв,
Пленялся я чарующей мечтою,
И звуков увлекал меня наплыв, -
Не осудите слабости случайной,
Души моей поймите голос тайный.
Что может ум без сердца сотворить?
Я не умею петь без увлеченья
И не могу свои творенья
Холодному рассудку подчинить!..

Стрельна

13 июля 1882

[К. Р. (великий князь Константин Константинович): Из цикла "Мечты и думы". , S. 17131 (vgl. К. Р.: Избранное, S. 53)]

СПЯЩИЙ ЮНОША

О всеблагое провиденье,
Храни его успокоенье!

Еще не знает он, что скука,
Что беспредельная любовь,
И как тяжка любви разлука,
И как хладеет в сердце кровь;
Не знает жизненной заботы,
Тяжелых снов и страшных бед,
И мира гибельных сует,
И дней безжизненной дремоты,
Коварства света и людей,
Надежд, желаний и страстей.
Теперь он резвится, играет,
Незрелый ум мечтой питает.

Во сне испуг его не будит,
Нужда до солнца встать не нудит,
Печаль у ложа не стоит,-
Священным сном невинность спит...
Но эти дни как тень проходят,
Прекрасный мир с собой уводят...

О всеблагое провиденье,
Храни его успокоенье!

[Кольцов А. В.: Стихотворения (1828). , S. 19233 (vgl. Кольцов: Сочинения, S. 25-26)]

Хоть давно изменила мне радость,
Как любовь, как улыбка людей,
И померкнуло прежде, чем младость.
Светило надежды моей;
Но судьбу я и мир презираю,
Но нельзя им унижить меня,
И я хладно приход ожидаю
Кончины иль лучшего дня.
Словам моим верить не станут,
Но клянуся в нелживости их:
Кто сам был так часто обманут,
Обмануть не захочет других.
Пусть жизнь моя в бурях несется.
Я беспечен, я знаю давно,
Пока сердце в груди моей бьется.
Не увидит блаженства оно.
Одна лишь сырая могила
Успокоит того, может быть,
Чья душа слишком пылко любила.

[Лермонтов М. Ю.: Стихотворения (1830-1831). , S. 21075 (vgl. Лермонтов: Соч. в 2-х томах. Т.1, S. 0)]

ОДИНОЧЕСТВО

Как страшно жизни сей оковы
Нам в одиночестве влачить.

Делить веселье - все готовы: -
Никто не хочет грусть делить.
Один я здесь, как царь воздушный,
Страданья в сердце стеснены,
И вижу, как, судьбе послушно,
Года уходят будто сны;
И вновь приходят, с позлащенной,
Но той же старую мечтой,
И вижу гроб уединенный,
Он ждет; что ж медлить над землей?
Никто о том не покрушится,
И будут (я уверен в том)
О смерти больше веселиться,
Чем о рождении моем...

[Лермонтов М. Ю.: Стихотворения (1830). , S. 20931 (vgl. Лермонтов: Соч. в 2-х томах. Т.1, S. 0)]

ПОСЛЕ БАЛА

Мне душно здесь! Ваш мир мне тесен!
Цветов мне надобно, цветов,
Веселых лиц, веселых песен,
Горячих споров, острых слов,
Где б был огонь и вдохновенье,
И беспорядок, и движенье,
Где б походило всё на бред,
Где б каждый был хоть миг - поэт!
А то - сберетесь вы чинно;
Гирлянды дам сидят в гостиной;
Забава их - хула и ложь;
Танцует в зале молодежь -
Девицы с уст улыбку гонят,
По лицам их не разберешь,
Тут веселятся иль хоронят...
Вы сами бьетесь в ералаш,
Чинопоклонствуете, лжете,
Торгуете и продаете -
И это праздник званый ваш!
Недаром, с бала исчезая
И в санки быстрые садясь,
Как будто силы управляя,

Корнет кричит: "Пошел в танцкласс!"
А ваши дамы и девицы
Из-за кулис бросают взор
На пир разгульный модной львицы,
На золотой ее позор!

1850

[Майков А. Н.: Лирика. , S. 22038 (vgl. Майков: Сочинения в 2-х томах. Т. 1, S. 106)]

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

(Подражание Лермонтову)

Спи, пострел, пока безвредный!
Баюшки-баю.
Тускло смотрит месяц медный
В колыбель твою.
Стану сказывать не сказки -
Правду пропою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По губернии раздался
Всем отрадный клик:
Твой отец под суд попался -
Явных тьма улик.
Но отец твой - плут известный -
Знает роль свою.
Спи, пострел, покуда честный!
Баюшки-баю.

Подрастешь - и мир крещеный
Скоро сам поймешь,
Купишь фрак темно-зеленый
И перо возьмешь.
Скажешь: "Я благонамерен,
За добро стою!"
Спи - твой путь грядущий верен!
Баюшки-баю.

Будешь ты чиновник с виду

И подлец душой,
Провожать тебя я выду -
И махну рукой!
В день привыкнешь ты картинно
Спину гнуть свою...
Спи, пострел, пока невинный!
Баюшки-баю.

Тих и кроток как овечка
И крепонек лбом,
До хорошего местечка
Доползешь ужом -
И охулки не положишь
На руку свою.
Спи, покуда красть не можешь!
Баюшки-баю.

Купишь дом многоэтажный,
Схватишь крупный чин
И вдруг станешь барин важный,
Русский дворянин.
Заживешь - и мирно, ясно
Кончишь жизнь свою...
Спи, чиновник мой прекрасный!
Баюшки-баю.

[Некрасов Н. А.: Стихотворения (1845). , S. 27367 (vgl. Некрасов:
Стихотворения, S. 23)]

Праздник жизни - молодости годы -
Я убил под тяжестью труда
И поэтом, баловнем свободы,
Другом лени - не был никогда.

Если долго сдержанные муки,
Накипев, под сердце подойдут,
Я пишу: рифмованные звуки
Нарушают мой обычный труд.

Всё ж они не хуже плоской прозы
И волнуют мягкие сердца,
Как внезапно хлынувшие слезы

С огорченного лица.

Но не льщусь, чтоб в памяти народной
Уцелело что-нибудь из них...
Нет в тебе поэзии свободной,
Мой суровый, неуклюжий стих!

Нет в тебе творящего искусства...
Но кипит в тебе живая кровь,
Торжествует мстительное чувство,
Догорая, теплится любовь, -

Та любовь, что добрых прославляет,
Что клеймит злодея и глупца
И венком терновым наделяет
Беззащитного певца...

[Некрасов Н. А.: Стихотворения (1855). , S. 27455 (vgl. Некрасов:
Стихотворения, S. 65)]

Ложь и злоба миром правят.
Совесьть душат, правду травят,
мёртв закон, убита честь,
непотребных дел не счесть.
Заперты, закрыты двери
доброте, любви и вере.
Мудрость учит в наши дни:
укради и обмани!
Друг в беде бросает друга,
на супруга врёт супруга,
и торгует братом брат.
Вот какой царит разврат!
"Выдь-ка, милый, на дорожку,
я тебе подставлю ножку", -
ухмыляется ханжа,
нож за пазухой держа.
Что ж за времечко такое!
Ни порядка, ни покоя,
И Господень Сын у нас
вновь распят, - в который раз!

[Орден Вагантов]

ПРОКЛЯТИЕ

Шляпу стибрил у меня
жулик и притвора.
Всеблагие небеса,
покарайте вора!
Пусть мерзавца загрызет
псов бродячих свора!
Пусть злодей не избежит
божья приговора!

Да познает негодяй
вкус кнута и плетки,
чтобы грудь и спину жгло
пламенем чесотки!
Пусть он мается в жару,
чахнет от чахотки.
Да изжарит подлеца
черт на сковородке!

Пусть он бродит по земле
смертника понурей,
пусть расплата на него
грянет снежной бурей!
Пусть в ушах его гремит
жуткий хохот фурий.
Пусть его не защитит
даже сам Меркурий!

Пусть спалит господень гнев
дом его пожаром,
пусть его сразит судьба
молнии ударом!
Стань отныне для него
каждый сон кошмаром,
чтобы знал, что воровство
не проходит даром!

Сделай, господи, чтоб он
полным истуканом
на экзамене предстал

пред самым деканом.
Положи, господь, предел
кражам окаянным
и, пожалуйста, не верь
клятвам покаянным!

[Орден Вагантов]

РАЗГОВОР С ПЛАЦОМ

"Холод на улице лют.
Плащ мой! Какой же ты плут!
С каждой зимой ты стареешь
и совершенно не греешь.
Ах ты, проклятый балбес!
Ты, как собака, облез.
Я - твой несчастный хозяин
нынче ознобом измаян".
Плащ говорит мне в ответ:
"Много мне стукнуло лет.
Выгляжу я плоховато -
старость во всем виновата.
Прежнюю дружбу ценя,
надо заштопать меня,
а с полученьем подкладки
снова я буду в порядке.
Чтоб мою боль утолить,
надо меня утеплить.
Будь с меховым я подбоем,
было б тепло нам обоим".
Я отвечаю плащу:
"Где же я денег сыщу?
Бедность - большая помеха
в приобретении меха.
Как мне с тобой поступить,
коль не могу я купить
даже простую подкладку?..
Дай-ка поставлю заплатку!"

[Орден Вагантов]

Блажен не ведавший труда,
Но щедро взысканный от неба.
Блажен не евший никогда
Слезами смоченного хлеба.
Вольней и легче дышит он,
Здоров и телом и душою;
И не поникнет головою,
Сомнением ранним удручен.
Светло, разумно и прекрасно
Все в мире кажется ему;
Он волноваться понапрасну
Не даст ни сердцу, ни уму.
Он не растратит духа силы
Средь мелких будничных забот
И безмятежно до могилы,
Не спотыкаясь, добредет.
Но сколько бедных и голодных
Свой черствый хлеб, свой тяжкий труд
За эту жизнь без скал подводных,
За этот рай не отдадут!

Июль 1861

[Плещеев А. Н.: Блажен не ведавший труда.... , S. 29445 (vgl. Плещеев:
Стихотворения, S. 153)]

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Хорошо вам, детки,-
Зимним вечерком
В комнатке уютной
Сели вы рядком,

Пламя от камина
Освещает вас...
Слушаете жадно
Мамы вы рассказ;

Радость, любопытство
На лице у всех;
Часто прерывает
Маму звонкий смех.

Вот рассказ окончен,
Все пустились в зал...
"Поиграй нам, мама", -
Кто-то пропищал.

"Хоть уж девять било,
Отказать вам жаль..."
И послушно села
Мама за рояль.

И пошло веселье,
Началась возня,
Пляска, песни, хохот,
Визг и беготня!

Пусть гудит сердито
Вьюга под окном,
Хорошо вам, детки,
В гнездышке своем!

Но не всем такое
Счастье бог дает;
Есть на свете много
Бедных и сирот.

У одних могила
Рано мать взяла;
У других нет в зиму
Теплого угла.

Если приведется
Встретить вам таких,
Вы как братьев, детки,
Приголубьте их.

<1872>

[Плещеев А. Н.: Зимний вечер. , S. 29570 (vgl. Плещеев: Стихотворения, S. 234-235)]

НА УЛИЦЕ

Вот бежит по тротуару
Моего соседа дочь.
Стройный стан, коса густая.
Глазки черные, как ночь.

В платье стареньком, в дырявой
Кацавейке на плечах;
Знать, с лекарством из аптеки -
Пузырек у ней в руках.

Уж давно недугом тяжким
Бедный мой сосед томим;
И давно столяр-хозяин
Заменял его другим.

Дочь бежит, дрожа от стужи,
А на плиты яркий свет
Вьет волной из магазинов;
И чего-чего в них нет!

Серебро, хрусталь и бронза,
Ленты, бархат и атлас...
И прохожие от окон
Отвести не могут глаз.

Хоть и холод погоняет
И домой пора давно,
А с толпой остановилась
Поглядеть она в окно.

Перетянута в корсете
Иностранка за столом
Что-то пишет... Чай, тепло ей,
Хорошо в житье таком.

Вот две барыни приходят;
Разодеты в пух оне!
Смотрят вещи дорогие...
Отложили к стороне.

Может, их они наденут
Нынче вечером на бал.
Славно жить богатым людям:
Что по вкусу, то и взял.

И невольно защемила
Сердце девичье тоска;
Видно, вспомнила, бедняжка,
Про больного старика.

И пошла в свой угол темный,
В свой сырой могильный склеп,
Где слезами обливают
Ребятишки черствый хлеб.

Мать сидит и дни и ночи
Над работой заказной,
Чуткий слух свой напрягая,
Не застонет ли больной;

Где, лохмотьями прикрытый,
На полу лежит отец
С неподвижным, тусклым взором,
Желтый, словно как мертвец.

Вот она уж близко дому;
Но при свете! Фонарей
Видит вдруг - красивый барин
Очутился перед ней.

Он глядит ей смело в очи,
И глядит не в первый раз -
Где б она не проходила,
С ней встречается тотчас.

И не раз она слыхала
От него такую речь:
"Полюби! тебя я стану
Холить, нежить и беречь.

Будешь ездить ты в карете,
Будешь в бархате ходить.
Как пойдет к твоей головке
Жемчуга большого нить!

Знатной барыней ты будешь,
И семью твою тогда
Перестанет в жестких лапах

Мягь сердитая нужда.

Хоть и прочь она бежала
От лукавых тех речей,
Но потом они звучали
Ей порой в тиши ночей.

И теперь, домой вернувшись,
Молчалива и грустна,
Долго думала о чем-то
И вздыхала все она...

<1860>

[Плещеев А. Н.: На улице. , S. 29423 (vgl. Плещеев: Стихотворения, S. 136-137)]

НИЩИЕ

1

В удушливый зной по дороге
Оборванный мальчик идет;
Изрезаны камнями ноги,
Струится с лица его пот.

В походке, в движеньях, во взоре
Нет резвости детской следа;
Сквозит в них тяжелое горе,
Как в рубище ветхом нужда.

Он в город ходил наниматься
К богатым купцам в батраки;
Да взять-то такого боятся:
Тщедушный батрак не с руки.

Один он... Свезли на кладбище
Вчера его старую мать.
С сумою под окнами пищу
Приходится, видно, собирать...

Карета шестеркой несется;
За нею пустился он вслед,

Но голос внутри раздаётся:
"Вот я тебе дам, дармоед!"

Сурово лакейские лица
Взглянули при возгласе том,
И жирный господский возница
Стегнул попрошайку кнутом.

И прочь отскочил он без крика,
Лишь сладить не мог со слезой...
И дальше пошел горемыка,
Поникнув на грудь головой.

Усталый и зноем томимый,
Он в роще дубовой прилег
И видит, с котомкою мимо
Плетется седой старичок.

"Здорово, парнишка! Откуда?
Умаялся! Хворенький, знать!"
"Из города, дедушка. Худо
Мне, больно". - "Не хлебца ли дать?"

Не много набрал я сегодня,
Да надо тебя пожалеть.
Мне с голоду милость господня
Не даст, словно псу, околеть..."

И с братом голодным, что было
В котомке, он все разделил;
Собрав свои дряхлые силы,
На ключ за водицей сходил.

И горе пока позабыто,
И дружно беседа идет...
Голодного, видно, не сытый,
А только голодный поймет!

<1861>

[Плещев А. Н.: Нищие. , S. 29432 (vgl. Плещеев: Стихотворения, S. 144)]

Отдохну-ка, сяду у лесной опушки;

Вон вдали - соломой крытые избушки,
И бегут над ними тучи вперегонку
Из родного края в дальнюю сторонку.
Белые березы, жидкие осины,
Пашни да овраги - грустные картины;
Не пройдешь без думы без тяжелой мимо.
Что же к ним всё тянет так неодолимо?

Ведь на свете белом всяких стран довольно,
Где и солнце ярко, где и жить привольно.
Но и там, при блеске голубого моря,
Наше сердце ноет от тоски и горя,
Что не видят взоры ни берез плакучих,
Ни избушек этих сереньких, как тучи:
Что же в них так сердцу дорого и мило?
И какая манит тайная к ним сила?

Июль 1861

[Плещеев А. Н.: Летние песни. , S. 29500 (vgl. Плещеев: Стихотворения, S. 189)]

Снова я, раздумья полный,
В книгу прошлого гляжу,
Но страниц, отрадных сердцу,
В ней не много нахожу!

Здесь напрасные стремленья -
Там напрасная любовь,
И сильнее год от году
Холодеет в сердце кровь,

А порой и мне казалось,
Счастье было найдено;
То же горе! Только счастьем
Притворилось оно!

С каждым днем дорога жизни
Все становится скучней...
И, послушный воле рока,
Вяло я бреду по ней!

Без надежды, без желанья,

Как волна катится вдаль...
Впереди не вижу цели,
И былого мне не жаль!

<1845>

[Плещеев А. Н.: Снова я, раздумья полный.... , S. 29280 (vgl. Плещеев:
Стихотворения, S. 36)]

Есть дни: ни злоба, ни любовь,
Ни жажда дел, ни к истине стремленье -
Ничто мне не волнует кровь;
И сердце спит, и ум в оцепененье.

Я остаюсь к призывам жизни глух;
Так холодно взираю, так бесстрастно
На все, что некогда мой дух
Тревожило и мучило всечасно.

И ласка женская во мне
В те дни ответа даже не находит;
В бездействии, в позорном сне
Душевных сил за часом час проходит.

Мне страшно, страшно за себя;
Боюсь, чтоб сердце вовсе не остыло,
Чтоб не утратил чувства я,
Пока в крови огонь и в теле сила.

Годами я еще не стар...
О боже, всех, кто жаждет искупленья,
Не дай, чтоб пеплом сердца жар
Засыпало мертвящее сомненье!

<1857>

[Плещеев А. Н.: Есть дни: ни злоба, ни любовь.... , S. 29355 (vgl. Плещеев:
Стихотворения, S. 88)]

В БУРЮ

Комнату лампада

Кротко озяла;
Мать, над колыбелью
Наклонясь, стояла.

А в саду сердито
Выла буря злая,
Над окном деревья
Темные качая.

И колючей веткой
Ель в стекло стучала,
Как стучит порою
Путник запоздалый.

Дождь шумел; раскаты
Слышались грома;
И гремел, казалось,
Он над крышей дома.

На малютку сына
Нежно мать глядела;
Колыбель качая,
Тихо песню пела:

"Ах! уймись ты, буря!
Не шумите, ели!
Мой малютка дремлет
Сладко в колыбели.

Ты, гроза господня,
Не буди ребенка;
Пронеситесь, тучи
Черные, сторонкой!

Бурь еще немало
Впереди, быть может,
И не раз забота
Сон его встревожит".

Спи, дитя, спокойно...
Вот гроза стихает;
Матери молитва
Сон твой охраняет.

Завтра, как проснешься
И откроешь глазки,
Снова встретишь солнце,
И любовь, и ласки!

<1872>

[Плещеев А. Н.: В бурю. , S. 29572 (vgl. Плещеев: Стихотворения, S. 236-237)]

ЛЮБОВЬ ПЕВЦА

На грудь ко мне челом прекрасным,
Молю, склонись, друг верный мой!
Мы хоть на миг в лобзанье страстном
Найдем забвенье и покой!
А там дай руку - и с тобою
Мы гордо крест наш понесем
И к небесам в борьбе с судьбою
Мольбы о счастье не пошлем...
Блажен, кто жизнь в борьбе кровавой,
В заботах тяжких истощил),-
Как раб ленивый и лукавый,
Талант свой в землю не зарыл!

Страдать за всех, страдать безмерно,
Лишь в муках счастье находить,
Жрецов Ваала лицемерных
Глаголом истины разить,
Провозглашать любви ученье
Повсюду - нищим, богачам -
Удел поэта... Я волнений
За блага мира не отдам.
А ты! В груди твоей мученья
Таятся также, знаю я,
И ждет не чаша наслажденья,-

Фиал отравленный тебя!
Для страсти знойной и глубокой
Ты рождена - и с давних пор
Толпы бессмысленной, жестокой
Тебе не страшен приговор.
И с давних пор, без сожаленья

О глупом счастье дней былых,
Страдаешь ты, одним прощеньем
Платя врагам за злобу их!

О, дай же руку - и с тобою
Мы гордо крест наш понесем,
И к небесам в борьбе с судьбою
Мольбы о счастье не пошлем!..

1845

[Плещеев А. Н.: Любовь певца. , S. 29286 (vgl. Плещеев: Стихотворения, S. 39-40)]

Всю-то, всю мою дорожку
Ранним снегом занесло!
Было время золотое,
Да как сон оно прошло.
Было время - и блистало
Солнце в яркой синеве,
И цветов пестрело много
В зеленеющей траве.
Шумом радостным шумели
Бесконечные леса...
И звенели в темной чаще
Вольных птичек голоса.
И река спокойно в море
Волны чистые несла;
И дрожащим в этих волнах
Звездам не было числа!

Но разнес осенний ветер
Пожелтевшие листья;
И под холодом поникли
Запоздалые цветы...
Улетели в край далекий,
Под иные небеса,
Птички вольные, покинув
Обнаженные леса!
И в волнах реки шумящих
Не лазурный, чистый свод,
Не бесчисленные звезды -
Тучи смотрятся с высот...

Было время - молодое
Сердце билось в груди;
Жизнь, и счастье, и свободу
Обещало впереди!
Божий мир казался тесен
Для могучих юных сил;
Как орел ширококрылый,
В беспредельность дух парил!
Жажда подвигов высоких
Волновала смелый ум;
Много в сердце было страсти,
В голове - кипучих дум!
Жизнь! зачем же обещаний
Не сдержала ты своих
И зачем не пощадила
Упований молодых?
Сгибло все: надежды, силы...
Как ненастной порой
Зеленеющие всходы
Под дыханьем бури злой!
Было время золотое,
Да как сон оно прошло!
Всю-то, всю мою дорожку
Ранним снегом занесло!

<1862>

[Плещеев А. Н.: Всю-то, всю мою дорожку.... , S. 29492 (vgl. Плещеев:
Стихотворения, S. 184)]

ПТИЧКА

Для чего, певунья птичка,
Птичка резвая моя,
Ты так рано прилетела
В наши дальние края?

Заслонили солнце тучи,
Небо всё заволокли;
И тростник сухой и желтый
Клонит ветер до земли.

Вот и дождик, посмотри-ка,
Хлынул словно из ведра;
Скучно, холодно, как будто
Не весенняя пора!

- Не для солнца, не для неба
Прилетела я сюда;
В камышах сухих и желтых
Не совью себе гнезда.

Я совью его под кровлей
Горемыки-бедняка;
Богом я ему в отраду
Послана издалека.

В час, как он, вернувшись с поля
В хату ветхую свою,
Ляжет, грустный, на солому,
Песню я ему спою.

Для него я эту песню
Принесла из-за морей;
Никогда ее не пела
Для счастливых я людей.

В ней поведаю я много
Про иной, чудесный свет,
Где ни бедных, ни богатых,
Ни нужды, ни горя нет.

Эта песня примиренье
В грудь усталую прольет;
И с надеждою на бога
Бедный труженик заснет.

<1858>

[Плещеев А. Н.: Птичка (Для чего, певунья птичка...), S. 29373 (vgl. Плещеев: Стихотворения, S. 100-101)]

Смотрю на нее и любуюсь:
Как птичка, порхает она,
И уст ее детских улыбка,

Как майское утро, ясна.

Смотрю и люблюсь, а сердце
Привычная дума гнетет:
Быть может, и эту головку
Судьба невеселая ждет.

И скоро, быть может, поникнет
Под бурей житейской чело,
Слезой отуманятся глазки,
Что смотрят на мир так светло.

Настанет тяжелое время
Тоски и душевных тревог...
Но всё же пусть лучше страданья
В удел посылает ей рок,

Чем пошлости омут бездонный,
Что много так жертв поглотил,
Где много так гибнет бесследно
И честных стремлений, и сил.

<1864>

[Плещеев А. Н.: Смотрю на нее и люблюсь.... , S. 29525 (vgl. Плещеев:
Стихотворения, S. 205)]

ТУЧИ

Отвори, мой друг, окошко,
Воздух тепел и душист,
Ни один не колыхнется
На березках белых лист.

Отвори, мой друг, окошко
И не бойся. Стороной
Туча грозная промчалась,
Нас пугавшая с тобой.

Но я вижу, ты за нею
Робким взором все следишь;
И грозу - тебе сдается -
Предвещает эта тишь.

Посмотри! Блеснуло солнце...
В бледно-розовых лучах
Тонет даль полей немая...
Отгони свой детский страх;

Посмотри, как чист и ясен
Солнца летнего закат...
И на завтра безмятежный
Небеса нам день сулят.

Но я знаю, что за дума
На челе твоём легла:
Ты забыть не можешь тучи,
Что далеко уплыла.

И, невольно подымая
К небу грустные глаза,
Говоришь себе: "Над кем-то
Грянет страшная гроза!"

Дай-то бог, чтоб не застигла
Бедных странников она -
Бедных странников, бредущих
В ночь без отдыха и сна;

Не застигла б тех, кто бросил
Ближних, родину и дом
И пошел к далекой цели
Неизведанным путем!"

Июль 1863

[Плещеев А. Н.: Тучи. , S. 29518 (vgl. Плещеев: Стихотворения, S. 199-200)]

Спишь ты, матушка, в могиле,
Из нее не встанешь
И на дочь твою любовно
Никогда не взглянешь.

Без привета жить на свете
Тяжело, моя родная,
Тяжко мыкать злую долю,

Отдыха не зная.

Нет тебя, и друга нету.
Стал мне свет тюрьмою.
Сердце бьется, словно птичка,
Нет ему покою.

У чужих людей батрачку
Кто приветит, приголубит,
И какой же парень добрый
Сироту полюбит?

Научи ж, моя родная,
Дочку-сиротину,
Как избыть мне горе злое,
Лютую кручину.
Иль уж мне с ней до могилы,
До могилы не расстаться,
И с приветливою долей
Никогда не знаясь?

27 июня 1881

[Сологуб Ф.: Спишь ты, матушка, в могиле.... , S. 35736 (vgl. Сологуб:
Стихотворения, S. 80)]

ВЕСНА

(Посвящается друзьям)

Любовь земли и прелесть года,
Весна благоухает нам! -
Творенью пир дает природа,
Свиданья пир дает сынам!..

Дух жизни, силы и свободы
Возносит, обвеваает нас!..
И радость в душу пролилась,
Как отзыв торжества природы,
Как бога животворный глас!..

Где вы, Гармонии сыны?..
Сюда!.. и смелыми перстами

Коснитесь дремлющей струны,
Нагретой яркими лучами
Любви, восторга и весны!..

Как в полном, пламенном расцвете,
При первом утра юном свете,
Блистают розы и горят;
Как зефир в радостном полете
Их разливает аромат, -

Так, разливайся, жизни сладость,
Певцы!.. за вами по следам!..
Так пурхай наша, други, младость
По светлым счастья цветам!..

Вам, вам сей бедный дар признательной
любви,
Цветок простой, не благовонный,
Но вы, наставники мои,
Вы примете его с улыбкой благосклонной.
Так слабое дитя, любви своей в залог,
Приносит матери на лоно
В лугу им сорванный цветок!..

<1821>

[Тютчев Ф. И.: Весна. , S. 37954 (vgl. Тютчев: Стихотворения, S. 27-28)]

Ищите новые пути!
Стал тесен мир. Его оковы
Неумолимы и суровы, -
Где ж вечным розам зацвести?
Ищите новые пути!

Мечты исчерпаны до дна,
Иссяк источник вдохновенья,
Но близко, близко возрожденье,
Иная жизнь иного сна!
Мечты исчерпаны до дна!

Но есть любовь, но есть сердца...
Велик и вечен храм искусства.
Жрецы неведомого чувства

К нему нисходят без конца.
И есть любовь, и есть сердца!

Мы не в пустыне, не одни,
Дорог неведомых есть много,
Как звезд на небе, дум у бога,
Как снов в загадочной тени.
Мы не в пустыне, не одни!..

[Фофанов К. М.: Ищите новые пути!... , S. 39084 (vgl. Фофанов: Избранное, S. 396)]